

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

Национальный
исследовательский

**Томский
государственный
университет**

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2019

№ 13

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
КРИМИНОЛОГИЯ
КРИМИНАЛИСТИКА

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной надзорной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И., д-р юрид. наук, доц.; Воронин О.В., канд. юрид. наук, доц. (отв. секретарь); Елисеев С.А., д-р юрид. наук, проф. (председатель редколлегии); Мариничева А.Ю. (техн. секретарь); Свиридов М.К., д-р юрид. наук, проф.; Уткин В.А., д-р юрид. наук, проф. (главный редактор); Филимонов В.Д., д-р юрид. наук, проф.; Шеслер А.В., д-р юрид. наук, проф.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А., д-р юрид. наук, проф. (Омск); Ахмедшин Р.Л., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Барабаш А.С., д-р юрид. наук, проф. (Красноярск); Ведерников Н.Т., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Голик Ю.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Головкин Л.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Гришко А.Я., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, проф. (Омск); Зникин В.К., д-р юрид. наук, проф. (Кемерово); Николук В.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Прокументов Л.М., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Самович Ю.В., д-р юрид. наук, доц. (Кемерово); Селиверстов В.И., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Серкан Айян (Измир, Турция); Скаков А.Б., д-р юрид. наук, проф. (Астана, Республика Казахстан); Смолькова И.В., д-р юрид. наук, проф. (Иркутск); Стойко Н.Г., д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербург); Уткин В.А., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Халиулин А.Г., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Черненко Т.Г., д-р юрид. наук, проф. (Кемерово).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистов – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

*Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук*

Адрес редакции и издателя:

634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция»
E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет:

<http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите:

<http://www.elibrary.ru>

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета

Редактор Е.Г. Шумская; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелююр; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 28.05.2019 г. Формат 60х80¹/₈. Усл.-печ. л. 16. Тираж 500 экз. Заказ № 3822. Цена свободная.

Дата выхода в свет 07.06.2019 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия. Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Валеев М.Т. Криминологическое обоснование санкций уголовно-правовых норм особенной части УК РФ	5
Гулиева Н.Б. Классификация преступлений, причиняющих вред чести, достоинству и репутации	13
Дарханова А.Б., Краснопеов И.С., Попова Е.И. Правовое просвещение участников уголовного судопроизводства по вопросам достижения компромисса сторон обвинения и защиты	17
Джинджолия Р.С., Асмарян О.Г. Экологические преступления в российском законодательстве от Русской правды до современного права	22
Джинджолия Р.С., Хачидогова М.М. О некоторых вопросах определения терроризма и информационного терроризма	25
Кудратов Н.А. Национальная и государственная безопасность как видовой объект преступления против основ конституционного строя и безопасности государства	29
Лакехин М.А. Проблемы криминализации деяний, состоящих в незаконных выдаче и получении избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме (ст. 142.2 УК РФ): недопустимая реальность и научные пути решения	34
Лозинский И.В. К вопросу об определении задачи уголовного права по охране общественных отношений в сфере экономической деятельности	42
Орешкин М.И., Сутурин М.А. К вопросу о либерализации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности	48

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Адамчик Я.Д., Тузов А.Г. Пределы судебного контроля за решениями об отказе в возбуждении уголовного дела	52
Анисимов А.Г., Цыреторов А.И. Уголовное преследование в обычном праве бурят	59
Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в.	64
Желева О.В. Оговор заведомо невиновного лица как способ злоупотребления обвиняемым субъективным правом	70
Косенко А.М. О процессуальной форме получения объяснений	75
Носкова Е.В., Шелгачев Е.М. Возможности использования восстановительного подхода к осуществлению уголовного судопроизводства	80
Рукавишникова А.А. Дифференциация производства в суде кассационной инстанции: проблемы и перспективы	84
Смирнова И.Г., Казарина М.И., Гуджабидзе Г.А. Конституционные начала современной уголовно-процессуальной политики: промежуточные итоги	89
Спиридонов М.С. О подготовительных действиях суда кассационной инстанции по уголовному делу	94

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Васеловская А.В. Правовые основы применения трудовой терапии в процессе исполнения принудительных мер медицинского характера	100
Новиков Е.Е. Субъекты уголовно-исполнительных правоотношений: теоретические вопросы определения их состава и правовые проблемы закрепления в нормах права	105
Никитин Д.А. Криминогенное влияние насильственных посягательств в местах лишения свободы на преступное поведение и виктимизацию ВИЧ-инфицированных осужденных	111
Уваров О.Н. О трудовых отношениях при отбывании наказания в виде исправительных работ	114
Усеев Р.З. Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения: проблемы интерпретации, ответственности и безопасности в местах лишения свободы	117

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Мариничева А.Ю. Прокурорский надзор за законностью обеспечения предпринимательства и соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности	122
---	-----

КРИМИНОЛОГИЯ

Дроздов И.С. Структура криминологического рецидива осужденных без лишения свободы	126
--	-----

КРИМИНАЛИСТИКА

Седнев Р.И., Шаталов Е.А. Использование психологического реагента при производстве допроса на предварительном следствии	133
Сведения об авторах	137

CONTENTS

CRIMINAL LAW

Valeev M.T. Criminological Substantiation of Penal Sanctions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation	5
Gulieva N.B. Classification of Crimes Causing Damage to Honor, Dignity and Reputation	13
Darkhanova A.B., Krasnopeev I.S., Popova E.I. Legal Education of Participants of Criminal Proceedings on Achieving the Compromise Between the Prosecution and Defense	17
Dzhindzholiya R.S., Asmaryan O.G. Ecological Crimes in Russian Legislation from Russian Truth to Modern Law	22
Dzhindzholiya R.S., Khachidogova M.M. On Some Issues of Determining Terrorism and Information Terrorism	25
Kudratov N.A. National and State Security as a Specific Object of Crime Against the Basis of the Constitutional Structure and Security of the State	29
Lakekhin M.A. Problems of Criminalization of Illegal Issuance and Receiving Election and Referendum Bulletins (Article 142.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): Unacceptable Reality and Scientific Methods	34
Lozinsky I.V. On the Definition of the Objective of Criminal Law on the Protection of Public Relations in the Sphere of Economic Activity	42
Oreshkin M.I., Sutorin M.A. On Liberalization of Criminal Liability for Crimes in the Sphere of Economic Activity	48

CRIMINAL PROCEDURE

Adamchik Ya.D., Tuzov A.G. Limits of Judicial Control of Decisions on Refusal to Initiate a Criminal Case	52
Anisimov A.G., Tsyretorov A.I. Criminal Persecution in the Buryat Customary Law	59
Baranov A.M. Electronic Evidence: Illusion of the Criminal Process of the 21st century	64
Zheleva O.V. False Accusation as a Way to Abuse the Subjective Right by the Accused	70
Kosenko A.M. The Form of Action for Obtaining Explanations	75
Noskova E.V., Shelgachev E.M. The Usability of a Restorative Approach to the Implementation of Criminal Proceedings	80
Rukavishnikova A.A. Differentiation of Proceedings in a Court of Cassation: Problems and Prospects	84
Smirnova I.G., Kazarina M.I., Gudzhabidze G.A. Constitutional Principles of the Modern Criminal Procedure Policy: Interim Results	89
Spiridonov M.S. Preparatory Actions of a Court of Cassation on a Criminal Case	94

CRIMINAL AND PENAL LAW

Vaselovskaya A.V. The Legal Basis of Using Occupational Therapy in the Execution of Compulsory Measures of a Medical Nature	100
Nikitin D.A. The Criminogenic Influence of Violent Attacks in Detention Facilities on the Criminal Conduct and Victimization of HIV-Infected Convicts	105
Novikov E.E. Subjects of Penal Legal Relations: Theoretical Issues of Determining Their Composition and Legal Problems of Consolidation in the Law	111
Uvarov O.N. On Labor Relations When Serving Corrective Work	114
Useev R.Z. Malicious Disobedience to the Requirements of a Correctional Facility Administration: Problems of Interpretation, Liability and Security in Detention Facilities	117

PROSECUTOR SUPERVISION

Marinicheva A.Yu. Prosecutor's Supervision over the Legitimacy of Securing Entrepreneurship and Enforcement of the Rights of Entrepreneurs	122
---	-----

CRIMINOLOGY

Drozdov I.S. The Structure of Criminological Recidivism of Persons Convicted Without Imprisonment	126
--	-----

FORENSIC SCIENCE

Sednev R.I., Shatalov E.A. The Use of a Psychological Reagent in the Interrogation During the Preliminary Investigation	133
Information about the authors in Russian	137

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.241

DOI: 10.17223/23088451/13/1

М.Т. Валеев

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ САНКЦИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ
ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

Статья посвящена криминологической обоснованности санкций уголовно-правовых норм. Рассматриваются подходы к содержанию догматического и криминологического обоснования процесса конструирования санкций и их результата. Доказывается необходимость дифференцированного криминологического обоснования санкций при первичном и вторичном законотворчестве. Автор аргументирует свою позицию относительно факторов, составляющих содержание понятия «криминологическая обоснованность санкций норм Особенной части УК РФ».

Ключевые слова: уголовно-правовая санкция, наказание, криминологическая обоснованность санкций.

Общеизвестным постулатом науки уголовного права является необходимость криминологической обоснованности его норм. Термин «обоснование» часто употребляется в научном лексиконе. Обоснование – это процесс нахождения и изучения основания. Под основанием понимается необходимое условие, являющееся предпосылкой существования каких-либо явлений и служащее их объяснением. Иными словами, наличие основания означает наличие действительной потребности в существовании явления в таком, а не ином виде. В литературе по философии и методологии науки проанализированы следующие методы обоснования: доказательство, опровержение, подтверждение, возражение, объяснение, интерпретация, оправдание, определение. Философское определение обоснования подразумевает «способ рациональной аргументации» в пользу истинности теории.

Необходимости криминологической обоснованности уголовно-правовых норм уделено довольно большое внимание в литературе. В основном исследования посвящены обоснованности диспозиций уголовно-правовых норм при криминализации деяний. На необходимость же криминологической обоснованности санкций внимание обращается намного реже либо не обращается вовсе. Однако отсутствие должной криминологической обоснованности при пенализации общественно опасных деяний создает почву для широкой критики ее результатов. Проблема конструирования санкций норм Особенной части УК РФ является, по выражению Э.Ф. Побегайло, его «ахиллесовой пятой» [1, с. 61]. Как следствие, подавляющее большинство изменений, внесенных в Уголовный кодекс РФ, касалось именно санкций. В литературе, как правило, лишь констатируется необходимость криминологического обоснования санкций. Между тем одна из важных задач криминологии – предложить законодателю некий «алгоритм отбора» наказаний в санкцию. Содержание этой задачи состоит «в тщательной разработке ценностных и социологических критериев для перехода от преимущественно интуитивного к научному подходу при выборе вида и размера наказания» [2, с. 120]. Кримино-

логическое обоснование должно объяснять внесение в санкцию как видов конкретных наказаний (основного и дополнительного), так и их размеров¹. Криминологически необоснованная санкция приводит к неоправданности общественных ожиданий, невозможности достижения целей наказания, перекосам в уголовной политике, непропорциональности кары в санкциях за однородные (схожие) преступления, к неприменяемости и неприменности установленного наказания, а в конечном итоге к неэффективности наказания, снижению уважения к закону, рецидиву преступлений.

Понятие «санкция уголовно-правовой нормы» в научной литературе имеет широкий и узкий смыслы. В широком – это все неблагоприятные последствия совершенного преступления. При этом следует отличать уголовно-правовую санкцию уголовно-правовой нормы как все возможные негативные последствия от преступления, предусмотренные только уголовным законом (помимо наказания сюда следует отнести условное осуждение, принудительные меры воспитательного воздействия и т.д.), и «просто» санкцию уголовно-правовой нормы, включающую в себя последствия, предусмотренные как уголовным законом, так и иными законами (например, запрет на трудоустройство лица, имеющего судимость, предусмотренный ст. 331 ТК РФ). В узком смысле санкция – это часть соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса, предполагающая своим содержанием наказание. Санкцию ниже будем рассматривать в узком смысле.

Что представляет собой криминологическая обоснованность санкций норм уголовного права? Единого понимания в литературе в этом вопросе нет. По мнению В.Д. Филимонова, криминологические основания содержания норм уголовного права включают в себя криминологические свойства общественно опасного деяния, общественную опасность личности виновного, условия, способствующие совершению общественно опасного деяния [3, с. 122–123]. В.А. Казакова считает,

¹ Например, в Республике Беларусь с 2007 г. действует Указ Президента РФ «О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь».

что криминологическая обоснованность учитывает состояние и динамику, причины и условия преступности, личность виновных, масштабы причиняемого общественным отношениям вреда, а также отношения населения и отдельных его слоев [4, с. 380]. Д.В. Шебанов полагает, что криминологическую обоснованность следует понимать как формулирование тех или иных составов преступлений, наказания за их совершение, адекватную реализацию этих норм на практике в соответствии с криминологической реальностью и главной целью уголовно-правовой репрессии – предупреждением преступлений и обеспечением надежной защиты от них личности, общества и государства [5, с. 3].

Прежде чем ответить на поставленный вопрос, отметим, что любая норма должна иметь свое социальное и догматическое обоснование. Социальное основано на общественных процессах (экономика, общественное мнение, уголовная политика и т.д.). Оно придает содержанию норм динамизм – изменение под влиянием меняющихся внешних факторов. Догматическое (техничко-юридическое, специально-юридическое или формально-логическое) обоснование статично, поскольку не предполагает изучения социальных процессов, абстрагировано от них и подразумевает соответствие уголовного закона ряду логических и языковых (семантических, грамматических, синтаксических) правил, внутренним технико-юридическим связям. В подавляющем большинстве в научных исследованиях авторы при обосновании уголовно-правовых норм отдают предпочтение догматическому подходу. «Анализируя уголовно-правовые понятия, – отмечает профессор С.А. Елисеев, – выстраивая их систему, они сосредотачивают свое внимание на букве закона и упускают из виду фактический материал, наполняющий конкретикой те или иные законоположения. В результате их суждения как по вопросам *de lege lata*, так и по вопросам *de lege ferenda* не получают необходимой глубины и убедительности» [6, с. 92]. К правилам догматического обоснования уголовно-правовой санкции, например, можно отнести требования непревышения строгости дополнительного наказания по отношению к основному, повышенной строгости санкции квалифицирующего состава по отношению к основному или привилегированному; меньшая четкость выраженности признаков состава преступления влечет большее колебание общественной опасности деяния в сторону как увеличения, так и уменьшения, а значит, и границ санкции и т.п. К догматическим правилам пенализации следует отнести правила построения уголовного наказания, соответствующего требованиям определенности, делимости, заменяемости, личного характера и т.д. [7, с. 127–166].

В качестве примера догматической безосновательности санкции можно привести санкцию ст. 159.4 УК РФ («Мошенничество в предпринимательской сфере»). Вопрос необоснованно несопоставимого различия размеров санкций ст.ст. 159 и 159.4 УК РФ даже был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В результате положения ст. 159.4 УК РФ были признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они устанавливают несоразмерное общественной опасности деяния наказание в виде лишения сво-

боды на срок, позволяющий отнести данное преступление к категории преступлений средней тяжести, в то время как за совершенное также в особо крупном размере такое же деяние, ответственность за которое без определения его специфики по субъекту и способу совершения применительно к тем или иным конкретным сферам предпринимательской деятельности предусмотрена общей нормой ст. 159 УК РФ, устанавливается наказание в виде лишения свободы на срок, относящий его к категории тяжких преступлений, притом что особо крупным размером похищенного применительно к наступлению уголовной ответственности по ст. 159 УК Российской Федерации признается существенно меньший, нежели по ст. 159.4 УК РФ¹.

Отметим, что часто законодатель вносит корректировки в санкции Особенной части УК РФ, руководствуясь и ограничиваясь исключительно догматическими соображениями. Так, Федеральным законом № 324-ФЗ от 03.07.2016 г. изменена санкция ст. 204 УК РФ. Пояснительная записка к закону содержит следующее объяснение изменению: «...предлагается санкции статьи 204 Уголовного кодекса Российской Федерации привести в соответствие с санкциями статей 290 и 291 Уголовного кодекса Российской Федерации по видам наказаний, а при определении размеров наказания исходить из того, что дача и получение взятки являются более общественно опасными преступлениями, чем коммерческий подкуп».

Л.М. Прокументов, рассуждая о социальной обоснованности уголовно-правового запрета (криминализации) [8, с. 10], отмечает, что она складывается из социально-экономической, социально-психологической и криминологической обоснованности. Аналогичная логика оправдана и при обосновании результатов пенализации, отраженных в санкциях статей Особенной части УК РФ.

Социальная обоснованность, помимо криминологической, включает в себя экономическую и психологическую обоснованность. Экономическая обоснованность санкций уголовно-правовых норм означает наличие в государстве материальных ресурсов, необходимых для исполнения наказания (аспект издержек), а также предполагает оценку экономического результата, который может быть достигнут при применении наказания (аспект сбережения). Психологическая обоснованность – это совокупность устоявшихся представлений общества о справедливом (необходимом и достаточном) соответствии наказания преступлению. Сюда следует отнести, в частности, готовность общественного сознания к наличию в уголовном законе смертной казни, пожизненного лишения свободы, представления о количестве и качестве уголовной репрессии в конкретных наказаниях, об относительной (между собой) ценности охраняемых уголовным законом благ, о возрасте уголовной ответственности, возрасте, с достижения которого допустимо применение отдельных наказаний, о состоянии здоровья, допускающем применение тех или иных наказаний, и т.д.

Ответ на вопрос, что понимать под непосредственно криминологической обоснованностью санкции уголов-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

но-правовой нормы, на наш взгляд, следует ставить в зависимость от предмета криминологии. Большинство отечественных исследователей придерживаются подхода, согласно которому предмет криминологии состоит из следующих частей:

- а) преступность как социальное и уголовно-правовое явление;
- б) личность преступника;
- в) детерминанты преступности;
- г) предупреждение преступности.

Сторонники широкого подхода наряду с указанными составляющими предмета включают в него также проблемы криминализации и декриминализации деяний, включающие в себя пенализацию и депенализацию [3, с. 3–5; 9, с. 3–5; 10, с. 17].

Дальнейшие рассуждения требуют отграничить первичное законодательство (принятие уголовно-правовой нормы) и вторичное (изменение или дополнение уголовно-правовой нормы). В первом случае пенализация деяния осуществляется одновременно с его первоначальной криминализацией (введением ранее не существовавшего уголовно-правового запрета), является его неотъемлемой частью, продолжением. На наш взгляд, при узком понимании предмета криминологии о криминологической обоснованности уголовно-правовой нормы вообще и санкции в частности можно вести речь только при вторичном законодательстве. При установлении санкции впервые закрепляемой нормы у законодателя отсутствует возможность для криминологического обоснования конструируемой санкции. Нет сведений ни о преступлении, ни о личности преступника, ни о детерминантах деяния как преступного, ни о предупреждении этого преступного деяния – просто потому, что такого преступления ранее не существовало, следовательно, в предмет исследования криминологии оно попросту не входило. При узком подходе к предмету криминологии только вторичное законодательство предполагает возможность и необходимость криминологического обоснования санкции, так как лишь при изменении санкции за уже закрепленный состав преступления у законодателя появляются сведения, составляющие предмет криминологии.

Иная ситуация с широким пониманием предмета криминологии. Включение в него процессов (де)криминализации и (де)пенализации означает необходимость изучения криминологом опасных деяний, которые «претендуют» на попадание в Уголовный кодекс в качестве запрещенных и наказуемых, а также лиц, их совершающих, в том числе в контексте мер, которые необходимо применять для предотвращения таких деяний. При подобном подходе криминологическое обоснование норм имеет место не только при вторичном, но и при первичном законодательстве. В дальнейших рассуждениях будем исходить из широкого понимания предмета криминологии.

Как указывалось выше, при первичном законодательстве законодатель не имеет сведений о состоянии преступности, а также о личности преступника. Конструируя санкцию, он может исходить лишь из характера общественных отношений, которым грозит опасность, анализа содержания и эффективности санкций за

составы, которые после криминализации деяния окажутся смежными, из сведений о предполагаемой личности преступника. Вторичное же законодательство предполагает возможность и необходимость криминологического обоснования санкции, основанного на изучении показателей преступности, статистических данных о личности преступника, практики применения ранее существовавшей санкции.

Итак, при первичном законодательстве криминологически обоснованной будет санкция, во-первых, учитывающая опасность деяния, «претендующего» на попадание в число преступных, во-вторых, учитывающая личность того предполагаемого преступника, который будет совершать криминализируемое деяние, в-третьих, учитывающая детерминанты этого криминализируемого преступления, в-четвертых, способствующая предупреждению преступления.

Санкция должна отражать общественную опасность преступления. Учесть опасность – значит адекватно отразить в санкции размер и характер вреда, причиняемого охраняемым общественным отношениям. Этот довольно банальный постулат скрывает за собой один из сложнейших вопросов уголовного права – как должна быть построена такая санкция? Из имеющихся ответов на этот вопрос наиболее известен ответ В.Н. Кудрявцева, утверждавшего, что «оптимальные пределы санкций, ни верхний, ни нижний, иначе как умозрительным путем определить не удастся» [11, с. 5]. Действительно, несмотря на огромное количество попыток привязать общественную опасность деяния к количественно-качественным показателям санкции преступления, четкие и единообразные алгоритмы так и не были выработаны.

Идеально построенной санкцией будет та, которая полностью соответствует своим содержанием особенностям преступления. Можно ли каждый раз строить такую санкцию? Очевидно, нет, так как, по справедливому утверждению того же В.Н. Кудрявцева, «прямая связь между видами наказания и характером преступления отсутствует» [12, с. 27]. Кроме того, невозможно сформулировать количество видов наказаний, соответствующих количеству и специфике видов преступлений. И все же это не повод разделять точку зрения некоторых авторов, полагающих, что «криминология в принципе не способна быть основой уголовного права в силу своей неопределенности, неконкретизированности, неполноты конечных результатов» [13, с. 117]. В какой-то степени связать общественную опасность с санкцией можно. Речь идет в первую очередь о так называемых «естественных» санкциях, когда характер наказания такой же, как и характер опасности преступления. Иными словами, лишения и ограничения, составляющие содержание наказания, максимально приближены к характеру вреда, причиняемого преступником охраняемым общественным отношениям. Такие «естественные» санкции должны устанавливаться всякий раз, когда характер общественной опасности преступления может быть скоррелирован с объектом противоправного деяния. Например, штраф за кражу, лишение права управления транспортным средством за

нарушение правил дорожного движения, повлекшее тяжкие телесные повреждения, лишение права занимать должности за получение взятки. Уголовное законодательство восьми штатов США допускает принудительную химическую кастрацию за преступления на сексуальной почве [14, с. 104].

Однако лишь «естественными» санкциями ограничиться при пенализации невозможно, а потому актуально обоснование связи опасности преступления с иными санкциями.

Степень общественной опасности должна находить свое отражение в размере (количественном показателе) устанавливаемых наказаний. Говоря о влиянии степени общественной опасности на санкцию преступления, стоит оговориться, что чаще всего сама «степень общественной опасности устанавливается на основе здравого смысла» [15, с. 84]. Более или менее понятно увязать степень общественной опасности с санкцией можно в преступлениях с материальным составом, где последнее измеримо количественно в тех единицах, в которых измеряется наказание.

В иных же случаях, когда последствие не поддается количественному измерению в тех же единицах, что и наказание, санкция должна соответствовать (быть соизмеримой / адекватно соотносимой) степени общественной опасности ранее уже криминализированных деяний, аналогичных по характеру общественной опасности. Отсутствие «привязки» к санкциям схожих составов преступления может быть продиктовано только выявлением ошибок при построении последних, что может, в частности, выражаться в практике назначения наказания, рецидиве либо обнаружении догматической безосновательности нормы.

При построении санкции должна учитываться и личность преступника. Во-первых, потому что она является персонифицированным носителем общественной опасности. Во-вторых, игнорирование знаний о личности может привести к ситуации, когда наказания, предусмотренные в санкции, будут просто неприменимы к преступнику (например, в силу ограничений, установленных для применения наказания для тех или иных категорий лиц, которые, однако, чаще других и совершают данное деяние).

Следует согласиться с В.Д. Филимоновым в том, что «юридическое выражение в уголовно-правовой санкции криминологических особенностей личности преступника ограничивается тем, что она в первую очередь учитывает характер и степень общественной опасности преступления, нашедшие отражение в элементах состава преступления и обстоятельствах, смягчающих или отягчающих уголовную ответственность. Тем не менее и в этих условиях личность преступника оказывает на содержание санкции непосредственное воздействие, и во многих случаях оно оказывается весьма существенным» [3, с. 125].

Однако не стоит переоценивать возможности криминологии в изучении личности преступника для целей построения санкции уголовно-правовой нормы. На современном этапе развития криминологии ее возможности в этом аспекте весьма ограничены. Далеко не все криминологически значимые характеристики личности

влияют на построение санкции. Кроме того, криминология не выработала четких критериев такого влияния. Часть из них должна учитываться на стадии пенализации, однако большая часть может быть учтена лишь на стадии назначения наказания.

Учет криминологических характеристик личности преступника при построении санкции, на наш взгляд, может и должен осуществляться законодателем по следующим направлениям. Все криминологические характеристики, которые возможны к учету на стадии законотворчества, можно разделить на две группы – влияющие на санкцию через состав преступления и влияющие на санкцию непосредственно. Первая – свойства, существенно влияющие на размер общественной опасности преступления, а потому находящиеся закрепление в составе преступления. Это те характеристики личности, которые совпадают с признаками специального субъекта преступления. Вторая группа свойств влияет непосредственно на санкцию. Это сведения о так называемой «типовой» личности преступника, которые прямо влияют на возможность применения того или иного наказания.

Не любые характеристики типовой личности важны при построении санкции. Вряд ли законодателю, формирующему санкцию, каждый раз помогают такие сведения о типовой личности, как семейное положение, наличие детей, образование, наличие судимости и др. Значение имеют две группы характеристик. Во-первых, те, что служат своего рода «противопоказаниями» (ограничителями) в применении наказания (например, исправительные работы не назначаются в силу ч. 5 ст. 50 УК РФ беременным женщинам). По действующему уголовному законодательству к таковым можно отнести пол, возраст, состояние здоровья (инвалидность, беременность), отношение к военной службе. Во-вторых, это характеристики, которые, напротив, выступают в качестве «показаний» к закреплению определенных наказаний. Например, если то или иное преступление совершают в основном несовершеннолетние (вандализм, совершенный группой лиц), то наказание должны учитывать возрастную группу и отвечать требованиям ст. 88 УК РФ.

Влияние третьего (детерминанты преступности) и четвертого (предупреждение преступности) блоков предмета криминологии на санкцию за преступление следует рассматривать вместе в силу их взаимной обусловленности. Так, изучение причин, условий и факторов преступности необходимо для ее предупреждения, а предупреждение преступности предполагает, помимо прочего, воздействие на ее детерминанты.

Вряд ли можно говорить о возможности построения санкции, которая бы полноценно учитывала и воздействовала на детерминанты преступности. Наказание – лишь одна из форм (и далеко не основная) воздействия на эти детерминанты.

При изучении преступности и практики применения наказаний установлено, что между уровнем преступности и уровнем жестокости судебной репрессии по всем преступлениям в целом линейная корреляционная зависимость отсутствует [2, с. 71; 16, с. 145; 17, с. 53]. Коль скоро судебная репрессия является своего рода

проекцией репрессии, установленной на законодательном уровне, то такое утверждение следует учитывать и при пенализации преступлений. Предупредительный потенциал наказания весьма ограничен – наказание априори не может воздействовать на весь комплекс детерминант, которые приводят к совершению преступления. Само по себе наличие санкций за те или иные опасные деяния, безусловно, оказывает определенный «сдерживающий» эффект путем реализации цели общего предупреждения в наказаниях, ею предусматриваемых, но не более того. Подтверждением может служить смертная казнь, наличие или отсутствие которой в санкциях не влияет на уровень преступности. Куда большим предупредительным эффектом обладает высокая раскрываемость преступлений. Ведь, как известно, важнее не строгость наказания, а его неотвратимость. Не приходится говорить и о возможности прямого воздействия санкцией преступления, за которое она предусмотрена, на детерминанты, которые в непосредственной причинно-следственной связи с ним не находятся, – условия и факторы этого преступления. Посредством санкций за преступление, например, невозможно воздействовать на общесоциальные детерминанты преступности (при классификации исходя из масштаба действия) – социальное неравенство, низкий уровень доходов населения, миграцию, безработицу и т.д.

Как справедливо утверждал по этому поводу профессор В.В. Лунеев, «уголовно-правовыми мерами нельзя решить экономических и политических проблем, хотя иллюзий на этот счет предостаточно» [18, с. 934]. Полагаем, сложно рассуждать и о возможности выработки ясного и понятного алгоритма воздействия санкцией на детерминанты отдельных групп преступлений (при делении детерминант по уровню субординации). Просто потому, что эти причины слишком разные, а содержание санкции весьма ограничено. Они кардинально отличны, например, для преступлений против службы в коммерческих организациях и воинских преступлений, против половой неприкосновенности и против безопасности участников дорожного движения и т.д.

Наказание – всегда последствие уже совершенного преступления. Подобно тому, как лекарство от простуды удаляет симптомы заболевания (высокую температуру), а не его причины (переохлаждение), наказание суть возмездная кара, т.е. «принуждение к страданию» за совершенное преступление (опасное нарушение общественных отношений), а не его предотвращение. Воздействие на причины, конечно, осуществляется на уровне реализации цели общего и специального предупреждения, стоящей перед наказанием, как деятельности, направленной в том числе на нейтрализацию детерминант преступности.

Предупреждению преступлений, очевидно, препятствует неисполнимая санкция – та, которая не учитывает опасности преступления и личности преступника. Формируя же санкцию уголовно-правовой нормы, которая это учитывает, законодатель автоматически действует в направлении решения стоящей перед ней задачи предупреждения преступлений.

Переходя к криминологическому обоснованию санкции при вторичном законотворчестве, отметим, что, как указывалось выше, в отличие от первичного, оно предполагает изменение уже существующей санкции уголовно-правовой нормы Особенной части. Вторичное законотворчество в отношении санкции уголовно-правовой нормы (изменение уровня пенализации общественно-опасного деяния) имеет место в следующих случаях:

1. Переоценка общественных отношений, охраняемых уголовно-правовой нормой Особенной части УК РФ, в связи с изменением их социальной значимости. При этом:

а) состав преступления меняется (например, изменяется размер последствия, необходимого для привлечения к уголовной ответственности);

б) состав преступления остается неизменным.

2. Санкция не отвечает своему предназначению (например, в случае ошибки при первоначальном законотворчестве или изменения характеристик типовой личности преступника).

3. Введение в уголовный закон нового вида наказания, отвечающего характеру и степени общественной опасности деяния, закрепленного в Особенной части УК РФ в качестве преступного.

По мнению В.Д. Филимонова, в условиях, когда «соответствующие действия уже признаны преступными, в качестве таких обстоятельств (детерминант уголовно-правовых норм в целом. – М.В.) выступают следующие: состояние преступности (структура, количество совершаемых преступлений, их динамика), ее причины и условия, способствующие совершению преступлений, личность преступника» [3, с. 17]. Солидаризуясь в целом с таким подходом, отметим, что он все же более отражает криминологическое обоснование диспозиции нормы (криминализации в узком понимании), нежели ее санкции (пенализации). Само по себе знание структуры преступности и количества совершаемых преступлений, причин и условий совершения преступления мало информативно для законодателя, изменяющего санкцию. Так, например, в случае если структура зарегистрированной преступности применительно к конкретному составу значительно ниже реальной, это, помимо прочего, может служить поводом для выводов о его несовершенстве и последующей криминализации или декриминализации, но не для корректировки санкции. Что же касается личности, то ее типовые характеристики (их изменение) однозначно служат криминологическими основаниями для пенализации.

По мнению М.И. Ковалева, при установлении санкций за то или иное преступление необходимо учитывать степень его распространенности [19, с. 77; 20, с. 50]. Вряд ли это правильно. В юридической литературе довольно давно и обоснованно указывалось на ошибочность «представлять себе дело так, что система наказаний (как в законодательстве, так и в судебной практике) должна быть поставлена в полную и однозначную зависимость от состояния преступности, ее уровня, структуры и характера» [2, с. 134; 21, с. 18].

Известно, что распространенность тех или иных преступлений в разное время даже в одном регионе может быть неодинакова, не говоря уже о регионах, удаленных друг от друга, отличных по количеству населения, соотношению городских и сельских агломераций, экономическому потенциалу, уровню безработицы, средней заработной плате и т.п. Следуя же логике М.И. Ковалева, с изменением распространенности в ту или иную сторону должна изменяться и величина установленного в законе наказания. Но в таком случае не будет соблюдаться требование стабильности уголовно-правовой нормы. В то же время отсутствие полной и однозначной зависимости, конечно, не означает независимости вообще. Возможное колебание распространенности преступлений должно учитываться законодателем при установлении минимальных и максимальных границ санкции нормы, а реальное колебание распространенности – судом при назначении наказания в пределах таких границ санкции.

Как изменение уровня преступности не оказывает влияния на санкцию, так и изменение санкции не оказывает заметного влияния на уровень преступности. Подтверждением сказанному могут служить следующие примеры.

В 2008 г. Федеральным законом от 16.05.2008 г. № 74-ФЗ в ст. 7.27 КоАП РФ были внесены изменения – граница административно и уголовно наказуемого хищения была повышена со 100 до 1 000 рублей. В результате изменилась структура преступлений против собственности – значительно сократилось число (удельный вес) краж. Однако санкция ст. 158 УК РФ при этом не претерпела изменений. И наоборот. Федеральным законом от 07.03.2011 г. № 26-ФЗ в целом ряде норм исключены нижние границы санкций в виде лишения свободы. Изменения коснулись, в частности, ст. 111 УК РФ. Как это отразилось на уровне преступности? Никак. Колебания уровня преступности в этот период имели место в пределах статистической погрешности. Так, по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, всего осуждено по ч. 1 ст. 111 УК РФ в 2010 г. – 22 262 человека, в 2011 г. – 21 914 человек, в 2012 г. – 21 445 человек.

Гораздо уместнее при вторичном законотворчестве говорить о распространенности (частоте) применения того или иного наказания как криминологическом обосновании санкции. Следует оговориться, что речь идет о применении (назначении) реального наказания, а не условного. Высокий уровень назначения наказания условно свидетельствует о несоответствии санкции общественной опасности деяния¹.

Распространенность применения того или иного наказания из числа предусмотренных в санкции говорит либо о его (наказания) эффективности, либо о не-

эффективности (неприменимости, неисполнимости, высоком уровне рецидива после отбытия) остальных наказаний, предусмотренных этой санкцией, но редко назначаемых.

Так, в уже упоминавшейся выше пояснительной записке к Федеральному закону от 03.07.2016 г. № 324-ФЗ отмечается, что с 2011 г. наблюдается существенный рост доли штрафа, назначенного в качестве основного наказания за коммерческий подкуп и взяточничество. При этом в настоящее время единственной альтернативой лишению свободы за совершение коррупционных преступлений, не относящихся к категории преступлений небольшой тяжести, является штраф, исчисляемый исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа или взятки. Отсутствие вариативности видов наказания по данным составам преступлений снижает эффективность уголовного наказания при его назначении с учетом конкретных обстоятельств совершения преступления, данных о личности осужденного, в том числе о его материальном положении и возможности исполнения кратного штрафа.

В свою очередь, назначение судами несоизмеримо крупных размеров штрафа согласно санкции уголовного закона лицам, очевидно не имеющим реальной возможности его уплаты, не обеспечивает принципа неотвратимости наказания и, кроме того, вынуждает судебных приставов-исполнителей обращаться в суды с ходатайством о замене штрафа лишением свободы.

С учетом изложенного предлагается дополнить санкции указанных статей альтернативными видами уголовного наказания, исходя из того, что цели наказания в отношении должностных лиц (лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации), получивших предмет коммерческого подкупа или взятку, могут быть достигнуты в случае возложения на них судом обязанности выплатить штраф в абсолютных величинах с назначением дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на длительные сроки.

К криминологическим основаниям вторичного законотворчества путем пенализации общественно опасных деяний следует отнести и уровень рецидива после назначения (применения) того или иного наказания из ранее закрепленной санкции.

Очевидно, неэффективное наказание, требующее своего исключения или изменения, будет иметь высокий уровень рецидива (выше, нежели после применения иных наказаний в санкции или этого же вида наказания в схожих составах преступлений). Однако такое утверждение не носит абсолютного характера. Рецидив может быть результатом не только неэффективной санкции, но и стечения случайных обстоятельств, и деформации системы ценностей осужденного в условиях отбывания наказания, правильно установленного законодателем, и неготовности работодателей трудоустроить лиц, имеющих судимость, и разрыва социальных связей осужденного и т.д. Однако отграничить одно от другого при современном уровне криминологии практически невозможно.

¹ Так, например, С.С. Уткина отмечает, что по России доля осужденных условно по всем категориям преступлений хотя и остается значительной, но постоянно снижается (в 2011 г. – 35,6%, в 2014 г. – 27,4%, в 2016 г. – 25,1%). Судами Томской области начиная с 2011 г. за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью лишение свободы условно ежегодно назначается в среднем 50% осужденным, главным образом за преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 111 УК РФ. Однако встречаются факты условного осуждения и по ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ [22, с. 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Побегайло Э.Ф. Концепция борьбы с преступностью и проблемы совершенствования УК РФ // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. М., 2003. С. 60–64.
2. Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций (аксиологические аспекты). Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. 134 с.
3. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. 210 с.
4. Казакова В.А. Криминологические исследования – необходимая основа реформирования законодательства уголовно-правового цикла // Материалы X Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2016 г.). М., 2016. С. 379–381.
5. Шебанов Д.В. Криминологическая обоснованность уголовного законодательства и практики его применения в сфере охраны собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2017. 21 с.
6. Елисеев С.А. Vis unita fortior (объединенные силы мощнее) // Криминологические основы уголовного права : материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2016 г. М., 2016. С. 91–94.
7. Валеев М.Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 166 с.
8. Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 142 с.
9. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 284 с.
10. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева. М. : Наука, 1982. 304 с.
11. Кудрявцев В.Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 3–10.
12. Кудрявцев В.Н. Проблемы наказания, не связанного с лишением свободы // Советская юстиция. 1968. № 1. С. 27–28.
13. Козлов А.П. Проблемы криминологии как основы уголовного права // Криминологические основы уголовного права : материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2016 г. М., 2016. С. 115–118.
14. Авдалян А. Кастрация лиц, совершивших половые преступления: опыт США // Уголовное право. 2013. № 4. С. 102–108.
15. Прокументов Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 81–91.
16. Хан-Магомедов Д.О. Математические методы изучения преступности и политики применения наказания при разработке проблем уголовной политики. Основные направления борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1975. С. 141–162.
17. Гальперин И.М. Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1975. С. 51–59.
18. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть. М. : Юрайт, 2011. 1003 с.
19. Ковалев М.И. Роль правосознания и юридической техники в развитии уголовного законодательства // Советское государство и право. 1985. № 8. С. 73–79.
20. Игнатов А.И. Совершенствование уголовно-правовых санкций как средство повышения эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы // Комплексная разработка проблем исполнения наказания. М., 1979. Вып. 50. С. 50–55.
21. Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. М. : Юрид. лит., 1983. 205 с.
22. Уткина С.С. Условное осуждение за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и принцип справедливости // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. С. 17–20.

Criminological Substantiation of Penal Sanctions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 5–12. DOI: 10.17223/23088451/13/1

Marat T. Valeev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mtv666@yandex.ru

Keywords: penal sanction, punishment, criminological basis of sanctions.

Criminological substantiation of penal sanctions is an essential element of lawmaking, which, in case of negligence on part of the legislator, can result in impossibility of achieving the goals of punishment, distortions in criminal policy, disproportionality of punishment in sanctions for homogeneous (similar) crimes, non-applicability and inapplicability of the punishment, and, finally, ineffectiveness of punishment, disrespect for the law, and recidivism. Any norm (and penal law is not an exception) must have its social and dogmatic rationale. The social rationale is based on social processes (economics, public opinion, criminal policy, etc.), which makes the norms dynamic and capable of changing in response to externalities. The dogmatic (technical, legal or formal-logical) rationale is static, being abstracted from social processes. It implies that the criminal law complies with a number of logical and linguistic (semantic, grammatical, syntactic) rules and internal technical relations. Besides criminological, the social rationale includes economic and psychological components. The economic feasibility of penal sanctions implies that the state has material resources necessary for the punishment execution (cost) and can assess the economic result achieved with the application of punishment (savings). The psychological rationale is a set of well-established ideas about the fair (necessary and sufficient) conformity of punishment to the crime. The content of criminological substantiation of penal sanctions depends on the content of the subject of criminology, as well as on the type of lawmaking activity – primary (imposing a ban and sanction) or secondary (changing an existing sanction). In primary lawmaking, criminological substantiation of a sanction implies its construction considering the danger of a criminal act and the typical identity of a criminal. In secondary lawmaking, in addition, it is necessary to consider prevalence of the crime, frequency of the real punishment application, level of recidivism after the application of a particular punishment from a previously fixed sanction.

References

1. Pobegaylo, E.F. (2003) [The concept of crime fight and problems of improving the Criminal Code of the Russian Federation]. *Pyat' let deystviya UK RF: itogi i perspektivy* [Five years of the Criminal Code of the Russian Federation: results and prospects]. Proc. of the Conference. Moscow. May 30–31, 2002. Moscow. pp. 60–64. (In Russian).
2. Osipov, P.P. (1976) *Teoreticheskie osnovy postroeniya i primeneniya ugolovno-pravovykh sanktsiy (aksiologicheskie aspekty)* [Theoretical basis for the construction and application of criminal sanctions (the axiological aspects)]. Leningrad: Leningrad State University.

3. Filimonov, V.D. (1981) *Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava* [Criminological foundations of criminal law]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Kazakova, V.A. (2016) [Criminological studies as a necessary basis for reforming the criminal law legislation]. *Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava* [Criminological Foundations of Criminal Law]. Proc. of the Tenth Russian Congress of Criminal Law. May 26–27, 2016. Moscow. pp. 379–381. (In Russian).
5. Shebanov, D.V. (2017) *Kriminologicheskaya obosnovannost' ugovnogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya v sfere okhrany sobstvennosti* [Substantiation of the criminal law and practice of its application for property protection]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnoyarsk.
6. Eliseev, S.A. (2016) [Vis unita fortior (the combined forces are more powerful)]. *Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava* [Criminological Foundations of Criminal Law]. Proc. of the Tenth Russian Congress of Criminal Law. May 26–27, 2016. Moscow. pp. 91–94. (In Russian).
7. Valeev, M.T. (2006) *Svoystva ugovnogo nakazaniya v svete teorii penalizatsii* [Properties of criminal punishment in the light of the theory of penalization]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Prozumentov, L.M. (2012) *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyanii* [Criminalization and decriminalization of acts]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) *Kriminologiya (Obshchaya chast')* [Criminology (General Part)]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Kudryavtsev, V.N. & Yakovlev, A.M. (eds) (1982) *Osnovaniya ugovno-pravovogo zapreta: kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya* [Grounds for criminal prohibition: criminalization and decriminalization]. Moscow: Nauka.
11. Kudryavtsev, V.N. (1981) Kriminalizatsiya: optimal'nye modeli [Criminalization: optimal models]. In: Yakovlev, A.M. (ed.) *Ugovnoe pravo v bor'be s prestupnost'yu* [Criminal law in the fight against crime]. Moscow: [s.n.]. pp. 3–10.
12. Kudryavtsev, V.N. (1968) Problemy nakazaniya, ne svyazannogo s lisheniem svobody [Problems of punishment, unrelated to deprivation of liberty]. *Sovetskaya yustitsiya*. 1. pp. 27–28.
13. Kozlov, A.P. (2016) [Problems of criminology as the basis of criminal law]. *Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava* [Criminological Foundations of Criminal Law]. Proc. of the Tenth Russian Congress of Criminal Law. May 26–27, 2016. Moscow. pp. 115–118. (In Russian).
14. Avdalyan, A. (2013) Kastratsiya lits, sovershivshikh polovye prestupleniya: opyt SShA [Castration of persons who committed sex crimes in the USA]. *Ugovnoe pravo*. 4. pp. 102–108.
15. Prozumentov, L.M. (2014) The grounds for criminalization and decriminalization of acts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4(14). pp. 81–91. (In Russian).
16. Khan-Magomedov, D.O. (1975) Matematicheskie metody izucheniya prestupnosti i politiki primeneniya nakazaniya pri razrabotke problem ugovnoy politiki [Mathematical methods for the study of crime and the policy of punishment application in the development of problems of criminal policy]. In: Khan-Magomedov, D.O., Galperin, I.M. et al. *Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu* [The main directions of the fight against crime]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. pp. 141–162.
17. Galperin, I.M. (1975) Ugolovnaya politika i ugovnoe zakonodatel'stvo [Criminal policy and criminal law]. In: Khan-Magomedov, D.O., Galperin, I.M. et al. *Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu* [The main directions of the fight against crime]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. pp. 51–59.
18. Lunev, V.V. (ed.) (2011) *Kurs mirovoy i rossiyskoy kriminologii* [International and Russian Criminology]. Moscow: Yurayt.
19. Kovalev, M.I. (1985) Rol' pravosoznaniya i yuridicheskoy tekhniki v razviti ugovnogo zakonodatel'stva [The role of legal consciousness and technology in the development of criminal law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 73–79.
20. Ignatov, A.I. (1979) Sovershenstvovanie ugovno-pravovykh sanktsiy kak sredstvo povysheniya effektivnosti ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody [Improvement of criminal sanctions as a means of increasing the efficiency of the execution of imprisonment]. *Kompleksnaya razrabotka problem ispolneniya nakazaniya*. 50. pp. 50–55.
21. Galperin, I.M. (1983) *Nakazanie: sotsial'nye funktsii, praktika primeneniya* [Punishment: social functions, practice of application]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
22. Utkina, S.S. (2018) Uslovnoe osuzhdenie za umyshlennoe prichinenie tyazhkogo vreda zdorov'yu i printsip spravedlivosti [Conditional conviction for the intentional infliction of grievous bodily harm and the principle of justice]. In: Zhuravlev, M.M., Barnashov, A.M. & Kuznetsov, S.S. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 17–20.

Н.Б. Гулиева

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРИЧИНЯЮЩИХ ВРЕД ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВУ И РЕПУТАЦИИ

Анализируются виды преступлений, причиняющих вред чести, достоинству, репутации. Представлена классификация по нескольким основаниям, заявлена позиция о возможном истолковании преступлений, причиняющих вред нематериальным благам человека, в широком и узком понимании. Предложено разграничивать преступления против чести, достоинства и репутации человека по признакам, характеризующим объективную и субъективную стороны. Выделены категории преступлений, не относящихся к группе преступлений против личности, однако причиняющих вред чести, достоинству, репутации.

Ключевые слова: *честь, достоинство, репутация, преступление, классификация.*

Юридическая доктрина располагает множеством оснований деления преступлений на виды. Науке известны различные классификационные критерии, позволяющие выделять непересекающиеся между собой и взаимоисключающие друг друга виды преступлений. Такие группы, именуемые классами, как правило, выделяются по признакам, характеризующим элементы состава преступления. Каждое преступление одной группы должно обладать общим признаком, свойственным всем деяниям в этой группе.

Функциональное предназначение классификации в уголовном праве четко отразил В.Н. Кудрявцев, отмечавший, что классификация, во-первых, позволяет познавать сущность включенных в уголовное законодательство институтов, устанавливая предназначение различных классификационных групп, определять их объективные признаки, основные характеризующие составляющие, во-вторых, помогает представлять изучаемые явления в научно обоснованном и структурированном виде, выявлять их взаимосвязи и соподчинения, понять их как части целого и, базируясь на представлении об этой целостности, прогнозировать наличие недостающих звеньев, т.е. осуществлять диагностирование и предсказание новых явлений [1, с. 54].

Н.Н. Маршакова обращает внимание на то, что «классификация в уголовном законодательстве при внешней беспристрастности обладает особой значимостью, занимает самостоятельное место в его системе и может использоваться для целенаправленного регулирования уголовно-правовых отношений с учетом взятых под охрану тех или иных социальных благ, интересов. При ее умелом использовании содержание системы уголовного законодательства в целом, отдельных уголовно-правовых норм становится абсолютно точным, ясным и понятным и, наоборот, при игнорировании приемов классификации – недоступно сложным либо безгранично неопределенным» [2, с. 4].

Приведенные выше суждения авторов представляются весьма уместными применительно к градации преступлений, причиняющих вред чести, достоинству, репутации. Дело в том, что классификация преступлений против чести, достоинства, репутации представляет определенную сложность. Данное обстоятельство обусловлено специфическим подходом законодателя к уголовно-правовой защите указанных нематериальных

благ. Законодатель ограничился одной лишь нормой, охраняющей честь, достоинство, репутацию в качестве основного объекта. Такая норма предусмотрена ст. 128.1 УК РФ «Клевета». В большей мере честь, достоинство, репутация охраняются уголовно-правовыми нормами наряду с основными объектами. Иными словами, законодатель преимущественно защищает такие нематериальные блага в специальных нормах в качестве дополнительных объектов. Многие из подобных деяний не относятся даже к группе преступлений против личности. Однако в результате их совершения вред чести, достоинству, репутации так или иначе причиняется. В частности, при захвате заложника процесс изъятия человека из привычной для него микросреды может сопровождаться действиями, унижающими его достоинство (связывание в различных, в том числе унижительных, позах, например связанного человека поставили на колени; обнажение частей тела в процессе преодоления сопротивления заложника и т.д.). Конечно, такие деяния не относятся сугубо к преступлениям против чести, достоинства и репутации. В противном случае каждое второе преступление причислялось бы к подобной категории деяний. Однако, учитывая то обстоятельство, что вред в некоторых случаях нематериальным благам все же причиняется, в рамках настоящего исследования предложено разграничивать деяния, причиняющие вред чести, достоинству, репутации, в узком и широком смысле слова.

К преступлениям, посягающим на такие нематериальные блага, как честь, достоинство, репутация, в узком смысле слова следует относить собственно преступления против чести, достоинства и репутации, т.е. деяния, посягающие на указанные объекты в первую очередь. Как было отмечено ранее, таких деяний в уголовном законе описано немного, а точнее, это деяния, ответственность за которые предусмотрена ст. 128.1 УК РФ (клевета).

В широком смысле слова к анализируемой категории преступлений следует относить деяния, причиняющие вред чести, достоинству и репутации наряду с основным объектом, причем в этой группе следует отличать преступления, в которых вред дополнительному объекту причиняется всегда (первая разновидность), т.е. дополнительный объект является обязательным, и преступления, в результате совершения которых нема-

териальные блага страдают не всегда (вторая разновидность), дополнительный объект в них является факультативным. К преступлениям первой разновидности относятся так называемые частные случаи клеветы и оскорбления, посягающие на нематериальные блага специальных субъектов. Вторую разновидность образуют деяния, способные причинить вред чести, достоинству и репутации, в силу прямого указания законодателя либо в силу специфики самого деяния.

Рассмотрим более детально указанные разновидности посягательств на честь, достоинство и репутацию человека.

Итак, первую разновидность в рамках классификации в широком смысле слова образуют специальные составы клеветы и оскорбления. Речь идет о преступлениях, направленных против нематериальных благ лиц, обладающих особым статусом, таких как судьи, прокуроры, арбитражные и присяжные заседатели, судебные приставы, военнослужащие и т.д. Основным объектом в данных преступлениях выступают интересы правосудия, порядок управления, интересы воинской службы и т.д.

Возможность отнесения преступлений, посягающих на родовые объекты, которые не затрагивают *непосредственно* (выделено мной. – Н.Г.) интересы личности, к группе преступлений, причиняющих вред чести, достоинству и репутации, обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, честь, достоинство и репутация *человека* (выделено мной. – Н.Г.) образуют в таких деяниях дополнительный обязательный объект, стало быть, вред такими преступлениями нематериальным благам человека причиняется всегда. Во-вторых, преступное посягательство на основной объект (охраняемый нормами, размещенными в самостоятельном разделе уголовного закона), как правило, причиняется путем непосредственного воздействия на нематериальные блага человека. Например, интересам государственной власти¹ причиняется вред посредством совершения уничижительных, порочащих или клеветнических действий в адрес конкретного человека. Так как последний обладает специальным статусом, оговоренным законодателем в диспозиции нормы, деяние признается совершенным против интересов службы, представителем которой является данное лицо. Поэтому уголовное преследование осуществляется не по общей, а по специальной норме, т.е. норме, характеризующей признаки специального состава клеветы или оскорбления. Так, неуважение к суду совершается посредством оскорбления человека, обладающего особым статусом – статусом судьи или статусом участника судебного процесса, оскорбление представителя власти – посредством публичного унижения чести, достоинства человека, выполняющего функции представителя власти и т.д. Никаким иным способом, кроме как оскорбление, совершить указанные деяния невозможно, что однозначно

вытекает из законодательной характеристики соответствующих составов преступлений.

Аналогичный пример можно привести и с оскорблением военнослужащего. Осознание виновным факта обладания потерпевшим особым статусом позволяет констатировать в действиях виновного признаки специального состава оскорбления². Данное обстоятельство обусловило необходимость введения соответствующего уголовно-правового запрета совершать преступление, которое в первую очередь посягает на интересы государственной власти, военной службы, а во вторую – на интересы личности.

Вторую разновидность преступлений, причиняющих вред чести, достоинству, репутации в широком смысле, составляют деяния, конструкция которых в силу прямого указания на то в законе предусматривает возможность причинения вреда нематериальным благам человека. Например, законодательная формула вымогательства характеризуется предъявлением требования о передаче предмета вымогательства, подкрепленного угрозой, содержание которой в том числе сводится к распространению сведений, позорящих потерпевшего или его близких. Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство совершается несколькими способами, одним из которых является систематическое унижение человеческого достоинства. Кроме того, всякое преступление, способом совершения которого является шантаж, также способно причинить вред чести, достоинству репутации человека (ст. 127.2, ч. 2, п. «г»; ст. 133; ст. 283.1 УК РФ и т.д.).

К этой же разновидности исследуемых деяний следует отнести преступления, которые в силу своей специфики способны причинить или, как правило, всегда причиняют вред нематериальным благам. Однако непосредственно в диспозиции статьи действия, способные причинить вред чести, достоинству, репутации, не упоминаются. Например, всякое преступление против половой свободы всегда причиняет вред достоинству человека. Хулиганство как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, способно причинить или, как правило, всегда причиняет вред нематериальным благам. Аналогичный пример можно привести с нарушением неприкосновенности частной жизни лица преступлениями, совершаемыми по мотивам национальной или религиозной ненависти или вражды и т.д. Такие деяния (интерпретируемые в широком смысле слова) способны причинить вред чести, достоинству, репутации, являющимся в составах преступлений дополнительным факультативным объектом.

Еще одна классификация преступлений, причиняющих вред чести, достоинству, репутации человека, может быть проведена по признакам, относящимся к потерпевшему. Некоторые преступления могут быть совершены в отношении любого человека, а некоторые могут затрагивать интересы только отдельных субъектов. Подобная классификация в теории уголовного

¹ Интересы государственной власти обозначены объектом преступления ввиду того, что анализируются частные случаи клеветы и оскорбления, признаки которых охарактеризованы в нормах, размещенных в разделе X УК РФ «Преступления против государственной власти». Частным случаем оскорбления является также оскорбление военнослужащего, родовым объектом которого являются интересы военной службы (раздел XI УК РФ).

² В рамках настоящего исследования виды преступлений, причиняющих вред чести, достоинству, репутации специальных субъектов, обобщенно обозначаются как частные случаи клеветы и оскорбления или специальные составы клеветы и оскорбления.

права проводится на уровне составов преступлений. Признаки общих составов преступлений описываются в общих нормах, признаки специальных характеризуются в специальных нормах¹. В этой связи предлагаем выделять общие и специальные составы преступлений, причиняющие вред чести, достоинству, репутации, в частности общие и специальные составы клеветы и оскорбления. Общим составом в настоящее время является клевета (ст. 128.1 УК РФ). Все остальные составы преступлений являются специальными. Выше нами были упомянуты так называемые частные случаи клеветы и оскорбления. Это деяния, которые направлены против нематериальных благ лиц, обладающих особым статусом: судей, прокуроров, арбитражных и присяжных заседателей, судебных приставов, военнослужащих и т.д. Основным объектом таких преступлений выступают интересы правосудия, порядок управления, интересы воинской службы и т.д. Дополнительным обязательным объектом являются честь, достоинство, репутация человека. Правила квалификации преступлений при конкуренции общих и специальных составов, разработанные теорией уголовного права, являются устоявшимися, активно применяются в правоприменительной деятельности. Поэтому квалификация при конкуренции таких составов, как правило, не вызывает каких-либо сложностей.

Однако конкурировать между собой могут некоторые специальные составы преступлений, причиняющих вред чести, достоинству, репутации. Например, оскорбление представителя власти и неуважение к суду. Поэтому для правильной квалификации содеянного имеют важное значение признаки, характеризующие потерпевшего.

Классификацию преступлений, причиняющих вред нематериальным благам, можно также провести по признакам, относящимся к объективной и субъективной сторонам исследуемых деяний.

По признакам объективной стороны можно выделить случаи, когда причинение вреда чести, достоинству, репутации человека является способом совершения преступления, посягающего на иной самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. Такие случаи выделяются только среди деяний, в которых нематериальные блага страдают от преступлений, причиняющих вред в первую очередь «иным» объектам. Однако само посягательство на так называемые «иные» объекты совершается сквозь призму причинения вреда нематериальным благам человека. Например, неуважение к суду совершается путем оскорбления судьи или участников процесса (ст. 297 УК РФ). Такое поведение внешне выглядит как оскорбление обычного человека, однако, учитывая специфику состава преступления, содеянное образует признаки деяния, в котором воздействие на нематериальные блага человека является способом воздействия на другой основной объект. Законодатель намеренно предусмотрел ответственность

за поведение именно в такой конструкции, понимая, что вменение общего состава² было бы явно недостаточным, учитывая элемент осознания виновным содеянного им в отношении лиц, обладающих специальным статусом или ввиду наличия у виновного лица намерений в достижении конкретного результата. Подобные конструкции образуют не заявленные законодателем, но явно предполагаемые случаи причинения вреда нематериальным благам человека.

Вторую классификационную разновидность преступлений, причиняющих вред чести, достоинству, репутации, по признакам объективной стороны образуют собственно посягательства на нематериальные блага человека. Подобные деяния выражаются в непосредственном воздействии и, как следствие, в причинении вреда чести, достоинству, репутации. Речь идет о преступлениях, посягающих на честь, достоинство, репутацию в первую очередь. Таким деянием в настоящее время является клевета (ст. 128.1 УК РФ). Иными словами, если к первой разновидности относятся преступления, в которых причинение вреда чести, достоинству, репутации является способом воздействия на «иной» основной объект, то ко второму виду относятся преступления, в которых посягательство на честь, достоинство, репутацию является деянием в форме активного действия, посягающего на такие нематериальные блага в качестве основного объекта.

По признакам субъективной стороны можно выделить такие деяния, в которых причинение вреда чести, достоинству, репутации является целью совершения преступления. Например, нарушение права на свободу совести и вероисповедания совершается в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Прямое указание в диспозиции статьи на преступный результат – оскорбление чувств верующих, к достижению которого стремится виновное лицо, – свидетельствует о неизбежном причинении вреда нематериальным благам верующих лиц. Способы достижения намеченного результата могут быть самыми разными, законодатель обобщенно охарактеризовал такое преступление, совершение которого возможно путем любых публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу. Оporочивание чести и достоинства верующего человека характеризует цель исследуемого деяния, что позволяет относить последнее к числу преступлений, причиняющих вред чести и достоинству человека, выделяемых по признакам, относящимся к субъективной стороне преступления.

Второй разновидностью преступлений в предлагаемой классификации по признакам субъективной стороны являются деяния, законодательная конструкция которых не предусматривает цели причинения вреда нематериальным благам в качестве конечного результата.

Иными словами, законодатель не обозначает цель причинить вред таким нематериальным благам в качестве конструктивного признака состава преступле-

¹ В теории разработаны правила квалификации при конкуренции норм, характеризующих признаки общих и специальных составов преступлений. Некоторые ученые называют такие правила правилами конкуренции общих и специальных норм, некоторые указывают на конкуренцию составов преступлений.

² В настоящее время уголовно наказуемое оскорбление декриминализовано, что послужило поводом для неоднократных критических высказываний с нашей стороны в адрес позиции законодателя по этому поводу.

ния. Конечно, причинение вреда чести, достоинству, репутации является элементом мотивации, в противном случае невозможно было бы констатировать умышленное преступление. Все составы исследуемой категории являются формальными, соответственно, преступления могут совершаться только с прямым умыслом. Однако среди деяний, причиняющих вред чести, достоинству, репутации, имеются такие, которые направлены на достижение иного результата. Например, возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), в первую очередь направлено против основ конституционного строя и безопасности государства. Логично, что законодатель не обозначает целью этого преступления причинение вреда чести и достоинству

человека. Деяние – унижение человеческого достоинства по признакам пола, расы, национальности и т.д. – направлено на достижение иного результата. Однако, учитывая то обстоятельство, что достижение так называемого «иного» результата совершается посредством унижения достоинства человека, причинение вреда таким нематериальным благам охватывается умыслом виновного, хотя и не является конечной целью его преступной деятельности.

В рамках настоящего исследования предложены не все возможные классификации преступлений, причиняющих вред чести, достоинству, репутации. Классификация преступлений заявленной группы возможна и по иным основаниям, что послужит поводом и предметом будущих изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В. О криминологической классификации преступлений // Государство и право. 2005. № 6. С. 54–66.
2. Маршак Н.Н. Классификация в российском уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 30 с.

Classification of Crimes Causing Damage to Honor, Dignity and Reputation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 13–16. DOI: 10.17223/23088451/13/2

Natavan B. Gulieva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natavan-1212@mail.ru

Keywords: honor, dignity, reputation, crime, classification.

The classification of the phenomena in any research paradigm is of great importance, since it gives such phenomena a certain structuredness, which makes it possible to characterize their features in more detail. Classification of crimes contributes to their distinction and correct qualifications. This research analyses the types of crimes that harm honor, dignity, and reputation. The classification of crimes detrimental to honor, dignity, reputation is a certain complexity due to the specific approach of the legislator to the legal protection of these intangible benefits. Such benefits are protected by special rules designed, primarily, to protect other objects. The author argues that the acts under study should be distinguished in a broad and narrow sense of the word. She suggests classifying types of crimes that harm honor, dignity, reputation on the grounds of the objective and subjective side and by the features related to the victim.

References

1. Kudryavtsev, V.N. & Lunev, V.V. (2005) O kriminologicheskoy klassifikatsii prestupleniy [On the criminological classification of crimes]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6. pp. 54–66.
2. Marshakova, N.N. (2006) *Klassifikatsiya v rossiyskom ugolovnom zakonodatel'stve (teoretiko-prikladnoy analiz)* [Classification in the Russian criminal legislation (theoretical and applied analysis)]. Abstract of Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

А.Б. Дарханова, И.С. Краснопеев, Е.И. Попова

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ВОПРОСАМ ДОСТИЖЕНИЯ КОМПРОМИССА СТОРОН ОБВИНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ

Работа выполнена при содействии гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации НШ-4484.2018.6.

Авторы обращают внимание на целесообразность правового просвещения участников уголовного судопроизводства по вопросам достижения компромисса сторон обвинения и защиты. Излагаются конкретные предложения по созданию соответствующих криминалистических рекомендаций и внедрению их в практическую деятельность.

Ключевые слова: правовое просвещение, компромисс, обвинение, защита, криминалистическая тактика.

Отечественная уголовная политика уже длительное время развивается в направлении гуманизации и либерализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Стало уже традиционным «пополнение» этих отраслей права нормами, предусматривающими возможность достижения компромисса сторон обвинения и защиты, результатом которого является в том числе и освобождение от уголовной ответственности и наказания. С принятием УПК РФ начали применяться нормы главы 40, предусматривающие особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, в 2009 г. получило законодательное закрепление досудебное соглашение о сотрудничестве, в 2013 г. – сокращенная форма дознания, в 2011 г. регламентирована возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе страны, в 2016 г. – в связи с назначением судебного штрафа.

Обозначенные и иные направления уголовной политики в рамках ее гуманизации и либерализации зачастую оцениваются представителями юридического сообщества как негативные. Так, например, А.Н. Павлухин пишет: «...уголовное наказание должно устрашать. Если уголовного наказания не будут бояться, то это уже не наказание. А страх перед наказанием будет только тогда, когда люди знают и понимают, что оно причиняет физические страдания, унижает человеческое достоинство, предусматривает иные ограничения» [1, с. 58]. Л.М. Головкин отмечает, что «...так называемые процедуры, альтернативные уголовному правосудию, мы можем наблюдать в западных странах, но даже там они вызывают вопросы с точки зрения соблюдения принципа презумпции невиновности, а как будет работать в России механизм, который подразумевает право прокурора самостоятельно назначить наказание, трудно представить, даже если он будет предполагать признание вины правонарушителем. Сейчас много претензий к так называемой упрощенной процедуре судопроизводства» [2].

Но есть и другое мнение. В частности, Н.С. Шатилина высказывается в том смысле, что «борьба с преступностью как социальным явлением не может не быть бескомпромиссной. Признавая тот факт, что преступность – явление неискоренимое в современном обществе, также необходимо понимать, что борьба с ней

должна вестись постоянно и не допускать изыятий. Однако бескомпромиссность борьбы не означает отказа от применения поощрительных норм, формирующих институт компромисса» [3, с. 91]. Автор отмечает, что «выбор того или иного вида уголовно-правового реагирования обусловлен в первую очередь специфическими характеристиками личности преступника, а также обстоятельствами, характеризующими само преступление, а не теми или иными установками в обществе» [Там же]. Во многом разделяя высказанную позицию, В.В. Сверчков указывает, что выражение «бескомпромиссная борьба с преступностью» в большей мере связано с нетерпимостью к совершению преступлений, мгновенной и эффективной реакцией государства и общества на нарушения законодательства в результате осуществления общественно опасных деяний [4]. Ряд авторов полагают, что «привлекает внимание и представляется довольно перспективным развитие института компромисса в уголовном праве как временного соглашения государственной власти с отдельным лицом или лицами, совершившими преступное деяние, в целях минимизации негативных последствий преступного посягательства» [5].

Современное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России содержит достаточно большое число норм, предусматривающих возможность достижения компромисса сторон обвинения и защиты¹. К ним относятся нормы образующие институты:

- освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ);
- освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ, ст. 28 УПК РФ);
- освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ, ст. 28.1 УПК РФ);
- освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ);

¹ В рамках настоящей публикации мы не уделяем внимания нормам Особенной части уголовного кодекса РФ, которые предполагают освобождение от уголовной ответственности и наказания. Об этом см., напр.: [6].

- дознания в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ);
- особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ);
- особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

Отметим, что высказывается мнение о том, что приведенные нормы вовсе не являются компромиссными, а представляют собой обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность и наказание либо освобождающие от нее [7, с. 86–90].

Следует подчеркнуть, что основанием для применения любого из обозначенных правовых институтов, помимо прочего, является положительное посткриминальное поведение лица, подвергающегося уголовному преследованию. Именно такое поведение является желательным для стороны обвинения, поскольку не предполагает активного противодействия стороны защиты, повышает вероятность полного заглаживания вреда, причиненного преступлением, выявления ранее неизвестных эпизодов преступной деятельности лиц, причастных к их совершению, и др. В свою очередь, применение норм, образующих названные уголовные и уголовно-процессуальные институты, зачастую желательно и для подозреваемых (обвиняемых, подсудимых), поскольку позволяет либо избежать привлечения к уголовной ответственности (ст. 75–76.2 УК РФ, ст. 25–25.1, 28–28.1 УПК РФ), либо воспользоваться преимуществами, которые предоставляют соответствующие нормы закона¹, а также преимуществами, обусловленными особенностями реализацией их на практике [9, с. 41–50].

Вместе с тем лица, привлекаемые к уголовной ответственности, не всегда бывают должным образом осведомлены о возможности улучшить свое положение. Типичны ситуации, при которых до сведения названных субъектов уголовного судопроизводства лишь доводится содержание норм, предусматривающих компромисс сторон обвинения и защиты, а особенности их реализации не разъясняются либо обозначаются достаточно поверхностно. В результате подозреваемые (обвиняемые) могут заблуждаться относительно перспектив применения к ним, например, норм об освобождении от уголовной ответственности².

Проиллюстрируем это на примере одной из вышеупомянутых норм. Так, в ч. 1 ст. 75 УК РФ указано, что «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способ-

ствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». После оглашения этой нормы следователем либо самостоятельного прочтения текста обвиняемым у последнего может сложиться ошибочное представление как минимум в отношении следующих обстоятельств:

- для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием необходимо совершить одно или несколько (не все из) действий, названных законодателем (явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления, возмещение ущерба или иное заглаживание вины);
- несовершение хотя бы одного из названных в ст. 76 УК РФ действий (например, явки с повинной) препятствует освобождению от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием;
- для деятельного раскаяния достаточно признать свою вину / принести извинения потерпевшему / дать правдивые показания;
- возмещение ущерба возможно только в натуральном виде или путем выплаты определенной денежной суммы и др.

Кроме того, лицо, подвергающееся уголовному преследованию, может ошибаться относительно категории преступления (небольшой, средней тяжести, тяжкого, особо тяжкого), в совершении которого он подозревается (обвиняется). Заметим, что приведенные нами заблуждения типичны и для потерпевших и иных заинтересованных в исходе уголовного дела лиц (гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители подозреваемых, обвиняемых и др.)

Следствием неверного понимания содержания рассмотренной и иных обозначенных в начале публикации норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства может, кроме прочего, быть нарушение прав и законных интересов непрофессиональных участников уголовного судопроизводства, в первую очередь лиц, подвергающихся уголовному преследованию. Речь идет о ситуациях, когда названные субъекты заблуждаются (добросовестно или в результате обмана со стороны сотрудников правоохранительных органов) относительно перспектив освобождения от уголовной ответственности или особого порядка судебного разбирательства (гл. 32.1, 40, 40.1 УПК РФ)³.

Отметим, что на этическую составляющую в рамках рассматриваемого нами направления деятельности правоприменителей обращалось внимание и ранее. Так, Ю.П. Гармаев вслед за Х.Д. Аликуперовым и М.А. Зейналовым [11, с. 14–25] указывает на возможность достижения только разумных и законных компромиссов, а также на недопустимость незаконных, безнравственных, неоправданных, унижительных для той или иной стороны компромиссов-«уловок» и т.д. [12]. Во избежание последних (основанных на обмане, введении в заблуждение, недопонимании и прочих компромиссах) полагаем принципиально важным доходчиво и максимально полно

¹ Следует отметить, что ряд авторов категорически не согласны с тем, что особый порядок (гл. 32.1, 40, 40.1 УПК РФ) может быть выгоден лицу, подвергающемуся уголовному преследованию. Частично разделяя эту точку зрения, заметим, что это тема отдельной дискуссии, которой мы ранее уделяли внимание. См., напр.: [8, с. 107–116].

² В рамках настоящей публикации мы не рассматриваем случаи, когда защитник занимает активную позицию при производстве по уголовному делу. Описываемые нами типичные ситуации в основном характерны, когда защита лица, подвергающегося уголовному преследованию, осуществляется по типу «главное участие, а не качество оказываемых услуг».

³ Мы убеждены, что подавляющее число сотрудников правоохранительных органов люди честные и порядочные, однако все еще встречаются отдельные недобросовестные субъекты. См.: напр.: [10].

разъяснять непрофессиональным участникам уголовного судопроизводства не только нормы закона, которые могут быть применимы при производстве по уголовному делу, но и особенности их реализации на практике. Вместе с тем отметим, что в силу достаточно серьезной рабочей нагрузки следователей (следует отметить, что в некоторых райотделах следователям приходится одновременно вести производство более чем по 30 уголовным делам) такие рекомендации трудно реализуемы на практике. С учетом этого, вероятно, оправдано предложение о доведении соответствующей информации до непрофессиональных участников уголовного судопроизводства и шире – широких слоев населения – в рамках правового просвещения.

Основа концепции правового (антикриминального) просвещения в настоящее время активно разрабатывается Ю.П. Гармаевым, его коллегами и единомышленниками. По мнению профессора, правовое просвещение в уголовном процессе и криминалистике – это реализуемая с учетом назначения уголовного судопроизводства деятельность ученых-разработчиков, а также сотрудников правоохранительных и судебных органов по формированию, распространению и разъяснению адресно, т.е. отдельным категориям лиц, и в широких слоях населения специально адаптированной правовой информации (включая рекомендации об эффективных способах ее реализации) в целях повышения правосознания и правовой культуры, противодействия правовому нигилизму [13, с. 258–270].

С учетом изложенного правовое просвещение непрофессиональных участников уголовного судопроизводства относительно возможности достижения компромисса сторон обвинения и защиты видится следующим образом. Первоначально необходима разработка систем научно обоснованных рекомендаций по типу памяток (небольших буклетов). В них в краткой и доступной для широких слоев населения форме должно найти отражение как минимум следующее: 1) положения закона и особенности их реализации; 2) критерии допустимости компромисса; 3) особенности защиты непрофессиональными участниками процесса своих прав и законных интересов, включая разъяснения порядка обжалования незаконных и / или необоснованных (по мнению потерпевших, обвиняемых и др.) действий и решений должностных лиц.

Далее необходимо внедрение названных систем рекомендаций (памяток):

- посредством сети Интернет неограниченному кругу пользователей. Указанное представляется целесообразным, поскольку по некоторым экспертным оценкам практически каждый житель нашей страны хотя бы раз в жизни рискует стать участником уголовного судопроизводства – подозреваемым / обвиняемым или потерпевшим [14]. Возможно предусмотреть на официальных сайтах правоохранительных органов

вкладки, где будут размещены соответствующие системы рекомендаций (памятки);

- непосредственно в деятельность правоохранительных органов. Такие памятки могут предлагаться следователями для ознакомления непрофессиональным участникам процесса в бумажном или даже электронном виде (например, по согласованию направляться по электронной почте, посредством мессенджеров и социальных сетей). Такие памятки могут изучаться, к примеру, потерпевшими за пределами кабинета следователя. В результате у них появляется возможность не только ознакомиться с текстом памятки не спеша, в спокойной обстановке, но и обдумать целесообразность компромисса с процессуальными противниками, обратиться за консультацией к юристу / адвокату, более обдуманно выстроить тактику участия в уголовном процессе. Такой подход, полагаем, привлекателен и для следователя не только потому, что позволит ему сэкономить время, которое пришлось бы потратить на соответствующие разъяснения участникам процесса, но и потому, что в памятке наиболее полно излагаются содержание закона и особенности правоприменительной практики.

Более того, указанное позволит надеяться:

- на достижение назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), прежде всего на обеспечение защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, уголовного преследования и назначения виновным справедливого наказания, отказа от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания;

- на соблюдение одного из принципов уголовного судопроизводства (ст. 11 УПК РФ), в соответствии с которым следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав.

Подобного рода памятки целесообразно создавать:

- по каждому из оснований освобождения от уголовной ответственности или ускоренному виду уголовного судопроизводства (гл. 32.1, 40, 40.1 УПК РФ);

- с учетом процессуального статуса адресата рекомендаций (лица, подвергающиеся уголовному преследованию, потерпевшие);

- в зависимости от категории преступлений (хищения, налоговые преступления, коррупционные посяательства и пр.).

Резюмируя изложенное, полагаем, что правовое просвещение – один из ключевых факторов, способных обеспечить защиту прав и законных интересов непрофессиональных участников уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлухин А.Н. К вопросу о гуманизации наказания в российском уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 1.
2. О гуманизации уголовного законодательства // Московское бюро по правам человека. URL: <http://pravorforf.org/index.php/news/1794> (дата обращения: 27.02.2019).

3. Шатихина Н.С. К вопросу об уголовно-правовой природе компромисса // Правоведение. 2003. № 3.
4. Сверчков В.В. Действительные и мнимые проблемы допустимого компромисса в противостоянии преступности. URL: <http://www.kpress.ru/bh/2002/4/sverchkov/sverchkov.asp> (дата обращения: 29.09.2010).
5. Кашепов В.П., Гравина А.А., Кошаева Т.О. и др. Гуманизация современного уголовного законодательства / под общ. ред. В.П. Кашепова. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. 24 с.
6. Агаев Г.А., Зорина Е.А. Компромисс в деятельности правоохранительных органов как средство борьбы с преступностью // Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та управления и экономики, 2014. URL: <http://isfic.info/SPBU/konf25.htm> (дата обращения: 26.02.2019).
7. Миндагулов А.Х. Пределы допустимости компромисса в борьбе с преступностью // Государство и право. 2008. № 9. С. 86–90.
8. Попова Е.И. О необходимости создания криминалистических методик на основе принципа компромисса // ЛексРуска. 2017. № 9 (130).
9. Попова Е.И. Криминалистическое обеспечение деятельности следователя по применению норм об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по уголовным делам о хищениях: дис. ... канд. юрид. наук. Улан-Удэ, 2012. 262 с.
10. Адвокат и следователь осуждены за обман подозреваемого // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/news/view/18318/> (дата обращения: 24.02.2019).
11. Алиперов Х.Д., Зейналов М.А. Компромисс в борьбе с преступностью. М., 1999. 84 с.
12. Гармаев Ю.П. Компромисс как общая задача сторон защиты и обвинения в уголовном судопроизводстве // СПС «КонсультантПлюс: комментарии законодательства» (дата обращения: 25.02.2019).
13. Гармаев Ю.П. Правовое просвещение и правовое информирование в уголовном процессе и криминалистике // Библиотека криминалиста. 2015. № 5 (22).
14. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2008. 4 июня. № 4647. URL: <https://rg.ru/2008/06/04/doklad-dok.html> (дата обращения: 25.02.2019).

Legal Education of Participants of Criminal Proceedings on Achieving the Compromise Between the Prosecution and Defense

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 17–21. DOI: 10.17223/23088451/13/3

Aryuna B. Darkhanova, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: sanaryuna@yandex.ru

Ilya S. Krasnopeev, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: krasnopeevis@yandex.ru

Elena I. Popova, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: popovaele-na03@yandex.ru

Keywords: legal education, compromise, prosecution, defense, forensic tactics.

The research is supported by Grant NSh-4484.2018.6 of the President of the Russian Federation for state support of the leading academic schools of the Russian Federation.

Russian criminal policy has been developing for a long time towards the humanization and liberalization. The current Russian criminal and procedural legislation contains a large number of rules providing for the possibility of reaching a compromise between the prosecution and the defense. The basis for their application is, among other things, the positive post-criminal behavior of the person under prosecuted. There are typical situations when non-professional participants in criminal proceedings are mistaken about the nature and content of certain compromises, which entails a violation of the rights and legitimate interests of these subjects. The authors pay attention to the expediency of legal education of participants in criminal proceedings on the issues of reaching a compromise between the prosecution and defense and set forth specific proposals for relevant forensic recommendations and their implementation into practice.

References

1. Pavlukhin, A.N. (2014) K voprosu o gumanizatsii nakazaniya v rossiyskom ugovnom prave [On humanization of punishment in the Russian criminal law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 1.
2. The Moscow Bureau for Human Rights. (n.d.) *O gumanizatsii ugovnogo zakonodatel'stva* [On the humanization of criminal law]. [Online] Available from: <http://pravorf.org/index.php/news/1794>. (Accessed: 27.02.2019).
3. Shatikhina, N.S. (2003) K voprosu ob ugovno-pravovoy prirode kompromissa [On legal nature of compromise]. *Pravovedenie*. 3.
4. Sverchkov, V.V. (2002) *Deystvitel'nye i mnimye problemy dopustimogo kompromissa v protivostoyanii prestupnosti* [The real and imaginary problems of acceptable compromise in confronting crime]. [Online] Available from: <http://www.kpress.ru/bh/2002/4/sverchkov/sverchkov.asp>. (Accessed: 29.09.2010).
5. Kashepov, V.P. (ed.) (2015) *Gumanizatsiya sovremennogo ugovnogo zakonodatel'stva* [Humanization of modern criminal legislation]. Moscow: INFRA-M.
6. Agaev, G.A. & Zorina, E.A. (2014) *Kompromiss v deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov kak sredstvo bor'by s prestupnost'yu* [Compromise in the activities of law enforcement agencies as a means of fighting crime]. [Online] Available from: <http://isfic.info/SPBU/konf25.htm>. (Accessed: 26.02.2019).
7. Mindagulov, A.Kh. (2008) Limits of admissibility of compromise in the fight with criminality. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 9. pp. 86–90. (In Russian).
8. Popova, E.I. (2017) The need to establish forensic methods, based on the principle of a compromise. *LeksRussika – Lex Russica*. 9(130). (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2017.130.9.107-115
9. Popova, E.I. (2012) *Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti sledovatelya po primeneniyu norm ob osobom poryadke prinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obvinяемого s pred'yavlenным ему обвинением по уголовным делам о хищениях* [Fo-

rensic support of the investigator's activities on the application of the special procedure for the adoption of a court decision with the consent of the accused with the accusation of theft]. Law Cand. Diss. Ulan-Ude.

10. Pravo.ru. (2009) *Advokat i sledovatel' osuzhdeny za obman podozrevaemogo* [Lawyer and investigator convicted of deceiving a suspect]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/view/18318/>. (Accessed: 24.02.2019).
11. Alikperov, Kh.D. & Zeynalov, M.A. (1999) *Kompromiss v bor'be s prestupnost'yu* [Compromise in the fight against crime]. Moscow: [s.n.].
12. Garmaev, Yu.P. (2003) *Kompromiss kak obshchaya zadacha storon zashchity i obvineniya v ugovnom sudoproizvodstve* [Compromise as a common task of the defense and prosecution in criminal proceedings]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=4602#011321357634664309>. (Accessed: 25.02.2019).
13. Garmaev, Yu.P. (2015) *Pravovoe prosveshchenie i pravovoe informirovanie v ugovnom protsesse i kriminalistike* [Legal education and information in the criminal process and forensic science]. *Biblioteka kriminalista*. 5(22).
14. Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. (2008) *Problemy zashchity prav poterpevshikh ot prestupleniy* [Problems of protecting the rights of crime victims]. *Rossiyskaya gazeta*. 4th June. [Online] Available from: <https://rg.ru/2008/06/04/doklad-dok.html>. (Accessed: 25.02.2019).

Р.С. Джинджолия, О.Г. Асмарян

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОТ РУССКОЙ ПРАВДЫ ДО СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Характеризуются экологические преступления в уголовном законодательстве России в историческом аспекте, начиная от Русской правды и кончая современным уголовным правом. Рассматриваются законоположения исторических памятников российского права, связанные с уголовной ответственностью за преступления в сфере экологии. Авторы также анализируют уголовное законодательство советского периода и прослеживают особенности уголовной ответственности за экологические преступления.

Ключевые слова: *уголовная ответственность, обида, преступление, экология, экологические преступления.*

В действующем российском уголовном кодексе (УК РФ) экологические преступления включены в главу 26 раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» (всего статей в главе 26 о экологических преступлениях 18). Вопрос о законодательном закреплении определения экологического преступления с исторической позиции является малоизученным, однако, на наш взгляд, представляет определенный интерес для осмысления его современного понимания в праве и науке уголовного права.

Надо полагать, что с Русской правды, рассматриваемой как первый исторический памятник права, начинается история права Российской Федерации, поскольку опыт этого документа использовался для становления и развития права России во все последующие периоды вплоть до современного уголовного и экологического законодательства. Несомненно, Русская правда и другие исторические памятники права оказали большое влияние на современное понимание преступления вообще и преступлений в сфере экологии в частности.

Русская Правда наиболее полно отражает право древнерусского государства, в том числе и уголовное. Однако в ней нет определения понятия экологических преступлений. Изучение краткой редакции Русской правды дает основание предположить, что ее нормы в основном охраняют от преступного посягательства жизнь («если человек убьет человека»), здоровье («если кто-либо будет избит до крови...») и собственность («если кто возьмет чужого коня...») человека.

Таким образом, уголовная ответственность за деяния в сфере экологии в Русской правде не была установлена. Хотя в некоторых случаях в статьях этого документа упоминались объекты природы, такие упоминания не были связаны с их охраной. Например, преследовались «моления в рощах и у воды, под овином, введение в церковь собак и птиц» и т.п.

Надо отметить, что Русская правда в то время не отделяла гражданско-правовые деликты от уголовных преступлений. Не знала Русская правда и термина «преступление» (преступление носит название «обида»). Под обидой понималось причинение человеку или группе лиц физического, материального или морального вреда [1, с. 57].

Псковская судебная грамота почти не отличалась от Русской правды в закреплении составов преступлений в сфере экологии. Однако этот исторический памятник

права делает некоторое продвижение в понимании преступления, под которым понимается не только причинение вреда частным лицам, как в Русской правде, но и причинение ущерба государственным интересам, в том числе и связанным с охраной природы [2, с. 66].

Что касается Судебника Ивана III (1497 г.), Судебника Василия III (1550 г.), в них получили закрепление преимущественно гражданско-правовые нормы, а в сфере уголовного права регулировались уголовно-процессуальные отношения. В них также не прослеживались нормы об уголовной ответственности за экологические преступления. Объясняется это тем, что и в данный период истории российского государства продолжала действовать Русская правда, нормы которой предусматривали наказание за общественно опасные деяния против собственности.

Однако следует отметить, что к преступлениям против собственности относились и те, что были связаны с землей и другими природными ресурсами. Например, штрафом и кнутом наказывались повреждение изгородей или межевых знаков земельного участка, запашка или потравы чужой земли, повреждение пчелиных ульев, бобровых гонов, истребление скота и т.п.

Лишь Соборное уложение 1649 г. [3, с. 28] начинает расширять понимание преступления, впервые дает классификацию преступлений. Объектами преступления были названы интересы государства и церкви, жизнь, здоровье, собственность, честь, достоинство, интересы гражданских сословий, на которые посягали преступления.

Наиболее тяжкими преступлениями считались общественно опасные деяния, которые посягали на такие объекты уголовно-правовой охраны, как «общественные нормы правомерного поведения», здоровье и собственность. Однако какие-либо преступления экологического характера этот исторический документ не выделял.

Дальнейшее развитие уголовного права, в том числе и по пониманию общественно опасных деяний, связано Воинским артикулом 1716 г. [4, с. 39]. В этом историческом документе впервые в истории российского уголовного права применяется термин «преступление» для обозначения общественно опасных деяний, под которым понималось все то, что может причинить вред государству. Из такого определения преступления можно заключить, что основным и главным его объектом вы-

ступают государственные интересы, причем интересы государства являлись приоритетными.

По Воинским артикулам количество видов преступлений заметно возрастает. Сюда можно отнести интересы государства и церкви, политические отношения, также должностные интересы (казнокрадство, взяточничество, упущения по службе, нерадивость) и интересы правосудия (лжесвидетельство, лжеприсяга в суде).

По поводу имущества Воинский артикул впервые применяет понятие «цена вещи». Здесь четко выделяются отношения собственности как объект уголовно-правовой охраны. Однако понятия «экологические преступления» в этом документе также не было.

Дальнейшее развитие понимания объекта преступления связано с принятием в 1845 г. исторического памятника права «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Этот нормативно-правовой акт уже в более совершенном контексте закреплял многие институты уголовного права. В нем определялись преступления, стадии совершения общественно опасного деяния, соучастие в совершении умышленного преступления, понятия необходимой обороны и крайней необходимости, другие обстоятельства, исключающие уголовное наказание, обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание. Данный документ формально закреплял и систему уголовных наказаний [5, с. 125].

Таким образом, можно сказать, что этот исторический документ уже знал те же самые понятия и термины, которые известны современному российскому уголовному законодательству.

Что касается экологических преступлений, то Уложение содержало раздел (седьмой), посвященный преступлениям и проступкам против доходов казны. Его статьи предусматривали санкции за хищения и растрату казенной собственности, причинение ущерба государственному имуществу. Закон защищал государственные монополии, как традиционные (соляную, чайную, винную), так и новые для того времени (горный промысел, в том числе разработку золота на казенных землях), преследовал незаконную самовольную охоту в запрещенных местах и т.п.

Более того, в разделе восьмом Уложения – о преступлениях и проступках против общественного благочиния – также упоминаются некоторые деяния, которые можно отнести к сфере экологии. Устанавливалась ответственность за санитарное состояние городов, гостиниц, за нарушение эпидемиологических правил [6, с. 44].

Особое значение имело последнее переиздание в 1885 г. «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», которым уголовное право в России превращается в целостную отрасль права, чей уровень соответствовал уровню и достижениям мировой юридической науки [7, с. 47].

В уголовном праве окончательно утверждаются важные принципы, актуальные и для современного уголовного права. К ним относились: «нет преступления, не предусмотренного законом»; «нет наказания, не предусмотренного законом»; «привлечение к уголовной ответственности только при наличии виновности»; «обвиняемый становится виновным лишь на основании

приговора суда и доказанности вины» (презумпция невиновности) [8, с. 156].

Таким образом, эти и другие новеллы к концу XIX в. превратили уголовное право в одну из самых развитых отраслей права в России, уровень которой соответствовал уровню и достижениям мировой науки юриспруденции.

Экологические составы преступлений не получают закрепления и в первых уголовных кодексах Советского Союза. Уголовный кодекс РСФСР стал применять деление системы уголовного законодательства на две части: Общую и Особенную. В Общей части дается определение понятия преступления, четко выделяется объект посягательства – основы советского строя и правопорядка, установленные рабоче-крестьянской властью. Особенная часть уголовного кодекса классифицирует преступления и формирует свою структуру на основании понимания объекта преступления. На первом месте – государственные преступления и преступления против порядка управления.

Иерархия ценностей (интересов), охраняемых уголовным законодательством Советского Союза, определялась по признаку объекта преступления. В первую очередь и приоритетно советский уголовный закон охранял от преступных посягательств государственные интересы, разделяла их на особо опасные государственные преступления и иные государственные преступления. Даже в отношении такого объекта преступного посягательства, как отношения собственности, приоритет имела государственная собственность, в последнюю очередь охранялись личная собственность граждан, а также личность, жизнь человека, здоровье, честь, достоинство, интересы семьи и несовершеннолетних.

УК РСФСР 1922 г. и 1936 г. не предусматривали уголовную ответственность за посягательства на экологию. Только УК РСФСР 1960 г. установил уголовную ответственность за два состава преступления экологического характера (кодекс не давал определения понятия «экологические преступления»). В составе главы «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» были предусмотрены составы о загрязнении водоемов и воздуха (ст. 223) и о загрязнении моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря, либо другими отходами и материалами (ст. 223.1).

Экологические преступления уже в качестве новеллы в уголовном законодательстве закрепляются в ныне действующем Уголовном кодексе России, который реализовал конституционные предписания об охране окружающей среды.

Кодекс впервые предусмотрел отдельную главу (26) под названием «Экологические преступления» и включил в нее 18 составов, содержащих признаки преступлений в сфере экологии. Эти составы преступлений сконструированы в основном как бланкетные и содержат оценочные понятия и признаки. Правильная квалификация экологических преступлений требует дальнейших научно-практических разработок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право : лекции. М. : Наука, 1994. 380 с.
2. Алексеев А.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л. : Наука, 1980. 243 с.
3. Маньков А.Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л. : Наука, 1980. 271 с.
4. Законодательство Петра I. М. : Юрид. лит., 1997. 880 с.
5. Альбов А.П., Симанин О.В. История государства и права России : курс лекций. М. : Юрлитинформ, 2012. 348 с.
6. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М. : Высшая школа, 1993. 447 с.
7. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д. : Феникс, 1995. 640 с.
8. Титов Ю.П. История государства и права России. М. : Проспект, 1997. 472 с.

Ecological Crimes in Russian Legislation from Russian Truth to Modern Law

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 22–24. DOI: 10.17223/23088451/13/4

Raul S. Dzhindzholiya, MIREA – Russian Technological University (Moscow, Russian Federation). E-mail: draul1@yandex.ru

Oleg G. Asmaryan, Russian State Agrarian Correspondence University (Balashikha, Russian Federation). E-mail: draul1@yandex.ru

Keywords: criminal liability, offense, crime, ecology, environmental crimes.

The article describes environmental crimes in the Russian criminal legislation in a historical aspect, starting from the Russian Truth to modern criminal law. It discusses the legal provisions of historical monuments of Russian law related to criminal liability for environmental crimes. The authors also analyze the Soviet criminal legislation and features of criminal liability for environmental crimes. The historical analysis results in conclusions about the formation of a separate branch of environmental law by the 1950s – the Soviet environmental law. The branch developed in the post-Soviet period, so the late 1990s saw the formation of an integrated branch of Russian environmental law with a defining imperative method of legal regulation.

References

1. Tagantsev, N.S. (1994) *Russkoe ugodnoye pravo* [Russian Criminal Law]. Moscow: Nauka.
2. Alekseev, A.G. (1980) *Pskovskaya sudnaya gramota i ee vremya* [Pskov Judicial Charter and its time]. Leningrad: Nauka.
3. Mankov, A.G. (1980) *Ulozhenie 1649 goda. Kodeks feodal'nogo prava Rossii* [The Code of 1649. Code of Russian Feudal Law]. Leningrad: Nauka.
4. Preobrazhensky, A.A. & Novitskaya, T.E. (eds) (1997) *Zakonodatel'stvo Petra I* [Legislation of Peter I]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
5. Albov, A.P. & Simanin, O.V. (2012) *Istoriya gosudarstva i prava Rossii* [History of Russian State and Law]. Moscow: Yurlitinform.
6. Kornilov, A.A. (1993) *Kurs istorii Rossii XIX veka* [The History of Russia of the 19th century]. Moscow: Vysshaya shkola.
7. Vladimirskiy-Budanov, M.F. (1995) *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the History of Russian Law]. Rostov-on-Don: Feniks.
8. Titov, Yu.P. (1997) *Istoriya gosudarstva i prava Rossii* [History of Russian State and Law]. Moscow: Prospekt.

Р.С. Джинджолия, М.М. Хачидогова

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА
И ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА**

Статья посвящена изучению определения терроризма как многогранного общественного явления, опасного по своей сущности. Рассматриваются разные подходы к определению и пониманию терроризма как в международном, так и во внутригосударственном контексте. Отмечается необходимость выработки мировым сообществом новой стратегии, направленной на повышение эффективности борьбы с терроризмом в информационном пространстве, которая отвечала бы требованиям и реалиям третьего тысячелетия.

Ключевые слова: *террор, терроризм, насилие, экстремизм, супертерроризм, мегатерроризм, кибертерроризм.*

Для теории и практики противодействия терроризму важно наличие исследований этого явления, свободных от обслуживания тех или иных, не всегда объективных и обоснованных политических потребностей. Лишь в результате такого подхода можно достичь высокого уровня научного обеспечения эффективного противодействия насилию. В подобном контексте приоритетной является выработка недвусмысленного и точного определения понятия «терроризм», которое бы отражало его глобальный характер как угрозы всему человечеству. Отсутствие на сегодня на международном уровне определения терроризма, которое бы стало обязательным для всех стран мира, способствует увеличению объема террористической угрозы для всего мирового сообщества за счет использования террористами наряду с иными факторами и имеющихся межгосударственных противоречий.

Год от года увеличивающаяся опасность для общества терроризма и изменчивость его природы свидетельствуют о необходимости периодического пересмотра и уточнения его содержания. Кроме того, данное явление, имея связь с политикой, требует к себе исключительно осторожного отношения. Это же следует и из учета того, что терроризм – динамичное по своей сущности явление и понятие. С момента появления в реальной действительности он угрожал прежде всего власти и, как любой политический феномен, входил в разряд явлений, связанных с политическим насилием, характеризующимся динамикой своего содержания [1, с. 40].

В тот или иной период времени уже имеющееся понятие терроризма может не охватывать определенные изменения, происходящие с ним как с явлением объективной реальности, что свидетельствует о необходимости корректировки его содержания. Любое из имеющихся в науке в некоторой степени выработанное определение того или иного понятия, в том числе и терроризма, представляет собой ценность и тогда, когда оно изначально предполагает свое развитие. Мы имеем в виду не только способность понятия меняться, но и наличие в нем возможностей, позволяющих ему быть в гармонии с определенным в рамках дефиниции явлением, представляющим его предмет.

Терроризм – прежде всего политическое явление [2, с. 163]. Неполитического терроризма нет, но политическим может быть только терроризирование, в котором

свое выражение находят чья-то свобода выбора, огромное превосходство чьей-то свободы выбора либо воли к насилию. Терроризирование – это сознательное и многократное совершение насилия над – условно – одной и той же жертвой, необязательно потому, что она в чем-то виновата. В техническом отношении оно представляет собой сплошное осуществление и применение террора и ничто более, и не обязательно может обладать политической составляющей. Терроризирование, так же как и террор, может применяться и вне политики, точнее, там, где имеются какая-либо власть и возможности ее реализации через силу.

Терроризм, будучи одним из общественных явлений, многогранен по своему значению, структуре и той роли, которую он играет в мировом сообществе. Характеризующим его многогранность фактором являются прежде всего лица, осуществляющие террористические акции. В зависимости от содержания их действий сохраняется или меняется значение терроризма в обществе, усиливается или слабеет его роль в социуме. Действия террористов либо придают терроризму новую форму, либо оставляют ее прежней, уже имевшей место.

Любая форма насилия не может быть определена как терроризм, который является сложной формой политического насилия, характеризующейся динамичностью и механизмом протекания.

В большинстве исследований российских и зарубежных авторов, посвященных определению понятия терроризма, как правило, подчеркивается, что он имеет многогранную и сложную природу, которая затрудняет выработку его общепринятого определения. При этом нередко в ходе формулировки дефиниции терроризма специалисты используют без отграничения друг от друга такие термины, как «насилие», «экстремизм», «терроризм», что приводит к расширительному толкованию его содержания [3, с. 38]. В результате очень сложно обеспечить согласованные оценки тех или иных насильственных актов, что негативно влияет на обеспечение борьбы с терроризмом и на сотрудничество государств в противодействии ему.

Современный терроризм представляет собой органическую составляющую межгосударственных, межэтнических, религиозных, политических и социально-экономических конфликтов. Террористические органи-

зации к началу XXI в. все чаще стали направлять свои усилия не просто на дестабилизацию обстановки в обществе, мире или решение каких-либо краткосрочных задач, а на достижение более крупных, масштабных целей, нежели до этого. Определяющими среди них стали захват или передел власти, аннексия территорий суверенных государств с вытеснением с них местного населения для создания на данных территориях собственного государства. Например, в качестве последнего может быть представлено то, что происходит сегодня на территориях Сирии и Ирака.

Современный терроризм – это глобальная опасность, угроза всему человечеству, с которой мы будем сталкиваться постоянно и в XXI в. Развитие терроризма неминуемо должно привести к установлению единого общепринятого определения его понятия. Необходимость принятия дефиниции терроризма важно, если мы хотим жить в безопасном, процветающем мире. Речь идет о таком определении терроризма, которое было бы свободно от влияния чьих бы то ни было политических и иных интересов и послужило бы общему благу.

Понятия «террор» и «терроризм» с учетом этимологии их словесного обозначения не могут употребляться раздельно друг от друга, как независимые одно от другого. Поэтому нам представляется обоснованным использование термина «террор» в контексте слова «терроризм», когда проводится классификация терроризма на государственный и негосударственный (оппозиционный), ввиду того что оба эти термина характеризуются одними и теми же признаками [4, с. 221; 5, с. 206; 6, с. 6; 7, с. 9–10].

Как показывает изучение истории, терроризм в своем развитии имеет глубокие корни. Его истоки в насилии, которое издавна присутствует в эволюции человечества. С древних времен, в зависимости от того, кто его применял, насилие могло быть как легитимным, так и противоправным.

Любое насилие, применяемое государством, признавалось легитимным и не противоречащим праву. Оно могло быть применено им как в отношении своих граждан, так и зависимых от него лиц (рабов и т.д.). Противоправным считалось насилие, используемое оппозиционными силами в политической борьбе с властью имущими. Последние же противопоставляли ему все имеющиеся у них средства и силы.

Со временем, еще издавна, вслед за государством оппозиция также стала применять терроризм достаточно широко и системно. Насилие, лежавшее в его основе, носило лишь политический характер, в отличие от государственного терроризма, обладавшего как политической, так и экономической мотивацией. Особенности, связанная с частичной экономической направленностью раннего государственного терроризма, способствовала тому, что весь терроризм после великой Французской революции стали определять только как политическое явление, что, по мнению некоторых исследователей, послужило отправной точкой в истории терроризма.

Глобализация придала транснациональный характер многим наиболее опасным видам преступной деятельности, прежде всего организованной преступности и

организованному терроризму. Она создала для транснациональных преступников и международных террористических организаций исключительные возможности, приведшие за короткое время к значительному повышению объема религиозно мотивированного терроризма, главным образом исламистского толка, а также к увеличению детерминант терроризма в целом.

С начала 1990-х гг. международные террористические организации все чаще стали использоваться в интересах западных корпораций, в роли эффективного средства по разделу сфер экономического влияния и обеспечения победы в конкурентной борьбе за территории, богатые углеводородами и иными стратегически важными природными ресурсами. Границы между международным и внутригосударственным терроризмом стали все больше размываться, что позволило некоторым терологам сделать вывод о появлении супертерроризма (или мегатерроризма) [5, с. 206; 8, с. 171] и даже о произошедшем «размывании» политически мотивированного терроризма. С последним, на наш взгляд, можно поспорить, оно не представляется нам убедительным. Судя по практике, мотивация терроризма и сегодня продолжает оставаться политической. Он по-прежнему преследует прежде всего политические цели (с социальными ли, этническими, религиозными, криминальными или иными оттенками). Между тем политическая мотивация терроризма все чаще выступает во взаимосвязи с экономическими, криминальными и другими целями. Также к началу XXI в. вместе с расширением детерминант терроризма увеличилось число субъектов, использующих террористические методы борьбы, что свидетельствует как о повышении террористической активности в мире, так и о востребованности данного вида преступной деятельности.

В современном мире терроризм все больше и больше превращается в органическую составляющую государственных, межэтнических, религиозных, политических и социально-экономических конфликтов.

Практика последних лет показывает, что мотивация терроризма на первый взгляд не всегда носит политический характер в собственном смысле данного слова. Это подтверждается и источниками, в которых терроризм рассматривается в качестве политически мотивированного явления (осложнение отношений между государствами, давление на внутреннюю и внешнюю политику государства, дестабилизация обстановки в обществе), что, пожалуй, прежде всего указывает на цели, которые террористы преследуют своими действиями, а не на что-либо другое. Мотивы же, т.е. внутренние побуждения субъектов террористических атак, могут быть при этом самыми различными по своему содержанию – как фундаменталистского или сектантского, религиозного, националистического характера, социального фанатизма, так и связанными со стремлением террористов к самоутверждению, «прославлению» себя, мстостью и т.д.

Вместе с тем не надо забывать, что в деятельности большинства террористов часто присутствуют корыстные мотивы. Не секрет, что в отдельных регионах России социальная база терроризма формируется по причине наличия в них тяжелой социально-экономической ситуации.

На наш взгляд, определение понятия терроризма с социально-юридических позиций как общественно-правового явления предполагает разработку его дефиниции и дифференциацию терроризма на виды. При этом не стоит забывать, что терроризм по своему генезису и содержанию – социальный феномен, а по определению – феномен правовой, который требует своего отграничения от целого ряда сходных с ним явлений, нередко создающих почву и среду для террористических проявлений. Поэтому разработка понятийного аппарата терроризма с позиций учета его социально-юридической сущности через определение границ, отграничивающих данный феномен от смежных с ним явлений, приводит нас к тому, что представляется целесообразным подразделять терроризм с учетом его природы как общественно-правового явления на отдельные виды:

- государственный терроризм (организуемый или поддерживаемый одним государством против другого);
- системный внутригосударственный, иной внутригосударственный, религиозный, точечный терроризм.

Современный терроризм отличают многоплановость и масштабность, широта стоящих (и решаемых им) перед ним задач и целей, на достижение которых он направлен. Его отказ сегодня по большей части от решения одномоментных задач протестного, мобилизационного и иного характера знаменует переходом к решению задач стратегического значения. Речь идет о действиях, направленных на ликвидацию уже имеющихся форм политической организации того или иного общества, смену политического режима в том или ином государстве и господствующей в нем политической элиты, отторжение от той или иной страны определенной части ее территории, изменение форм государственного устройства и управления, политического режима и даже цивилизационного облика социума. Именно на реализацию перечисленных задач нацелена деятельность создаваемых в структуре террористических организаций вооруженных формирований, являющихся неоднородными по своему социальному и этническому составу.

В современном мире терроризм перестал существовать лишь на «земле», он перешел в иное глобальное пространство – киберпространство. На сегодняшний день деятельность террористов с использованием глобальной коммуникационной сети Интернет в науке в полной мере не изучена. Силловые структуры как России, так и других стран ведут постоянный мониторинг сайтов экстремистского и террористического содержания, расположенных в Интернете.

Анализ использования террористами Интернета показал, что их деятельность с использованием глобальной сети варьирует от ведения психологической войны, сбора информации и средств до вербовки, пропаганды, а также планирования и координации террористических актов. По своей природе Интернет во многом является идеальной ареной для деятельности террористических организаций. В частности, он предполагает легкий доступ, отсутствуют цензура и другие формы государственного контроля, обеспечиваются потенциально огромная аудитория по всему миру, анонимность общения, быстрый поток информации, недорогая разра-

ботка и сопровождение веб-присутствия, возможность разместить на сайте как текст, графику, так и видео- и аудиозаписи, чтобы пользователи могли скачать фильмы, песни, книги, плакаты и т.д.

Использование угрозы насилием и информационно-психологического воздействия для социально-психологического устрашения общества и власти наряду с манипуляциями сознанием и поведением людей посредством привлечения широких возможностей глобальных коммуникаций представляет сегодня одну из важнейших сущностных характеристик современного терроризма. При этом последний, в отличие от иных деяний, характеризующихся устрашением, вызывающим страх у потерпевших, отличается тем, что страх при терроризме возникает не сам по себе, а в результате совершенных террористами деяний, получивших широкий общественный резонанс. Террористы вызывают страх (ужас) у людей, преследуя определенные цели, он служит для них своеобразным рычагом целенаправленного воздействия, при котором создание обстановки страха выступает не в качестве цели. Как правило, любой террористический акт предполагает извещение широкой общественности о преследуемых целях и условиях их достижения [9, с. 39].

Одним из наиболее опасных видов киберпреступности является кибертерроризм. Он выражается в умышленных атаках на компьютеры, компьютерные программы, компьютерные сети или обрабатываемую ими информацию, это создает опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий. Данные атаки осуществляются в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие или непринятие органами власти решений, в которых заинтересованы террористы. Кибертерроризм имеет место тогда, когда существует угроза совершения в отношении перечисленных объектов указанного вида атак.

К кибертерроризму относят и использование террористическими организациями киберпространства для осуществления и популяризации ими своей деятельности, а не только для непосредственного совершения террористических актов, имущественного, информационного и финансового обеспечения террористической деятельности. Сюда причисляют также планирование и изыскание денег, связь между террористами, сбор разведывательной информации, вербовку и распространение информационно-пропагандистских материалов.

Роль современных информационных технологий в жизни общества как с позитивных, так и с негативных позиций настолько велика, что они не могут и не должны оставаться бесконтрольными со стороны государства и общества. Отсутствие моральных, правовых и иных позитивных рамок у СМИ при предоставлении ими информации, их нравственная дезориентация в отношении проблем терроризма привели к тому, что его проявления получили возможность небывалого воздействия на сознание людей.

Поэтому давно назрела необходимость, учитывая значительный рост в последние годы угрозы терроризма в глобальных масштабах, выработки мировым со-

обществом новой стратегии, направленной на повышение эффективности борьбы с терроризмом в информационном пространстве, которая отвечала бы требованиям и реалиям третьего тысячелетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон. М. : Наука, 1969. 456 с.
2. Сидоренко А.Г., Тихомиров Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики. М. : Кучково поле, 2011. 640 с.
3. Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: социально-политический анализ. М. : Ин-т психологи РАН, 2008. 217 с.
4. Витюк В.В., Эфиоров С.А. «Левый» терроризм на Западе. История и современность. М. : Наука, 1987. 322 с.
5. Степанов Е.А. Роль наркобизнеса в политике конфликтов и терроризма. М. : Весь мир, 2005. 312 с.
6. Овчинникова Г. Терроризм. СПб., 1998. 36 с.
7. Эмануилов Р., Яшлавский А. Террор во имя веры: религия и политическое насилие. М. : Мосты культуры, 2011. 344 с.
8. Супертерроризм: новый вызов нового века / под ред. А.В. Федорова. М. : Права человека, 2002. 392 с.
9. Степанов О.А. О мерах предупреждения информационно-электронного терроризма // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы / под общ. ред. А.П. Любимова. М., 2003. Вып. 5 (33). С. 35–37.

On Some Issues of Determining Terrorism and Information Terrorism

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 25–28. DOI: 10.17223/23088451/13/5

Raul S. Dzhindzholiya, MIREA – Russian Technological University (Moscow, Russian Federation). E-mail: draul1@yandex.ru

Madina M. Khachidogova, Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russian Federation). E-mail: draul1@yandex.ru

Keywords: terror, terrorism, violence, extremism, superterrorism, megaterrorism, cyberterrorism.

The article focuses on the definition of terrorism as a multifaceted social phenomenon, dangerous in its essence. It discusses different approaches to the definition and understanding of terrorism, both in international and Russian contexts. The authors note the need for the world community to develop a new strategy aimed at increasing the effectiveness of the fight against information terrorism that would meet the requirements and realities of the new third millennium. The definition of information terrorism is given. Special attention is paid to the disclosure of the concept of cyber-terrorism and its content. Cyber-terrorism also includes the use of cyberspace by terrorist organizations not only to commit terrorist acts, but also to carry out and popularize their activities, for property, information and financial support for terrorist activities. This also includes planning and raising money, communication between terrorists, collecting intelligence information, recruiting and distributing information and propaganda materials.

References

1. Traynin, A.N. (1969) *Zashchita mira i ugolovnyy zakon* [Peace protection and criminal law]. Moscow: Nauka.
2. Sidorenko, A.G. & Tikhomirov, Yu.V. (2011) *Terrorizm i antiterroristicheskaya bezopasnost' v kontekste istorii i sovremennoy geopolitiki* [Terrorism and anti-terrorism security in the context of history and modern geopolitics]. Moscow: Kuchkovo pole.
3. Sosnin, V.A. & Nestik, T.A. (2008) *Sovremennyy terrorizm: sotsial'no-politicheskiy analiz* [Modern terrorism: a socio-political analysis]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
4. Vityuk, V.V. & Efirov, S.A. (1987) *“Levyi” terrorizm na Zapade. Istoriya i sovremennost'* [“Left” terrorism in the West. History and modernity]. Moscow: Nauka.
5. Stepanov, E.A. (2005) *Rol' narkobiznesa v politekonomii konfliktov i terrorizma* [The role of the drug trafficking in the political economy of conflict and terrorism]. Moscow: Ves' mir.
6. Ovchinnikova, G. (1998) *Terrorizm* [Terrorism]. St. Petersburg: [s.n.].
7. Emanuilov, R. & Yashlavsky, A. (2011) *Terror vo imya very: religiya i politicheskoe nasilie* [Terror in the name of faith: religion and political violence]. Moscow: Mosty kul'tury.
8. Fedorov, A.V. (ed.) (2002) *Superterrorizm: novyy vyzov novogo veka* [Superterrorism: a new challenge of the new century]. Moscow: Prava cheloveka.
9. Stepanov, O.A. (2003) O merakh preduprezhdeniya informatsionno-elektronnoy terrorizma [On measures to prevent information and electronic terrorism]. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek – Representative Power – 21st Century*. 5(33). pp. 35–37.

Н.А. Кудратов

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ВИДОВОЙ ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Рассматриваются проблемы определения безопасности государства как видового объекта преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Установлено, что в теории уголовного права видовым объектом указанных преступлений выступают национальная безопасность и государственная безопасность. Суммируя теории и практики уголовного права, автор считает, что видовым объектом преступления против государства является категория «безопасность государства».

Ключевые слова: *безопасность, угроза, национальная безопасность, конституционный строй, безопасность государства, преступления, объект, уголовный кодекс.*

Как и конституционный строй, уголовное законодательство Республики Таджикистан главой 29 охраняет безопасность государства, которая представляет собой одну из основных, приоритетных категорий социально-политической жизнедеятельности современного общества. Обеспечение безопасности государства путем механизма уголовно-правовой ответственности являлось и является сегодня важной задачей государства. Безопасность государства как крупномасштабная система исследуется не одно столетие с стороны как руководителей государств и государственных образований, так и представителей различных сфер практической деятельности и отраслей науки.

Термин «безопасность» в последнее время является широкоиспользуемым и популярным. В научных изданиях, речах глав государств и ведущих политиков, программах политических партий приходится постоянно встречать термины «безопасность», «национальная безопасность», «государственная безопасность», «международная безопасность», «конституционная безопасность», «общественная безопасность» и т.д. В Законе Республики Таджикистан «О безопасности» от 25 июня 2011 г. наравне с понятием «национальная безопасность» упоминаются категории «экономическая безопасность», «военная безопасность», «продовольственная безопасность», «экологическая безопасность» и «общественная безопасность» [1]. В совокупности эти определения составляют единое понятие национальной безопасности. Государственная безопасность как отдельный вид национальной безопасности в указанном законе отсутствует.

В научной литературе встречаются такие термины относительно категории «безопасность государства», как «государственная безопасность» [2, с. 24], «национальная безопасность» [1], «безопасность страны» [3, с. 177]. Политологи и юристы нередко национальную и государственную безопасность определяют как идентичные понятия, т.е. синонимы. Однако указанные термины не всегда являются идентичными, кроме того, категория «государственная безопасность» наравне с категориями «личная безопасность» и «общественная безопасность» является составной частью категории «национальная безопасность», т.е. ее видовым понятием. Профессор О.А. Чуваков справедливо пишет, что

«государственную безопасность» можно соотнести с «национальной безопасностью» как часть и целое, потому содержанием понятия «национальная безопасность» охватывается не только государство как объект такой безопасности, но также общество, человек и гражданин. По своему объему «национальная безопасность» – более широкое понятие, чем «государственная безопасность» [4, с. 86].

Здесь возникает естественная необходимость в осуществлении научно-теоретического анализа рассмотренных категорий с целью выяснения их сущности и содержания. В Республике Таджикистан, как и в других государствах – участниках СНГ, а также в государствах ЕС более распространенным является понятие «национальная безопасность», поэтому через призму этого понятия и целесообразно рассматривать систему составляющих понятия «государственная безопасность». В.В. Пузиков отмечает, что в современных условиях реформирования существовавших общественно-политических систем, процессов суверенизации республик бывшего СССР, проведения рыночных преобразований в экономиках государств – участников СНГ и ряда других социально-политических и экономических процессов система жизненно важных интересов приведена к положению достаточно существенного размежевания, вплоть до противоречия интересов, ранее считавшихся едиными, совпадавшими с общенародными. В настоящее время эти интересы четко разделяются на три основных группы: интересы личности, общества и государства [5, с. 28]. Безусловно, противоречивость этих групп интересов привела к необходимости вычленения новых понятий и терминов, таких как «государственная безопасность» и «национальная безопасность».

Этимологически само слово «безопасность» означает «отсутствие опасности, сохранность, надежность»; «положение, при котором не угрожает опасность кому-то, чему-то». Исходя из этого мы не будем подробно изучать категорию «безопасность» в отдельности.

Поскольку основой философии создания национального государства являются два основных вопроса – безопасность граждан и преследование общественных интересов (благополучие и всестороннее развитие), постольку после формирования основных элементов

государства – территории и народа – родились государство и суверенитет государства и, исходя из первой философии его создания, первые институты, а именно организации военной безопасности.

Экономическое процветание, инвестиции, планирование роста и любая другая программа требуют хорошего уровня организации и доверия на всех уровнях сообщества, и все это касается безопасности. Действительно, безопасность является одной из целей, ресурсов и ценностей каждого общества. Исходя из этого все правительства без исключения, как левые, так и правые, рассматривают эти два принципа (национальная безопасность и национальные интересы) в качестве основных целей своей внешней политики. Эти основные суждения о национальной безопасности как внутри страны, так и за ее пределами являются жизненно важными и неоспоримыми целями всех правительств.

Не вызывает сомнений то, что национальная безопасность была порождением национального государства, возникшего в XVII в. как «национальное выживание». Эта концепция, как и другие концепции в гуманитарных науках, не является универсально определенной и принятой абсолютным большинством ученых. Возможно, причиной разных трактовок этого термина является общность большинства проблем, а также человеческих и социальных ценностей, которые затрагиваются концепциями национальной безопасности.

Проблематика национальной безопасности зародилась в США в середине прошлого века. Сначала упомянутое понятие использовалось в Европе как синоним обороноспособности государства и под ней понимали прежде всего военную и политическую безопасность. Американская модель национальной безопасности базируется на методологических разработках середины XX в. американского политолога Г. Моргентау, где национальная безопасность понимается как безопасность граждан, общества и государства. В официальных документах понятие «национальная безопасность» появляется после Второй мировой войны, когда в 1947 г. в США был принят закон «О национальной безопасности» (National Security Act of 1947), в котором под национальной безопасностью понималось условие функционирования государства, выступающее результатом оборонных (защитных) мероприятий, которые повышают неуязвимость государства от угроз извне или изнутри в открытой и подрывной формах [6].

Таким образом, понятие «национальная безопасность» в американской и западноевропейской версиях практически поглощает по объему своего значения категорию «государственная безопасность». В этом плане сошлемся на мнение Д.Г. Балужева, согласно которому термин «национальная безопасность», введенный в научный и общественно-политический оборот в начале 90-х гг. прошлого века, фактически является «калькой» с английского термина «national security», который в принципе может переводиться и как национальная, и как государственная безопасность, что нередко и делается рядом авторов [7, с. 178]. Однако такое суждение не всегда поддерживается в науке. Например, А.А. Прохожев и В.В. Мамонов справедливо и достоверно пишут, что подменять национальную безопас-

ность государственной и наоборот недопустимо, поскольку первое понятие более общее, родовое, а второе – частное, видовое [8, с. 19]. Тем самым при отождествлении понятий «национальная безопасность» и «государственная безопасность» сужается смысл первого.

В начале 1990-х гг. в научных исследованиях и в литературе проблему национальной безопасности начинают рассматривать с разных сторон. Так, Е.И. Скакун под этим понятием понимает состояние, обеспечивающее достаточную экономическую и военную прочность нации для противодействия угрозам для ее существования, которые исходят как от других стран, так и изнутри страны. По мнению Н.О. Ушакова, национальная безопасность – реальная способность быть свободными от внешней опасности [9, с. 27].

Сам термин «национальная безопасность» появляется в таджикских источниках в 90-х гг. прошлого века. Первым нормативно-правовым актом в сфере обеспечения национальной безопасности, является Закон Республики Таджикистан «О безопасности» от 28 декабря 1993 г. Термин «национальная безопасность» в документе не употребляется, хотя основные категории этого понятия в нем присутствуют.

Законодательное определение понятия национальной безопасности дано в Законе РТ «О безопасности» 2011 г., согласно которому национальная безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов страны от реальных и потенциальных внутренних и внешних угроз. В качестве жизненно важных интересов страны обычно выступает совокупность политических, экономических, социальных и других потребностей Республики Таджикистан, от реализации которых зависит способность государства обеспечивать защиту конституционных прав человека и гражданина, ценностей общества, основополагающих государственных институтов. В.В. Пузиков пишет, что национальные жизненно важные интересы соотносятся с внешними факторами в виде интересов наднациональных или иных национально-государственных структур в рамках международного сообщества. Внутри национально-государственного образования его жизненно важные интересы находятся во взаимодействии с элементами, составляющими данное образование. В качестве последних выступают социальные группы, элиты, государственные и общественные организации, партии, религиозные и этнические образования и движения и т.д. Неразрешимые (антагонистические) или нерешаемые противоречия интересов создают угрозу (или предпосылки ее возникновения) стабильному существованию или устойчивому развитию социальной структуры. Совокупность внешних и внутренних угроз создает предпосылки для нарушения безопасного функционирования национально-государственного образования [6, с. 24].

У всех государств имеется своя концепция (стратегия) национальной безопасности, в которой предусмотрены общие понятия относительно национальной безопасности, угрозы национальной безопасности, а также способы их предотвращения. Каждое государство самостоятельно определяет доминирующие угрозы и

способы противостояния им. Не все государства публикуют документы по национальной безопасности (концепции или стратегии) в открытой печати. Некоторые даже не отражают данные о них в Едином реестре нормативных актов. Правительства ограничиваются изложением содержания документов в текстах официальных изданий, которые, таким образом, становятся своего рода источниками, позволяющими анализировать позиции государств по проблемам обеспечения национальной безопасности. Например, Концепция национальной безопасности Таджикистана недоступна как национальным, так и иностранным ученым и специалистам. Выводы о типах наиболее значимых угроз национальной безопасности можно сделать на основании анализа документа под названием «Единая Концепция Республики Таджикистан по борьбе с терроризмом и экстремизмом». Концепция по борьбе с терроризмом и экстремизмом констатирует нарастание угроз терроризма и экстремизма и отмечает, что:

– «в настоящее время реальную угрозу для Таджикистана и региона в целом представляет международный терроризм, который приобретает все более транснациональный, глобальный характер;

– терроризм и экстремизм проявлялись в Республике Таджикистан в течение всего периода становления его как независимого и суверенного государства» [10].

Было установлено, что в юридической и политической науке понятие национальной безопасности определяется через понятия (призму) «национальные интересы» [11, с. 3], «угрозы» и «ценности» [12, с. 12], «устойчивости» [13, с. 38], «защищенность национальных ресурсов» [14, с. 46]. Безусловно, указанные категории являются составной частью национальной безопасности.

Согласно мнению Н.Д. Матрусова, национальная безопасность – это достаточная по уровню и характеру защищенность национальных ресурсов и ценностей, а также государственных, общественных и личных интересов от внутренних и внешних угроз [14, с. 46].

Особого внимания заслуживает утверждение С. Степашина, который под национальной безопасностью государства (как одним из главных условий нормального развития человека и общества) подразумевает защищенность качественного состояния общественных отношений, обеспечивающих прогрессивное развитие человека и общества в конкретных исторических и природных условиях от опасностей, источником которых становятся внутренние и внешние противоречия [15, с. 6].

По мнению других исследователей, формирование понятия «национальная безопасность» определяется через комплекс факторов. Например:

1) определение национальной безопасности (так же как и безопасность вообще) вытекает из социально-экономических и других основ государства, его национальных интересов и реально существующих угроз безопасности;

2) безопасность государства, общества и личности должна обеспечиваться мерами, имеющими множество направлений, вызывающими необходимость создания эффективного механизма обеспечения безопасности,

который включает большое количество государственных (и негосударственных) структур;

3) исторически сложившийся подход к обеспечению безопасности как защиты от внешнего противника нуждается в пересмотре, поскольку опасность может возникать от реальных ситуаций внутренней жизни государства и общества [16, с. 11].

Соблюдение таких требований, вне всякого сомнения, является главным условием обеспечения национальной безопасности, поэтому Закон РТ «О безопасности» от 25 июня 2011 г. устанавливает приоритетные направления в сфере функционирования общества и государства по обеспечению национальной безопасности Республики Таджикистан. Национальная безопасность – главный приоритет независимого Таджикистана, ее обеспечение является неотъемлемой составляющей внешней и внутренней политики государства и определяется Конституцией и специальным нормативно-правовым актом – Законом Республики Таджикистан «О безопасности», а также Военной доктриной Республики Таджикистан и др.

Национальная безопасность выступает как характеристика стабильного, устойчивого состояния социальной системы, имеющей национально-государственное образование, жизненно важные интересы которого защищены от воздействия внешних и внутренних угроз. Национальная безопасность чаще всего охватывается такими сферами, как экономическая, политическая, гуманитарная, военная, культурная, экологическая и др. Способность государства обеспечивать защиту конституционных прав человека и гражданина, ценностей общества, основополагающих государственных институтов как жизненно важных интересов государства является общим объектом уголовного законодательства Таджикистана.

С момента появления термина «национальная безопасность» на законодательном уровне понятие «государственная безопасность» приобретает более узкое смысловое значение и, соответственно, употребляется в несколько ином содержательном аспекте. Так, исходя из предписаний ст. 1 Закона РТ «О безопасности» от 2011 г., объектами безопасности являются: 1) человек и гражданин; 2) общество; 3) государство, где каждый такой объект составляет определенные компоненты. Глава 29 УК РТ защищает только часть жизненно важных интересов государства, которые связаны с обеспечением стабильности основ конституционного строя и безопасности государства в целом. Однако практика уголовного законодательства некоторых стран, особенно Украины, Узбекистана, показывает, что национальная безопасность – это и есть государственная безопасность.

Сопоставление понятий «государственная безопасность» и «национальная безопасность» показывает их единую сущность – состояние страны, при котором обеспечиваются развитие личности, общества и государства и защита национальных интересов от внутренних и внешних угроз.

Таким образом, видовым объектом гл. 29 УК РТ является безопасность государства. Предлагаем следующее определение термина «безопасность государства» в смысле гл. 29 УК РТ: «Безопасность государства –

это составная часть национальной безопасности, направленная на защиту конституционного строя, государственного суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности, обороноспособности,

информационной и экономической безопасности и других жизненно важных национальных интересов от реальных и потенциальных угроз, исходящих от внутренних и внешних источников опасности».

ЛИТЕРАТУРА

1. *О безопасности* : закон Республики Таджикистан от 15.03.2016 № 128 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 6. Ст. 434; 2014. № 11. Ст. 646.
2. Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства : уголовно-правовое и криминологическое исследование. 2-е изд. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2012. 267 с.
3. Павленко С.З. Новая политика обеспечения безопасности страны. Духовность. Правопорядок. Преступность : материалы науч.-практ. конф. (Москва, 28 марта 1996 г.). М. : Изд-во Акад. МВД России, 1996. С. 176–182.
4. Чуваков О.А., Чуваков А.О. Злочини проти основ національної безпеки України: проблеми кримінально-правової теорії і практики (Преступления против основ национальной безопасности Украины: проблемы уголовно-правовой теории и практики) / под ред. О.М. Костенко. Одеса : Феникс, 2017. 86 с.
5. Мясникович М.В., Пузиков В.В. и др. Основные направления обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы. Минск : Экономика и право, 2003. 451 с.
6. *National Security Act of July 26, 1947*. URL: <http://intelligence.senate.gov/nsaact1947.pdf> (accessed: 15.03.2019).
7. Балувев Д.Г. Личностная и государственная безопасность: современное международно-политическое измерение : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2004. 486 с.
8. *Общая теория национальной безопасности* : учебник / под ред. А.А. Прохожева. М., 2002. С. 23.
9. Ситник Г.П., Олуйко В.М., Вавринчук М.П. Національна безпека України: теорія і практика. Киев, 2007. 287 с.
10. *Единая Концепция Республики Таджикистан по борьбе с терроризмом и экстремизмом*: утв. Указом Президента Республики Таджикистан от 28 марта 2006 г. № 1717. URL: http://www.adhgeneva.ch/RULAC/pdf_state/Conceptof-Combating-Terrorism-and-Extremism-TJ.pdf (дата обращения: 15.03.2019).
11. Lippmann W. US Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston, 1943. P. 5. Collins J.M. Grand Strategy: Principles and Practices, 1973. Definitions of Grand or National Security Strategy and Statecraft // Course I: Foundations of National Security Strategy. National War College. Washington DC, 1993. P. 1–4.
12. Косолапов Н.А. Безопасность международная, национальная, глобальная: взаимодополняемость и противоречивость // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 11. С. 11–16.
13. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М. : Конверт-МОНФ, 1997. С. 37–38.
14. Матрусов Н.Д. О необходимости создания целостной системы национальной безопасности России: основные принципы, подходы, элементы // *Безопасность : информ. сб.* 1996. № 2. С. 44–51.
15. Степаншин С.В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы). СПб. : СПб. юрид. ин-т МВД России, 1994. 240 с.
16. Булавин В.И. Национальная безопасность современной России : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 152 с.

National and State Security as a Specific Object of Crime Against the Basis of the Constitutional Structure and Security of the State

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 29–33. DOI: 10.17223/23088451/13/6

Nekruz A. Kudratov, Tajik State University of Commerce (Dushanbe, the Republic of Tajikistan). E-mail: nek-kudratov@mail.ru.

Keywords: security, threat, national security, constitutional order, state security, crimes, object, Criminal Code.

The definition of national security (as well as security in general) stems from the socio-economic and other foundations of the state, its national interests and real-life security threats. The security of the state, society and the individual should be provided with measures available in many areas, necessitating the effective security mechanism that would include a large number of state (and non-state) structures. National security acts as a characteristic of a stable social system that has a national-state education, vital interests, protected from external and internal threats. National security is most often covered by such areas as economic, political, humanitarian, military, cultural, environmental and others. The ability of the state to protect the constitutional rights of a person and a citizen, values of society, fundamental state institutions as vital interests of the state is a common subject of the criminal law of Tajikistan. Since the emergence of the term “national security” at the legislative level, the concept of “state security” acquires a narrower semantic meaning and, accordingly, is used in a somewhat different substantive aspect.

References

1. Republic of Tajikistan. (2012) *Zakon Respubliki Tadjikistan “O bezopasnosti”* [Law On Security of the Republic of Tajikistan]. *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadjikistan*. 6. Art. 434.
2. Dyakov, S.V. (2012) *Prestupleniya protiv osnov konstitutsionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie* [Crimes against the foundations of the constitutional system and state security: criminal law and criminological research]. 2nd ed. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press.
3. Pavlenko, S.Z. (1996) [New policy to ensure the security of the country]. *Dukhovnost'. Pravoporyadok. Prestupnost'* [Spirituality. Rule of Law. Crime]. Proc. of the Conference. Moscow. March 28, 1996. Moscow. pp. 176–182. (In Russian).
4. Chuvakov, O.A. & Chuvakov, A.O. (2017) *Zlochiny proti osnov natsional'noi bezpeki Ukraini: problemi kriminal'no-pravovo i teorii i praktiki* [Crimes against the national security of Ukraine: problems of criminal law theory and practice]. Odessa: Feniks.
5. Myasnikovich, M.V., Puzikov, V.V. et al. (2003) *Osnovnye napravleniya obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Respubliki Belarus'*. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [The main directions of ensuring the national security of the Republic of Belarus. Current state and prospects]. Minsk: Ekonomika i pravo.

6. USA. (1947) *National Security Act of July 26, 1947*. [Online] Available from: <http://intelligence.senate.gov/nsaact1947.pdf>. (Accessed: 15.03.2019).
7. Baluev, D.G. (2004) *Lichnostnaya i gosudarstvennaya bezopasnost': sovremennoe mezhdunarodno politicheskoe izmerenie* [Personal and state security: modern international political pimension]. Abstract of Politology Dr. Diss. Nizhny Novgorod.
8. Prokhozhev, A.A. (ed.) (2002) *Obshchaya teoriya natsional'noy bezopasnosti* [The General Theory of National Security]. Moscow: [s.n.].
9. Sitnik, G.P., Oluyko, V.M. & Vavrinchuk, M.P. (2007) *Natsional'na bezpeka Ukraïni: teoriya i praktika* [National security of Ukraine: theory and practice]. Kyiv: [s.n.].
10. Republic of Tajikistan. (2006) *Edinaya Kontseptsiya Respubliki Tadjikistan po bor'be s terrorizmom i ekstremizmom* [Unified Concept of the Republic of Tajikistan on combating terrorism and extremism]. Approved by Decree No. 1717 of the President of the Republic of Tajikistan of March 28, 2006. [Online] Available from: http://www.adhgeneva.ch/RULAC/pdf_state/Conceptof-Combating-Terrorism-and-Extremism-TJ.pdf. (Accessed: 15.03.2019).
11. Lippmann, W. (1993) *US Foreign Policy: Shield of the Republic*. Boston: Little Brown.
12. Kosolapov, N.A. (2006) Bezopasnost' mezhdunarodnaya, natsional'naya, global'naya: vzaimodopolnyaemost' i protivorechivost' [International, national, global security: complementarity and inconsistency]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 9. pp. 11–16
13. Bogaturov, A.D. (1997) *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v Vostochnoy Azii posle vtoroy mirovoy voyny (1945–1995)* [Great Powers in the Pacific. History and theory of international relations in East Asia after the Second World War (1945–1995)]. Moscow: Konvert-MONF. pp. 37–38.
14. Matrusov, N.D. (1996) O neobkhodimosti sozdaniya tselostnoy sistemy natsional'noy bezopasnosti Rossii: osnovnye printsipy, podkhody, element [On the need to create an integrated system of Russian national security: basic principles, approaches, elements]. *Bezopasnost'*. 2. pp. 44–51.
15. Stepashin, S.B. (1994) *Bezopasnost' cheloveka i obshchestva (politiko-pravovye voprosy)* [Security of people and society (political and legal issues)]. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
16. Bulavin, V.I. (2002) *Natsional'naya bezopasnost' sovremennoy Rossii* [National security in modern Russia]. Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

М.А. Лакехин

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ, СОСТОЯЩИХ В НЕЗАКОННЫХ ВЫДАЧЕ И ПОЛУЧЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ БЮЛЛЕТЕНЕЙ, БЮЛЛЕТЕНЕЙ ДЛЯ ГОЛОСОВАНИЯ НА РЕФЕРЕНДУМЕ (ст. 142.2 УК РФ): НЕДОПУСТИМАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И НАУЧНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ

Исследованы и описаны две серьезные проблемы криминализации деяний, состоящих в незаконных выдаче и получении избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме. Автор неопровержимо доказано, что действующая редакция ст. 142.2 УК РФ противоречит не только Общей и Особенной частям настоящего закона, но – самое главное – ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации. Рекомендованы поправки в Указания Генеральной прокуратуры и МВД России. Предлагается к принятию совершенно другая юридическая конструкция комментируемой выше уголовно-правовой нормы в виде конкретного законопроекта. В заключение сделан вывод о том, что ангажированные поправки направлены на надежную защиту избирательных прав граждан РФ и их права на участие в референдуме от такого рода преступлений.

Ключевые слова: *выдача, граждане, избиратели, Конституция РФ, уголовно-правовая политика.*

Российская Федерация, являясь правовым, демократическим государством, гарантирует равные политические права и свободы своим гражданам в лице многонационального народа и предоставляет им равную объективную возможность участия в избирательном процессе. Сформировавшаяся власть без учета единого мнения граждан нашей страны – это основополагающий показатель источника безвластия. Как известно, непосредственным выражением власти народа выступают референдум и свободные альтернативные выборы, проходящие при тайном голосовании. Данное законодательное положение, содержащееся в ч. 3 ст. 3 Конституции РФ, наделяет комментируемые осуществляемые избирательные процедуры необходимой основой реализации гражданами имеющихся электоральных прав. Именно свободные выборы и референдумы являются базисом конституционного строя РФ, с помощью которого законным путем происходит легитимация всей вертикали власти. Конституционным может быть признан только такой механизм проведения выборов, который обеспечивает соблюдение оговариваемых демократических процедур и беспрепятственное осуществление гражданами-избирателями неотчуждаемого *активного* избирательного права – избирать, и *пассивного* избирательного права – быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления.

Между тем, как показывают реалии сегодняшней жизни, преступления, посягающие на законные избирательные права граждан РФ, связанные с фальсификацией проводимых выборов и референдумов, приобрели новую, но в то же время ранее известную обществу изоцированную форму. Речь идет о недавно криминализованных в ст. 142.2 УК РФ деяниях, состоящих в *незаконных выдаче и получении избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме*. Настоящая порядковая числовая уголовно-правовая статья была введена Федеральным законом от 29.07.2017 г. № 249-ФЗ «О внесении изменения в УК РФ» [1]. С одной стороны, такую реализуемую уголовно-правовую политику государства в данном отношении, на наш взгляд, следует лишь поддерживать, по-

скольку она направлена на защиту электоральных прав граждан от подобных распространенных преступлений, а с другой – юридическая конструкция представленной нормы обладает невнятным, непродуманным детализированным строением. «Уголовный закон, – как обоснованно пишет в данной связи С.В. Тасаков, – не должен действовать только исходя из принципа целесообразности, игнорируя нормы общественной нравственности» [2, с. 33]. Законодательно сконструированная действующая редакция диспозиций ч. 1 и 2 ст. 142.2 УК РФ представляется не иначе как умозрительной. Исходя из ее юридического предписания, она построена казуистическим путем, что может, несомненно, негативно отразиться на возможности применения этой уголовно-правовой нормы в существующей следственной практике. «Подобное кризисное положение уголовного права, – как справедливо отмечают С.А. Бочкарёв и В.Л. Шульц, – состоит в том, что законодатели и правоприменители выполняют свои профессиональные обязанности на бессистемной и противоречивой основе, не обеспечивая защиту гарантированных Основным законом прав» [3, с. 123].

Как видится, главной причиной этого факта является невыверенная проводимая уголовно-правовая политика российского государства, которая реализовалась с помощью своего основополагающего метода – криминализации в отношении исследуемых нами деяний – совершенно необдуманно. В этой связи возникла острая, безотлагательная необходимость рассмотреть, в чем конкретно состоят проблемы? Почему оговариваемый метод уголовной политики проведен в жизнь в данной сфере с нарушением принципа законности? Каким наиболее эффективным способом возникшие проблемы можно решить? Рассмотрим и параллельно ответим на эти сложные, не разрешенные на законодательном уровне вопросы подробно.

1. Казуистическая и недетализированная используемая юридическая техника построения рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

Первое, на что хотелось обратить внимание, – это неконкретизированная имеющаяся трактовка диспози-

ции ч. 1 и 2 ст. 142.2 УК РФ в части, касающейся члена избирательной комиссии, комиссии референдума, который незаконно выдает гражданину (гражданам) избирательные бюллетени, бюллетени для голосования на референдуме. В частности, в рассматриваемой уголовно-правовой норме конкретно не указано, какой именно член избирательной комиссии наделен этим правом. Согласно Федеральному закону от 12.07.2002 г. № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» [4] (далее – ФЗ № 67) члены избирательных комиссий делятся на два вида: члены комиссий с правом *совещательного* голоса и *решающего*. По вопросам подготовки и проведения выборов, референдума названные члены комиссий обладают в соответствии со ст. 22 комментируемого закона равными правами. Однако в период проведения самих электоральных процедур и после их проведения их полномочия кардинально отличаются. Вдумчиво посмотрев на преамбулу этой нормы, обнаруживаем, что она внутренне логически противоречит сама себе. Дело в том, что у членов комиссии с правом *решающего* голоса именно в период проведения выборов и референдумов и после их осуществления гораздо больше прав и обязанностей, чем у членов избирательных комиссий с правом *совещательного* голоса. В соответствии с ФЗ № 67 только члены комиссий с правом *решающего* голоса уполномочены: 1) выдавать и подписывать бюллетени, открепительные удостоверения; 2) участвовать в сортировке, подсчете и погашении бюллетеней; 3) участвовать в голосовании при принятии решения по вопросу, отнесенному к компетенции соответствующей комиссии, и подписывать решения комиссии; 4) составлять протокол об итогах голосования, результатах выборов, референдума; 5) составлять протоколы об административных правонарушениях. Члены избирательных комиссий с правом *совещательного* голоса такими правами, к сожалению, не обладают. Но об этом важном законодательном положении действующая редакция ст. 142.2 УК РФ умалчивает. На практике это абсурдное положение может вызвать у следственных органов наразбериху (произвол) и массу потраченного впустую времени.

Естественно, настоящее обстоятельство говорит о чрезмерной бланкетности исследуемой уголовно-правовой нормы. Вместе с тем, рассчитывая на верную законодательную трактовку оговариваемых диспозиций, органы следственного управления Следственного комитета РФ, не обращаясь к избирательному законодательству, невзначай вполне могут возбудить уголовное дело по данной статье, например по ч. 1 ст. 142.2 УК РФ, а затем суд осудит граждан(ина) по комментируемой норме, однако вряд ли после этого совершенного юридического процессуального действия следователи и судьи смогут долго проработать. Главным образом такое положение дел связано с тем, что сам избирательный бюллетень, бюллетень для голосования на референдуме, как интерпретировано выше, имеет право выдать и, соответственно, получить гражданин только из рук члена избирательной комиссии именно с правом *решающего* голоса. Увы, описываемый существующий важный неразрешенный пробельный диссонанс, выяв-

ленный в диспозиции представленной нормы, законодателем никак не урегулирован, что явно создает проблемы в осмыслении его правового понимания. Кроме этого, законодатель в диспозицию ч. 1 ст. 142.2 УК РФ включил слово *цель*, для чего конкретно выдаются избирательные бюллетени, бюллетени для голосования на референдуме. Но в конструкцию действующей диспозиции ч. 2 ст. 142.2 УК РФ вышеотмеченный ксенологизм он, к сожалению, не инкорпорировал. Такая разноречивая и противоречивая используемая нормотворческая техника построения исследуемой уголовно-правовой нормы представляется непонятной.

Вызывает неменьший интерес также и следующее недетализированное предписание уголовной нормы: «...*вместо избирателей, участников референдума, в том числе вместо других избирателей, участников референдума*». На наш взгляд, данная директива, содержащаяся в обеих диспозициях статьи, может вызывать на уровне правоприменения очень серьезные проблемы в плане ее юридического осмысления. Суть этой апории состоит в том, что, согласно Федеральному закону № 67, *избиратель* – это гражданин РФ, обладающий активным избирательным правом. Данным видом права в соответствии с ч. 4 ст. 4 ФЗ № 67 обладает гражданин, место жительства которого расположено в пределах избирательного округа. Он может быть единым, включающим в себя всю территорию, на которой проводятся выборы, многомандатным, в котором избираются несколько депутатов и за каждого из них избиратели голосуют персонально, одномандатным, в котором избирается один депутат.

Исходя из представленного законодательного положения, применительно к исследуемому предписанию уголовно-правовой нормы можно понять, что незаконные выдача и получение избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме вместо избирателей, участников референдума возможны в том случае, если это деяние осуществляется с целью проголосовать вместо тех избирателей, которые *проживают* (зарегистрированы) в том или ином избирательном округе, в том числе воинской части. Представительный орган муниципального образования, определяя схему избирательных округов, указывает в ней все их порядковые номера, *число* избирателей в каждом округе, а для многомандатных избирательных округов – также количество мандатов, замещаемых в округе. Регистрация (учет) избирателей, участников референдума – военнослужащих, членов их семей и других избирателей, участников референдума, проживающих в пределах расположения воинской части, осуществляется командиром соответствующей воинской части.

В связи с изложенным вполне вероятно, что на практике у следственно-судебных органов может возникнуть проблемный вопрос: что имеет в виду законодатель, когда прописывает в диспозициях ст. 142.2 УК РФ уголовное положение «в том числе вместо *других* избирателей, участников референдума»? Вряд ли это законодательное положение можно сразу понять и осмыслить. Для уяснения его уголовно-правового предписания правоприменитель вынужден постоянно обращаться за разъяснением к комментируемому дей-

ствующему избирательному законодательству, а именно к ФЗ № 67. Тщательно исследовав его законодательный императив, можно, ссылаясь на ч. 4 ст. 16 ФЗ № 67, понять, что законодатель, прописывая в этой уголовно-правовой норме оговариваемое положение, имеет в виду регистрацию (учет) тех избирателей, участников референдума, которые постоянно проживают на территории иностранного государства или находятся в длительной заграничной командировке на территории иностранного государства, осуществляемую дипломатическими представительствами, консульскими учреждениями РФ. Однако, например, граждане РФ, уехавшие на постоянное место жительства в Республику Таджикистан, получают второе гражданство при наличии гражданства России.

В случае же выборов в РФ на местном, региональном и федеральном уровнях данные граждане (бипатриды) по собственному желанию обращаются в посольство РФ в Таджикистане, где формируются участковые комиссии, берут там избирательный бюллетень и голосуют на проходящих в России выборах. Но у наших сограждан, *постоянно* проживающих в этом зарубежном государстве, могут возникнуть серьезные проблемы в плане получения извещений о проходящих выборах в РФ, особенно на местном и региональном уровнях. Постоянное проживание граждан РФ с двойным гражданством в данной стране не позволяет им узнать ни политическую программу отдельного кандидата или политической партии, ни характеристику человека как личности, претендующего на выборную должность. В случае выборов общефедерального уровня в Госдуму, Президента РФ есть четкая разработанная программа кандидатов на избираемые должности. Граждане, изучив предвыборную программу, придя или приехав в посольство РФ в Республике Таджикистан, обращаются в участковую избирательную комиссию, берут у ее членов с правом *совещательного* голоса избирательные бюллетени и сразу же голосуют. Именно на этой стадии возможны незаконные *выдача* и *получение* избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме, в том числе *заполненных*, в целях предоставления гражданам возможности проголосовать вместо других избирателей, участников референдума. Отдав свой электоральный голос за конкретное выборное лицо, граждане с двойным гражданством опускают в урну (ящик) для голосования избирательные бюллетени и уходят с территории посольства РФ. Далее члены комиссии с правом *решающего* голоса начинают сортировать, вести подсчет избирательных бюллетеней и составлять протокол об итогах голосования, о результатах выборов, референдума. На данном завершающем этапе проведения электоральных процедур дополнительно могут быть сфальсифицированы полученные итоги голосования.

2. *Сходство и различие, выразившиеся в противоречии между предусмотренной административной и уголовной ответственностью.*

Исследуя *криминализованное деяние*, состоящее в незаконных выдаче и получении избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме, мы параллельно обратились к Кодексу РФ об админи-

стративных правонарушений (далее – КоАП РФ) [5], где наглядно увидели идентичное (сходное) действующее наименование ст. 5.22 КоАП РФ, которая состоит из 3 частей, предусматривающих различные альтернативные *правонарушения*, со ст. 142.2 УК РФ. Заметим, что такое название представленной статьи КоАП РФ появилось не сразу, а спустя 10 лет со дня принятия настоящего кодифицированного закона. Только с принятием Федерального закона от 04.10.2010 г. № 263-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с уточнением порядка использования открепительных удостоверений при проведении выборов и референдумов» [6] в ст. 5.22 КоАП РФ была введена 2-я часть, устанавливающая ответственность дополнительно за незаконное *получение* избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме. Ранее комментируемая статья предусматривала ответственность лишь за незаконную *выдачу* этих избирательных документов, документов по проведению голосования. Соответственно, с этого времени изменилось и ее юридическое наименование.

Схожесть проявляется и в самих предусмотренных тождественных противоправных действиях, влекущих в одних случаях административную, а в других – уголовную ответственность. В диспозиции ч. 1 ст. 5.22 КоАП РФ конкретно не прописано слово «цель», однако из ее правового предписания видно, что избирательный бюллетень, бюллетень для голосования на референдуме выдается членом избирательной комиссии, комиссии референдума не для того, чтобы гражданин *испортил* бланк избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме, а именно «для предоставления ему *возможности* проголосовать вместо избирателя, участника референдума, в том числе вместо другого избирателя, участника референдума». Выходит, что в диспозициях ч. 1 ст. 5.22 КоАП РФ и ч. 1 ст. 142.2 УК РФ содержится одна и та же цель, которая в описываемой статье КоАП РФ адресуется гражданам в единственном числе, а в комментируемой уголовной норме – во множественном.

Различие между диспозициями ч. 1 ст. 5.22 КоАП РФ и ч. 1 ст. 142.2 УК РФ состоит в том, что в первом прецеденте избиратель, участник референдума голосует *более одного раза* в ходе одного и того же голосования (административная ответственность), а в другом – *более двух раз* в ходе одного и того же голосования (уголовная ответственность). Часть 1 ст. 142.2 УК РФ содержит два альтернативных самостоятельных преступления. Фактически они ничем не отличаются от правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 5.22 КоАП РФ. На уровне правоприменительной деятельности органами следствия разграничить их с административной ответственностью не представляется возможным. Таким образом, различие между правонарушением и уголовно наказуемым деянием в настоящее время в действительности идет не по *криминообразующему признаку*, а по *неоднократности* противоправных действий.

Как отмечает В.П. Малков, Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ категорию «неоднократности преступлений» исключили из Общей части УК РФ 1996 г. [7, с. 182]. На сегодняшний день ст. 16 УК РФ

«Неоднократность преступлений» также продолжает оставаться признанной утратившей свою юридическую силу [8]. Ранее, до принятия комментируемого закона № 162-ФЗ, под *неоднократностью преступлений* в ч. 1 ст. 16 УК РФ признавалось совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи Уголовного кодекса. Совершение преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ, может признаваться неоднократным в случаях, указанных статьями Особенной части УК РФ [9. С. 9]. Еще 19 лет назад Т.Г. Черненко писал, что неоднократность, которая складывается из *тождественных* преступлений, как это буквально вытекало из смысла ч. 3 ст. 16 УК РФ, требует все совершенные преступления, в том числе и *первое*, квалифицировать только по той части статьи УК РФ, которая предусматривает наказание за неоднократность преступлений [10, с. 131]. Поэтому лицо, совершившее тождественные (*идентичные*) преступления, несло уголовную ответственность по одной части статьи УК РФ, и наказание ему назначалось в пределах одной предусмотренной санкции. Такая разновидность формы множественности преступлений, как *неоднократность*, явно противоречила ч. 2 ст. 6 УК РФ, т.е. принципу справедливости, а самое главное, действующей ч. 1 ст. 50 Конституции РФ в силу того, что возлагала на лицо, совершившее преступление, уголовную ответственность *дважды* за одно и то же деяние.

В настоящее время действующий УК РФ с 2003 г. предусматривает две формы множественности: *а) совокупность*; *б) рецидив преступлений*. Проанализировав сконструированную диспозицию ч. 1 ст. 142.2 УК РФ в части деяния, состоящего в выдаче членом избирательной комиссии, комиссии референдума гражданам избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме в целях предоставления им возможности проголосовать вместо избирателей, участников референдума, *именно более 2 раз в ходе одного и того же голосования*, ни в коем случае нельзя считать эти совершаемые уголовно наказуемые действия совокупностью преступлений. В соответствии с ч. 1 ст. 17 УК РФ «при совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за *каждое* совершенное преступление по соответствующей *статье* или части статьи настоящего Кодекса!» Одним из ее признаков является совершение лицом двух или более самостоятельных преступлений. Согласно ч. 1 ст. 69 УК РФ при совершении совокупности преступлений наказание назначается отдельно за каждое совершенное преступление. В теории уголовного права и на практике она подразделяется на *реальную* и *идеальную*. Известно, что идеальная совокупность преступлений представляет собой случаи совершения лицом *одного* действия (бездействия), содержащего признаки деяний, предусмотренных двумя или более нормами уголовного закона. Реальная совокупность преступлений представляет собой случаи совершения виновным в *разное время* и несколькими действиями двух или более преступлений. Данная форма множественности преступлений отличается тем, что в нее могут входить различные сочетания деяний, которые не выделены законодателем в *неоднократность* и *рецидив* преступлений.

Представленная выше интерпретация невольно позволяет задать законодателю банальный вопрос: а если это, как можно увидеть, не совокупность преступлений, тогда что? Убедительный ответ нам бы очень хотелось услышать со стороны нормотворца, поскольку, еще раз подчеркнем, ст. 16 УК РФ «Неоднократность» утратила 14 лет назад свою юридическую силу. Ввиду этого исследуемую уголовно-правовую норму не то что применить, но и понять, о чем в ней, собственно, идет речь, на уровне правоприменительной практики невозможно. Тем более что все остальные альтернативные деяния, криминализованные в ч. 1 ст. 142.2 УК РФ (*за исключением соединенным союзом «или» проголосовать более двух раз*), ничем не отличаются от диспозиции ч. 1 ст. 5.22 КоАП РФ. Следовательно, существует проблема разграничения на практике этих административных правонарушений и уголовно наказуемых деяний.

Совершенно не радует своим юридическим строением и действующая диспозиция ч. 2 ст. 142.2 УК РФ. По факту она повторяет имеющиеся выявленные серьезные теоретико-правовые ошибки исследуемой выше нормы. В частности, в нее криминализовано деяние, состоящее в получении в избирательной комиссии, комиссии референдума избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме для участия в голосовании вместо избирателей, участников референдума, в том числе вместо других избирателей, участников референдума, или для участия в голосовании более двух раз в ходе одного и того же голосования. Единственное отличие этой уголовно-правовой нормы от правонарушений, содержащихся в ч. 2 ст. 5.22 КоАП РФ, состоит в *неоднократности* совершения описанных выше противоправных единообразных действий, *но не деяний*, поскольку нет криминообразующего признака.

Наглядно видно, что, включив данную уголовно-правовую норму в УК РФ, законодатель не только стер грань между административным правонарушением и уголовно наказуемым деянием, но и рассогласовал между собой действующие Общую и Особенную части УК РФ в части утратившей силу ст. 16. В результате избирательные права граждан и их право на участие в референдуме от такого рода криминализованных деяний на сегодняшний день остаются незащищенными со стороны уголовного закона. Мы считаем такое положение дел недопустимым. Как обоснованно пишет М.С. Кириенко, уголовное законодательство представляет собой прямое продолжение Конституции РФ и призвано защищать важнейшие ценности общества, которые провозглашаются в ней [11, с. 189]. Конституционное положение содержит прежде всего *конструктивную* функцию и представляет содержание уголовно-правовых предписаний, что служит проявлением Основного закона страны в качестве основополагающей константы.

Тем не менее исследование нормативного предписания диспозиции ст. 142.2 УК РФ показало, что оно не только не является прямым продолжением Конституции РФ, но и противоречит ей, поскольку «*никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление*». Причина всему – отсутствие в исследуе-

мых диспозициях уголовно-правовой нормы конкретного, именно *криминообразующего признака* настоящих преступлений. В свое время В.Н. Кудрявцев справедливо замечал, что «новые уголовно-правовые нормы появляются большей частью в казуистической форме и только постепенно приобретают обобщенный вид» [12, с. 4–5]. Поддерживая упомянутого ученого, отметим, что абсолютно все введенные уголовно-правовые нормы обязаны изначально иметь для правоохранительных органов понятную для применения на практике юридическую конструкцию. Это основная задача законотворца. В нашем случае в исследуемой норме неправильно проведена *криминализация* рассматриваемых деяний. Границы ее размыты и точно не определены. Поэтому в действительности при применении (*в очень редком случае!*) судом этой уголовно-правовой нормы (без учета квалифицирующих признаков) может сложиться несправедливая и неединообразная (разноречивая) правоприменительная практика по всей стране. Скажем, если избиратель, участник референдума в одном субъекте РФ незаконно проголосовал три раза, то ему вполне может быть назначено наказание, например 3 года лишения свободы, а в другом на этих же выборах за 15 раз *повторного* голосования реально может быть назначен штраф в размере 200 тыс. рублей.

Безусловно, те же деяния, содержащиеся в квалифицирующем составе данной уголовной статьи, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, согласно п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ являются обстоятельствами, отягчающими наказание за совершение оговариваемых преступлений. По мнению Б.А. Миренского, квалифицирующие признаки – это те обстоятельства, которые характерны для данного состава преступления [13, с. 107]. «Они на порядок усиливают негативное воздействие на общественные отношения», – справедливо пишет М.А. Фомичева [14, с. 435]. Выходит, что квалифицирующими признаками следует признавать все дополнительные обстоятельства, включенные в состав конкретного преступления и изменяющие его квалификацию. Между тем квалифицирующий признак – это не *криминообразующий*, в силу того что отличить содержащиеся в диспозиции ч. 1, 2 ст. 142.2 УК РФ деяния от правонарушений на практике невозможно.

С.В. Максимов отмечает, что в своем превентивном или воспитательном назначении нормы уголовного права адресованы также и законопослушным гражданам и лицам, воздерживающимся от совершения из-за боязни ответственности наказания [15, с. 17]. «Преступления и борьба с ними, – верно пишет А.С. Пинуг, – это поле для деятельности уголовного права, и за их совершение применяются меры уголовно-правового характера, а не какие-либо другие правовые меры» [16, с. 463]. Либо это уголовно наказуемое деяние, либо административное правонарушение. *Неоднократность*, которая к тому же утратила юридическую силу, не может быть по определению криминообразующим признаком. Она выступала разновидностью множественности преступлений, которая была предусмотрена во многих составах преступлений в качестве *квалифицирующего признака*, т.е. отягчающего вину

обстоятельства. Неспроста Б.В. Волженкин указывал на то, что последовательное проведение принципа справедливости требует полного отказа от неоднократности и судимости в качестве квалифицирующих признаков. Он считал, что подход должен быть единым: преступник наказывается за содеянное, а характеризующие его личность обстоятельства, в том числе судимость, учитываются в пределах определенной санкции, предусмотренной за вменяемое лицу деяние [17, с. 5].

Итак, исследовав и обосновав имеющиеся проблемы реализации важнейшего метода уголовно-правовой политики – криминализации деяний, состоящих в незаконных выдаче и получении избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме, мы вспоминаем слова М.А. Кауфмана: «Проблемы в праве присущи любой, даже самой совершенной законодательной системе. Об этом свидетельствует, к сожалению, и опыт развития уголовного законодательства России» [18, с. 93]. Введенная рассматриваемая уголовная норма обладает казуистическим строением во всем. На наш взгляд, даже имеющееся наименование показывает ее логическую непродуманность по сравнению со ст. 142 УК РФ, устанавливающей ответственность за фальсификацию избирательных документов, документов референдума. Ввиду этого возникает уместный вопрос: зачем в ст. 142.2 УК РФ устанавливается ответственность только за незаконные выдачу и получение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме? Почему законодатель в данной уголовной статье не предусмотрел ответственность за незаконные выдачу и получение других существующих избирательных документов, документов по проведению референдума, содержащих конфиденциальные, охраняемые федеральным законом сведения об избирателях? Убедительный ответ на это упущение нам очень хотелось бы услышать со стороны законодателя.

Как верно отмечает И.А. Неронов, под избирательными документами обычно понимаются не только избирательные бюллетени, бюллетени для голосования на референдуме, но и открепительные удостоверения, протоколы избирательных комиссий об итогах голосования, списки избирателей, подписные листы, а также иные предусмотренные законодательством о выборах документы, составленные (изготовленные) в ходе избирательной кампании, которые как непосредственно, так и опосредованно влияют на итоги голосования и результаты выборов [19, с. 22–28]. Представим недопустимую ситуацию, когда помимо незаконных выдачи и получения избирательных бюллетеней, бюллетеней для референдума дополнительно на противозаконных основаниях получают и выдаются указанные выше избирательные документы. В данном случае избирательные права граждан РФ и их право на участие в референдуме мерами уголовно-правового воздействия от таких противоправных действий совершенно не защищены. Мы считаем подобное положение дел недопустимым и, больше того, несправедливым. К примеру, как пишет О.Ю. Антонов, фальсифицируя только подписные листы, искажению подвергаются Ф.И.О., паспортные данные, место жительства, дата рождения, дата про-

ставления подписи в подписном листе и сама «подпись». В них вносятся ложные сведения о личности тех людей, которые отдают предпочтение кандидату, в поддержку которого собираются подписи [20, с. 455].

Поскольку избирательные документы, документы по проведению референдума выдаются членами избирательных комиссий различных уровней, то в их лице люди, наделенные должностными полномочиями, вполне могут выдать комментируемые документы за получение взятки. Под входящими в служебные полномочия действиями (бездействием) должностного лица следует понимать такие действия (бездействие), которые оно имеет право и (или) обязано совершить в пределах своей служебной компетенции. В данном примере эти деяния нужно отнести к преступлениям коррупционной направленности при соблюдении определенных условий, а само деяние дополнительно квалифицировать по ст. 290 УК РФ. Для этого рекомендуем ввести в Указания Генеральной прокуратуры России № 797/11, МВД России № 2 от 13.12.2016 г. «О введении в действие перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности» [21] дополнения. Предлагаем расширить Перечень № 23 Указаний Генеральной прокуратуры РФ и МВД России 2016 г. в связи с криминализацией новых деяний, включенных в ст. 142.2 УК РФ. Поскольку настоящие деяния являются электоральными, а это разновидность политических преступлений, то, учитывая сказанное и по аналогии с ч. 2 ст. 142 УК РФ, считаем необходимым *внести поправку* в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ и предусмотреть за их совершение конфискацию имущества.

Действующую ст. 5.22 КоАП РФ «Незаконные выдача и получение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме» необходимо признать утратившей силу. Это обусловлено тем, что характер и степень общественной опасности настоящих противоправных коррупционных действий гораздо выше, поэтому законодатель криминализировал эти деяния в действующую ст. 142.2 УК РФ. На коррупцию, а речь идет о столь важном общественном отношении, как электоральная среда, целесообразно реагировать в данном случае мерами уголовно-правового воздействия. По словам Ю.Н. Климовой, «электоральная коррупция как негативное социально-политическое явление является объектом управленческого воздействия со стороны субъектов антикоррупционного направления электоральной политики» [22, с. 42]. «В политической сфере, – пишет В.А. Номоков, – главным следствием коррупции является разложение государства вследствие его захвата, приватизации частными корпоративными структурами». В результате подрывается доверие населения к власти, создается нежелательный имидж страны и ее руководства за рубежом [23, с. 61]. Для того, чтобы эта компрометация не произошла в рамках рассматриваемых нами проблем, одной из главных задач является ужесточение контроля не только за членами избирательных комиссий, которые на территории посольства РФ в Республике Таджикистан вправе выдавать гражданам России (бипатридам) избирательные документы для участия в голосовании, проходящем в

России, но и за самими комментируемыми получателями данных документов.

В связи с изложенным предлагаем к принятию совершенно новую редакцию ст. 142.2 УК РФ в виде конкретного законопроекта:

«Статья 142.2. Незаконные выдача и получение избирательного документа, документа для голосования на референдуме.

1. Выдача членом избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего либо совещательного голоса гражданину (гражданам) избирательных документов, документов для голосования на референдуме, в том числе заполненных, в целях предоставления ему (им) возможности проголосовать вместо избирателей, участников референдума, не проживающих (зарегистрированных) в пределах того или иного конкретного избирательного округа, воинской части, в том числе вместо граждан РФ (избирателей), участников референдума, постоянно проживающих на территории иностранного государства или находящихся в длительной заграничной командировке на территории определенного иностранного государства, – *наказывается...*

2. Получение в избирательной комиссии, комиссии референдума соответствующего уровня избирательных документов, документов для голосования на референдуме в целях участия в голосовании вместо избирателей, участников референдума, не проживающих (зарегистрированных) в пределах того или иного конкретного избирательного округа, воинской части, в том числе вместо граждан РФ (избирателей), участников референдума, постоянно проживающих на территории иностранного государства или находящихся в длительной заграничной командировке на территории определенного иностранного государства, – *наказывается...*

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, – *наказываются...*».

Тщательно исследовав имеющиеся серьезные проблемы криминализации деяний, состоящих в незаконных выдаче и получении избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме, мы пришли к выводу, что она проведена в реальную действительность по казуистическому принципу с нарушением принципов законности и справедливости. В результате юридическая конструкция диспозиций действующей редакции ст. 142.2 УК РФ получилась логически невыверенной, объективно противоречащей не только Общей и Особенной частям настоящего закона, но и, главное, Конституции РФ. Параллельно удалось выявить и убедительно обосновать существующее законодательное противоречие между административной и уголовной ответственностью за аналогичные совершаемые противоправные действия. Предложен широкий ряд конкретных, аргументированных, востребованных для общества и государства научных законодательных поправок в УК РФ, нацеленных на надежную, эффективную, подлинную защиту избирательных прав граждан РФ и их права на участие в референдуме от такого рода преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.07.2017 № 249-ФЗ // Собрание законодательства РФ (СЗ РФ). 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4798.
2. Тасаков С.В. Регулятивная функция уголовного права и норм общественной нравственности // Российская юстиция. 2013. № 4. С. 33–36.
3. Бочкарёв С.А., Шульц В.Л. Двойственность в понимании современной уголовной политики // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 122–133.
4. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.07.02. № 67-ФЗ (в ред. от 01.06.2017 № 104-ФЗ) // Парламентская газета. 2002. № 110–111; СЗ РФ. 2017. № 23. Ст. 3227.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017 № 263-ФЗ) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4812.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с уточнением порядка использования открепительных удостоверений при проведении выборов и референдумов : Федеральный закон от 04.10.2010 № 263-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 41 (ч. 2). Ст. 5192.
7. Малков В.П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4. С. 179–189.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 29 июня 2017 г., № 203-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4752.
9. Симаков Г.Ф. Уголовное право Российской Федерации. Часть общая : (конспект лекций) / ред. Л.И. Александрова. Владивосток, 2000. 54 с.
10. Черненко Т.Г. Квалификация преступлений по признаку неоднократности // Актуальные проблемы правоведения в современный период : сб. статей / под ред. В.Ф. Воловича. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Ч. 3. 244 с.
11. Кириенко М.С. Целеопределяющая роль Конституции РФ для системы Особенной части УК РФ // Проблемы права. 2015. № 6 (54). 229 с.
12. Кудрявцев В.Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право и борьба с преступностью / отв. ред. А.М. Яковлев. М. : Изд-во ИГП АН СССР, 1981. С. 4–5.
13. Миренский Б.А. Законодательная техника и проблемы уголовного права // Советское государство и право. 1986. № 12. 205 с.
14. Фомичева М.А. Угроза как способ в квалифицированном составе преступления // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 431–437.
15. Максимов С.В. Цель в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. 26 с.
16. Пинугов А.С. Меры уголовно-правового характера: проблемы определения понятия // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 463.
17. Волженкин Б.В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1998. № 12. С. 5–9.
18. Кауфман М.А. Пробелы уголовного законодательства // Законность. 2004. № 2. С. 39–41.
19. Неронов И.А. Изъятие избирательных документов в уголовном процессе // Журнал о выборах. 2011. № 1. С. 22–28.
20. Антонов О.Ю. Криминалистическая модель преступной деятельности, связанной с фальсификацией подписных листов // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2. С. 454–460.
21. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указания Генеральной прокуратуры России № 797/11, МВД России № 2 от 13.12.2016 г. [Документ опубликован не был] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2019).
22. Климова Ю.Н. Коррупциогенные факторы в избирательном процессе: подходы к определению и алгоритм стратегического управленческого воздействия // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 39–48.
23. Номоконов В.А. Коррупция и антикоррупционная политика // Юридический журнал : межвуз. сб. науч. ст. / сост. и отв. ред. И.И. Андриановская. Южно-Сахалинск : СахГУ, 2011. Вып. 8. С. 59–66.

Problems of Criminalization of Illegal Issuance and Receiving Election and Referendum Bulletins (Article 142.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): Unacceptable Reality and Scientific Methods

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 34–41. DOI: 10.17223/23088451/13/7

Mikhail A. Lakekhin, Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: lakehin@rambler.ru.

Keywords: issuance, citizens, voters, Constitution of the Russian Federation, criminal law policy.

The article examines and describes two problems of criminalization of the most important method of criminal law policy for acts involving the illegal issuance and receipt of election ballots and ballots for referendum. Having investigated the serious problems of criminalizing the criminal law policy for committing acts of illegal issuance and receipt of election and referendum ballots, the author comes to the conclusion that it was carried out on a casuistic basis, spectrally, in violation of principle of law and justice. As a result, the legal construction of dispositions of the current edition of Article 142.2 of the Criminal Code of the Russian Federation turned out to be logically unreconciled and objectively contradicting not only the General and Special Part of this Law, but also, most importantly, the Constitution of the Russian Federation. It was also possible to identify and substantiate the existing legislative contradiction between administrative and criminal liability for similar unlawful acts. The author proposes a wide range of definite, reasoned, popular legislative amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, aimed at reliable, effective, genuine protection of electoral rights of citizens of the Russian Federation and their right to participate in a referendum against such crimes.

References

1. Russian Federation. (2017a) Federal Law No. 249-FZ of July 29, 2017, On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31(1). Art. 4798. (In Russian).

2. Tasakov, S.V. (2013) The regulatory function of the criminal law and norms of public morality. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 4. pp. 33–36. (In Russian).
3. Bochkarev, S.A. & Shults, V.L. (2015) The duality in the understanding of the modern criminal policy. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy – Russian Journal of Legal Studies*. 2(3). pp. 122–133. (In Russian).
4. Russian Federation. (2017b) Federal Law No. 67-FZ of July 12, 2002, (as amended No. 104-FZ on June 1, 2017), On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation. *Parlamentskaya gazeta*. 110–111.
5. Russian Federation. (2002) Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended No. 263-FZ on July 29, 2017) (as amended and added, empowered on August 10, 2017). *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1(1). Art. 1.
6. Russian Federation. (2010) Federal Law No. 263-FZ of October 4, 2010, On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with Clarifying the Procedure for Using Absentee Certificates During Elections and Referenda. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 41(2). Art. 5192. (In Russian).
7. Malkov, V.P. (2008) Institut mnozhestvennosti prestupleniy v doktrine i ugovnom zakonodatel'stve Rossii [The institute of multiple crimes in the doctrine and criminal law of Russia]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*. 4. pp. 179–189
8. Russian Federation. (1996) The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended and added on June 29, 2017, No. 203-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 2954.
9. Simakov, G.F. (2000) *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Chast' obshchaya* [Criminal Law of the Russian Federation/ General Part]. Vladivostok: VGUES.
10. Chernenko, T.G. (1998) Kvalifikatsiya prestupleniy po priznaku neodnokratnosti [Qualification of crimes on the basis of duplicity]. In: Volovich, V.F. (ed.) *Aktual'nye problemy pravovedeniya v sovremenny period* [Topical problems of jurisprudence in the modern period]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Kirienko, M.S. (2015) The goal-defining role of the Constitution of the Russian Federation for the system of the Criminal Code of the Russian Federation. *Problemy prava – Issues of Law*. 6(54). pp. 188–192. (In Russian).
12. Kudryavtsev, V.N. (1981) Kriminalizatsiya: optimal'nye modeli [Criminalization: optimal models]. In: Yakovlev, A.M. (ed.) *Ugolovnoe pravo i bor'ba s prestupnost'yu* [Criminal Law and the Fight Against Crime]. Moscow: USSR AS. pp. 4–5.
13. Mirenskiy, B.A. (1986) Zakonodatel'naya tekhnika i problemy ugovnogo prava [Legislative technique and problems of criminal law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 12.
14. Fomicheva, M.A. (2007) Ugroza kak sposob v kvalifitsirovannom sostave prestupleniya [The threat as a way in a qualified corpus delicti]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 1. pp. 431–437
15. Maksimov, S.V. (2002) *Tsel' v ugovnom prave* [Objective in criminal law]. Abstract of Law Cand. Diss. Kazan.
16. Pinugov, A.S. (2007) Mery ugovno-pravovogo kharaktera: problemy opredeleniya ponyatiya [Criminal law measures: the problem of concept defining]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 1. pp. 463.
17. Volzhenkin, B.V. (n.d.) Printsip spravedlivosti i problemy mnozhestvennosti prestupleniy po UK RF [The principle of justice and the problem of multiple crimes under the Criminal Code of the Russian Federation]. *Zakonnost'*. 12. pp. 5–9.
18. Kaufman, M.A. (2004) Probely ugovnogo zakonodatel'stva [Criminal legislation gaps]. *Zakonnost'*. 2.
19. Neronov, I.A. (2011) Iz'yatie izbiratel'nykh dokumentov v ugovnom protsesse [Withdrawal of electoral documents in criminal proceedings]. *Zhurnal o vyborakh*. 1. pp. 22–28.
20. Antonov, O.Yu. (2007) Kriminalisticheskaya model' prestupnoy deyatel'nosti, svyazannoy s fal'sifikatsiey podpisnykh listov [Forensic model of criminal activity related to falsification of subscription lists]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 2. pp. 454–460.
21. Russian Federation. (2016) Directives No. 797/11 of the General Prosecutor's Office of Russia, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 2 of December 13, 2016, On the Enactment of the Lists of Articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the Formation of Statistical Reporting. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209595/. (Accessed: 22.04.2019). (In Russian). (The document was not published).
22. Klimova, Yu.N. (2014) Corruption factors in election procedure: approaches to determining and algorithm of strategic managerial influence. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*. 1. pp. 39–48. (In Russian). DOI: 10.21202/1993-047X.08.2014.1.39-48
23. Nomokonov, V.A. (2011) Korruptsiya i antikorrupsionnaya politika [Corruption and anti-corruption policy]. In: Andrianovskaya, I.I. (ed.) *Yuridicheskiy zhurnal* [Legal Journal]. Vol. 8. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin State University. pp. 59–66.

И.В. Лозинский

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЗАДАЧИ УГОЛОВНОГО ПРАВА ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассмотрены изменения, внесенные в Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления в сфере экономической деятельности» федеральными законами от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ, от 29 июля 2018 г. № 227-ФЗ, от 27 декабря 2018 г. № 520-ФЗ, от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ. Анализируется, достаточно ли указанных изменений для дальнейшего совершенствования данной Главы. Рассматривается необходимость криминализации новых деяний, неизвестных УК РФ. Дается предложение об определении задачи уголовного права применительно к Главе 22 УК РФ.

Ключевые слова: задача, Глава 22 УК РФ.

В течение апреля–декабря 2018 г. Глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, охраняющая общественные отношения в сфере экономической деятельности, вновь подверглась внесению в нее серьезных законодательных поправок. Как и в предыдущие годы, обозначенные поправки заключаются преимущественно в дополнениях указанной Главы новеллами. На основании Федерального закона РФ от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ она дополнена ст. 200.4, предусматривающей уголовную ответственность за «злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», а также ст. 200.5, предусматривающей уголовную ответственность за «подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок». Дополнение Уголовного кодекса РФ указанными новеллами обусловлено необходимостью усиления борьбы с различными злоупотреблениями, получившими достаточно широкое распространение в данной сфере. М.О. Акопджановой в связи с этим справедливо отмечено, что «эффективное обеспечение государственных и муниципальных нужд является важнейшим условием успешного решения задач, связанных с благополучием населения, перспективами развития экономики» [1, с. 27]. Таким образом, криминализация данных деяний является обоснованной. По нашему мнению, вводя ст.ст. 200.4, 200.5 в Главу 22 УК РФ, законодатель руководствовался тем, что в качестве субъекта запрещаемых ими деяний следует рассматривать «работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иное уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации». Указанный субъект в юридической литературе рассматривается как специальный [Там же, с. 28]. Исходя как из теории уголовного права, так и из логики законодателя, он представляет собой лицо, осуществляющее экономическую деятельность. Одновременно некоторыми учеными объектом преступлений, запре-

щаемых ст.ст. 200.4, 200.5 УК РФ, рассматриваются общественные отношения в сфере экономической деятельности [Там же, с. 27]. Таким образом, введение этих новелл именно в Главу 22 УК РФ выглядит правомерным.

Также, на основании Федерального закона РФ от 27 декабря 2018 г. № 520-ФЗ, исследуемая Глава дополнена ст. 200.6, которой устанавливается уголовная ответственность за «заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Проанализировав диспозицию этой уголовно-правовой новеллы, следует отметить, что, в отличие от деяний, запрещаемых ст.ст. 200.4, 200.5 УК РФ, субъектом деяния, запрещаемого ст. 200.6 УК РФ, является эксперт либо уполномоченный представитель экспертной организации, давший заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. При этом эксперт является специалистом, приглашаемым или нанимаемым за вознаграждение для выдачи квалификационного заключения независимо от того, в какой сфере им было сделано данное заключение. Поэтому его, на наш взгляд, невозможно рассматривать как субъекта, осуществляющего экономическую деятельность. Одновременно объективная сторона запрещаемого данной статьей деяния является в значительной мере схожей с объективной стороной деяния, запрещаемого ст. 238 УК РФ – «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности». Таким образом, по своей правовой природе рассматриваемое деяние представляет собой посягательство на здоровье населения. Поэтому уголовно-правовую норму, предусматривающую ответственность за его совершение, следует перенести в Главу 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». В юридической литературе ранее уже высказывались точки зрения о необходимости переноса из Главы 22 в иные Главы некоторых уголовно-правовых норм [2, с. 9].

На основании Федерального закона РФ от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ Глава 22 УК РФ дополнена ст. 172.3, предусматривающей уголовную ответственность за «невнесение в финансовые документы

учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах». По своей сущности запрещаемое этой новеллой деяние представляет собой сокрытие фактически размещенных физическими лицами или индивидуальными предпринимателями денежных средств путем невнесения в документы и (или) регистры бухгалтерского учета и (или) отчетность (отчетную документацию) кредитной организации сведений о таких денежных средствах. Обозначенное сокрытие способствует незаконному выводу банковских активов за рубеж [3, с. 46]. Таким образом, дополнение Уголовного кодекса РФ указанной новеллой позволит повысить эффективность борьбы с этим деянием. В юридической литературе о необходимости такого дополнения отмечалось еще до принятия рассматриваемого Федерального закона [Там же, с. 47].

Этим же Законом внесены серьезные поправки и в действующие уголовно-правовые нормы, составляющие рассматриваемую Главу, в частности, в ст. 170.1 УК РФ. В новой редакции она дополнена ч. 4, предусматривающей уголовную ответственность за «внесение в реестр владельцев ценных бумаг либо в систему депозитарного учета заведомо неполных или недостоверных сведений, а равно подтверждение от имени организации, осуществляющей учет прав на ценные бумаги, достоверности внесенных в реестр владельцев ценных бумаг либо в систему депозитарного учета сведений, заведомо для подтверждающего лица являющихся неполными или недостоверными, в целях сокрытия у клиента организации, осуществляющей учет прав на ценные бумаги, предусмотренных законодательством Российской Федерации признаков банкротства кредитной или иной финансовой организации либо оснований для отзыва (аннулирования) лицензии и (или) назначения в организации временной администрации». Таким образом, законодателем введена специальная уголовно-правовая норма, направленная на борьбу именно с обозначенным видом фальсификации реестра владельцев ценных бумаг либо системы депозитарного учета. До ее введения борьба с указанным деянием представлялась возможной, на наш взгляд, путем привлечения виновных в его совершении лиц к уголовной ответственности по статьям, устанавливающим уголовную ответственность за совершение криминальных банкротств – ст.ст. 195–197 УК РФ. В данной ситуации фактически имело место применение уголовного закона по аналогии, что противоречило принципу законности, отраженному в ст. 3 УК РФ. Таким образом, несмотря на очевидное «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности, оказался устраненным значительный законодательный пробел. Одновременно данным Законом рассматриваемая норма дополнена и ч. 5, предусматривающей уголовную ответственность за совершение деяний, предусмотренных ч. 4, «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой». Цель данного дополнения – устранение законодательных пробелов. Также обозначенным Законом внесены поправки и в ст. 195 УК РФ – «Неправомерные действия при банкротстве». В результате зако-

нодатель разграничил зону действия указанного уголовно-правового запрета и ст. 170.1 УК РФ, что позволило внести точность в действующее уголовное законодательство в области охраны общественных отношений в сфере экономической деятельности.

Кроме этого, рассматриваемым Законом внесены поправки и в ст. 172.1 УК РФ. В результате в ее новой редакции в ч. 1 значительно изменены санкции за совершение запрещаемого ею деяния. Одновременно данная уголовно-правовая норма дополнена ч. 2, предусматривающей ответственность за совершение запрещаемого ею деяния в соучастии – группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Таким образом, в этой ситуации, аналогично предыдущей, ликвидируется законодательный пробел. О необходимости рассмотренных изменений ст. 172.1, как и о необходимости дополнения Уголовного кодекса РФ ст. 172.3, учеными-юристами было отмечено еще до принятия данного Закона [4, с. 72].

Помимо указанных ранее, на основании Федерального закона РФ от 29 июля 2018 г. № 227-ФЗ поправки внесены и в ст. 171.2 УК РФ. В результате их внесения зона действия данного уголовно-правового запрета значительно расширена. В частности, предусмотрена уголовная ответственность за организацию и проведение азартных игр «без полученной в установленном порядке лицензии на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах вне игорной зоны», а также за «систематическое предоставление помещений для незаконных организации и (или) проведения азартных игр». В примечании 1 к ст. 171.2 УК РФ законодателем дается дефиниция такого «систематического предоставления». При этом под действие ст. 171.2 после внесения указанных поправок не подпадают «случаи приема интерактивных ставок организаторами азартных игр в букмекерских конторах и (или) тотализаторах». Таким образом, в результате внесения рассматриваемых поправок оказались устраненными отдельные законодательные пробелы, имевшие место в предыдущих редакциях данного уголовно-правового запрета. Наряду с этим законодателем, несмотря на имеющее место «сужение» зоны действия рассматриваемого уголовно-правового запрета, внесена точность в его диспозицию.

Представляется, что внесения рассмотренных поправок для дальнейшего совершенствования Главы 22 УК РФ явно недостаточно. По нашему мнению, необходима криминализация и иных деяний, в частности промышленного шпионажа. Как показывает практика, осуществляющие экономическую деятельность субъекты несут многомиллионные и многомиллиардные убытки вследствие именно отлаженного промышленного шпионажа со стороны их конкурентов. Таким образом, отсутствие уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за указанное деяние, не способствует созданию в России цивилизованного рынка инновационного типа. Следует отметить, что интересы как личности, так и государства в данной ситуации охраняются уголовным законом надлежащим образом. Для охраны граждан от шпионажа в отноше-

нии их личной жизни в УК РФ имеется целый ряд норм – ст. 137, устанавливающая ответственность за «нарушение неприкосновенности частной жизни»; ст. 138, устанавливающая ответственность за «нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений»; ст. 139, устанавливающая ответственность за «нарушение неприкосновенности жилища»; ст. 155, устанавливающая ответственность за «разглашение тайны усыновления (удочерения)». Для охраны интересов государства от шпионажа государственно значимых сведений, осуществляемого недружественными государствами, в УК РФ имеются ст.ст. 275, 276, устанавливающие ответственность за «государственную измену» и за «шпионаж». В рассматриваемой ситуации логичным будет дополнение Главы 22 УК РФ новеллой, охраняющей от промышленного шпионажа интересы предпринимателей, что, на наш взгляд, позволит устранить серьезный законодательный пробел.

Одновременно представляется необходимой и криминализация дискредитации деловой репутации организации путем распространения ложных, неточных или искаженных сведений, способных причинить убытки одним предпринимателем другому субъекту, осуществляющему экономическую деятельность, или причинить его деловой репутации значительный ущерб. При этом юридические лица, составляющие большинство субъектов, осуществляющих указанную деятельность, фактически оказались вне зоны охраны нормами именно уголовного права. Следует отметить, что в настоящее время данная форма недобросовестной конкуренции получает достаточно широкое распространение, угрожая экономической безопасности государства. Таким образом, появилась необходимость дополнения рассматриваемой Главы соответствующей новеллой, что также позволит устранить имеющий место значительный законодательный пробел.

Также, по нашему мнению, представляется необходимой и криминализация введения в заблуждение потребителей. Обозначенное деяние по своей правовой природе отличается от мошенничества, поскольку потерпевшим в этой ситуации является не собственник-покупатель, а добросовестный предприниматель, который, во-первых, лишается определенного количества потребителей, так как им используется честная информация, не содержащая ложных, но привлекательных сведений; во-вторых, он лишается доверия потребителей в результате обманных действий недобросовестных коммерсантов. Как и предыдущая, рассматриваемая форма недобросовестной конкуренции в настоящее время также получила достаточно широкое распространение. Аналогично предыдущим в результате криминализации данного деяния окажется устраненным серьезный законодательный пробел, имеющий место в Главе 22 УК РФ.

На наш взгляд, проблеме совершенствования указанной Главы невозможно решать путем как полной, так и частичной криминализации деяний. Нами ранее отмечена ошибка законодателя, состоящая во введении в Главу 22 УК РФ ст. 200.6, запрещающей деяние, субъектом которого выступает лицо, не осуществляющее экономическую деятельность. Данная ошибка объясняется

недостатками законодательной конструкции рассматриваемой Главы, в частности отсутствием у составляющих ее норм единой общей задачи. В результате анализа этих норм возможно выделение нескольких задач, совершенно не связанных друг с другом.

В качестве одной из них следует выделить защиту добросовестного предпринимателя от противоправных действий должностных лиц – ст. 169 УК РФ – «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности». По своей правовой природе обозначенное деяние представляет собой одну из разновидностей должностных преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами Главы 30 УК РФ. По нашему мнению, к указанной разновидности следует отнести и ст. 170 УК РФ – «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом», поскольку в ее диспозиции отмечено, что деяние, запрещаемое ею, «совершается должностным лицом». Представляется правомерным отнесение к этой разновидности и ст. 170.1 УК РФ – «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета», так как ведение обозначенных федеральных информационных ресурсов осуществляется в первом случае должностными лицами Федеральной налоговой службы РФ, во втором – должностными лицами Службы Банка России по финансовым рынкам.

Следующей из рассматриваемых задач можно выделить защиту одних частных лиц от противоправных действий других частных лиц – ст. 179 УК РФ – «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения». Запрещаемое указанной нормой деяние представляет собой разновидность вымогательства, посягающего на отношения собственности. Таким образом, задача данной нормы УК РФ – охрана этих отношений.

Отдельной задачей выделяется защита интересов службы спортивных и других досуговых организаций – ст. 184 УК РФ – «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса». Указанные организации могут быть различных организационно-правовых форм – частные, муниципальные, государственные. Таким образом, по своей правовой природе деяние, запрещаемое данной уголовно-правовой нормой, является близким к таким деяниям, как коммерческий подкуп, запрещенный ст. 204 УК РФ, мелкий коммерческий подкуп, запрещенный ст. 204.2 УК РФ, а также получение взятки, запрещенное ст. 290 УК РФ.

Также отдельной задачей следует выделить и защиту от недобросовестного предпринимателя законных интересов частных лиц – ст. 176 УК РФ – «Незаконное получение кредита». Указанное деяние по своей правовой природе является одной из разновидностей мошенничества, т.е. обозначенная задача предполагает защиту отношений собственности. В Главе 21 УК РФ «Преступления против собственности» имеются ст.ст. 159, 159.1, предусматривающие уголовную ответственность за совершение как мошенничества, так и мошенничества в сфере кредитования. Получается, что возможна конкуренция между ст. 176 УК РФ и ст. 159 УК РФ, а

также между ст. 176 УК РФ и ст. 159.1 УК РФ. Следует отметить, что ст. 176 УК РФ решает искусственно созданные задачи, что противоречит таким принципам уголовного права, как принцип справедливости (ст. 5 УК РФ) и принцип вины (ст. 6 УК РФ).

В качестве следующей задачи следует рассматривать защиту от недобросовестных граждан интересов государства. Обозначенная задача реализуется в большей части норм, составляющих Главу 22 УК РФ. Ее особенность состоит в том, что деяния, запрещаемые данными нормами, могут совершаться как предпринимателем, так и любым физическим лицом. Указанные деяния следует разделить на несколько подгрупп:

1. Преступления против порядка управления – ст. 170.2 УК РФ – «Внесение заведомо ложных сведений в межевую план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории»; ст. 171.1 УК РФ – «Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации»; ст. 173.1 УК РФ – «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица»; ст. 173.2 УК РФ – «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица»; ст. 180 УК РФ – «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)»; ст. 181 УК РФ – «Нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм»; ст. 185 УК РФ – «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг»; ст. 185.1 УК РФ – «Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах»; ст. 185.2 УК РФ – «Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги»; ст. 185.3 УК РФ – «Манипулирование рынком»; ст. 185.4 УК РФ – «Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг»; ст. 185.5 УК РФ – «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества»; ст. 185.6 УК РФ – «Неправомерное использование инсайдерской информации»; ст. 186 УК РФ – «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг»; ст. 187 УК РФ – «Неправомерный оборот средств платежей»; ст. 190 УК РФ – «Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей»; ст. 191 УК РФ – «Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга»; ст. 191.1 УК РФ – «Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины»; ст. 192 УК РФ – «Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней»; ст. 193 УК РФ – «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации»; ст. 193.1 УК РФ – «Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федера-

ции на счета нерезидентов с использованием подложных документов»; ст. 194 УК РФ – «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица»; ст. 198 УК РФ – «Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов»; ст. 199 УК РФ – «Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов»; ст. 199.1 УК РФ – «Неисполнение обязанностей налогового агента»; ст. 199.2 УК РФ – «Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов»; ст. 199.3 УК РФ – «Уклонение страхователя – физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд»; ст. 199.4 УК РФ – «Уклонение страхователя – организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд»; ст. 200.1 УК РФ – «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов»; ст. 200.2 УК РФ – «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий»; ст. 200.3 УК РФ – «Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости». Во всех обозначенных ситуациях физическое лицо нарушает различные обязанности по соблюдению установленного государством порядка регулирования общественных отношений. Государство посредством введения этих уголовно-правовых запретов ставит перед уголовным законом задачу обязать граждан платить налоги, сдавать драгоценные камни, соблюдать таможенные, валютные ограничения. Поведение лица, которое нарушило указанные ограничения, нельзя рассматривать как предпринимательскую либо иную экономическую деятельность, поскольку предпринимательская деятельность носит самостоятельный характер, осуществляется на свой страх и риск. В приведенных ситуациях гражданин обязан воздержаться от нарушения обязательств, возложенных на него обществом и государством. Таким образом, к деяниям обозначенной подгруппы возможно отнести и введенные в уголовное законодательство в апреле 2018 г. новеллы: ст. 200.4 УК РФ – «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»; ст. 200.5 УК РФ – «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок».

2. Преступления против правосудия – ст. 174 УК РФ – «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем»; ст. 174.1 УК РФ – «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобре-

тенных лицом в результате совершения им преступления»; ст. 175 УК РФ – «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем»; ст. 177 УК РФ – «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности». Обозначенные нормы направлены на обеспечение нормального отправления правосудия, и поэтому поведение их нарушителей не рассматривается как экономическая деятельность.

3. Преступления против государственной безопасности – ст. 189 УК РФ – «Незаконные экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники». Задача указанной нормы – обеспечение как внутренней, так и внешней безопасности Российской Федерации. В связи с этим предварительное расследование преступления, за преследованием данной уголовно-правовой нормой, на основании ст. 151 УПК РФ правомерно отнесено к компетенции Федеральной службы безопасности, поскольку оно совершается шпионом. Таким образом, отнесение этого деяния к преступлениям, совершаемым в сфере экономической деятельности, является нелогичным.

Последней задачей уголовного права, предусмотренной в Главе 22 УК РФ, следует выделить защиту предпринимательских отношений – законных интересов одного предпринимателя от другого предпринимателя. К этим нормам относятся: ст. 171 УК РФ – «Незаконное предпринимательство»; ст. 171.2 УК РФ – «Незаконные организация и проведение азартных игр»; ст. 171.3 УК РФ – «Незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»; ст. 171.4 УК РФ – «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции»; ст. 172 УК РФ – «Незаконная банковская деятельность»; ст. 172.1 УК РФ – «Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации»; ст. 172.2 УК РФ – «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества»; ст. 172.3 УК РФ – «Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физических лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах»; ст. 178 УК РФ – «Ограничение конкуренции»; ст. 183 УК РФ – «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну»;

ст. 195 УК РФ – «Неправомерные действия при банкротстве»; ст. 196 УК РФ – «Преднамеренное банкротство»; ст. 197 УК РФ – «Фиктивное банкротство». Несмотря на «разброс» указанных норм по всей Главе 22 УК РФ, они направлены на уголовно-правовую охрану отношений конкуренции, являющихся особой разновидностью предпринимательских отношений. Конкуренцию вполне обоснованно следует рассматривать как «нерв» предпринимательских отношений, поскольку благодаря ей повышается эффективность распределения ресурсов, а также минимизируются издержки производства товаров и услуг. Однако, с другой стороны, конкуренция может привести и к столкновениям предпринимателей за потребителей, прибыли и новые технологии. Приведенные условия законодателем должны быть приняты во внимание при решении вопроса о дополнении Уголовного кодекса РФ соответствующими новеллами.

По нашему мнению, рассмотренные недостатки Главы 22 УК РФ можно объяснить достаточно широкой формулировкой понятия «экономическая деятельность». Следуя указанной логике, к преступлениям, совершаемым в сфере экономической деятельности, можно отнести и диверсию, поскольку она посягает на экономическую безопасность государства, снижая этим уровень его инвестиционной привлекательности. Приведенный пример не является единичным [5, с. 49]. То же отмечалось и иными учеными [6, с. 77].

На наш взгляд, для правильного определения задачи уголовного права применительно к обозначенной Главе необходимо принять во внимание дефиницию объекта соответствующих преступлений. Представляется, что для них объектом, как и объектом Главы 22 УК РФ в целом, могут быть лишь предпринимательские отношения. Следуя логике, указанный объект рассматривается как видовой. Непосредственным объектом в данной ситуации являются отношения конкуренции как разновидность предпринимательских отношений.

Таким образом, задача уголовного права в охране общественных отношений в сфере экономической деятельности – защита предпринимательских отношений, являющихся конкретным видом этой деятельности. Благодаря данному определению станет возможной как оптимальная криминализация, так и оптимальная декриминализация отдельных деяний в указанной сфере, что позволит законодателю наиболее точно сформировать круг преступлений, посягающих на предпринимательские отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аюпджанова М.О. Новеллы уголовного законодательства о противодействии преступности в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Российская юстиция. 2018. № 7. С. 27–29.
2. Серёжкина К.Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 24 с.
3. Бажанов С.В. Экономико-правовые факторы, подлежащие учету при разработке родовой криминалистической методики расследования преступлений, связанных с незаконным выводом банковских активов за рубеж // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 43–47.
4. Куркин П.Д., Анощенкова С.В. Статья 172.1 УК РФ в аспекте охраны интересов кредитной организации // Законодательство. 2018. № 7. С. 67–72.
5. Лозинский И.В. Реализация принципов криминализации и законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 168 с.
6. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. 776 с.

On the Definition of the Objective of Criminal Law on the Protection of Public Relations in the Sphere of Economic Activity

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 42–47. DOI: 10.17223/23088451/13/8

Igor V. Lozinsky, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru.

Keywords: objective, Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation.

This article focuses on the changes introduced by the legislator to Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation in 2018. As a result, this Chapter has been supplemented with novellas: Article 172.3, which establishes criminal liability for “failure to include information on the funds placed by individuals and individual entrepreneurs in financial records and financial statements of a credit organization”; Article 200.4, which establishes criminal liability for “abuses in the procurement of goods, works, and services for state or municipal needs”; Article 200.5, which establishes criminal liability for “bribing an employee of a contract service, contract manager, a member of the procurement commission”; Article 200.6, which establishes criminal liability for “a deliberately false expert opinion in the field of procurement of goods, works, services for the provision of state and municipal needs”. Thus, the legislator for the first time introduces special norms that increase the effectiveness of the fight against individual acts, in particular, with the illegal withdrawal of bank assets abroad (Article 172.3 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as various abuses in the sphere of state and municipal needs (Article 200.4–200.6 of the Criminal Code of the Russian Federation). The objectives of the study are to consider whether these changes are sufficient to improve Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. The comparative analysis has shown that these changes are not sufficient to improve the Chapter in question, because the legislator has not criminalized some actions that cause significant harm to economic entities: industrial espionage, discrediting the business reputation of the organization and misleading consumers. In this regard, Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation contains legislative gaps. Moreover, the norms composing the specified Chapter do not have a common cause. The author specifies several tasks that are completely unrelated to each other – protection of a bona fide entrepreneur from unlawful actions by officials, protection of individuals from unlawful actions of other individuals, protection of the interests of the sports and other leisure organizations, protection of legitimate interests of private individuals from the unfair entrepreneur, protection of state interests from unscrupulous citizens, protection of business relations. The drawbacks of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation are explained by a rather broad formulation of the concept “economic activity”, due to which the citizens fail to comply with the obligation to pay taxes and other obligatory payments imposed on them by the state. Thus, the author concludes, that the objective of criminal law in the protection of public relations in the sphere of economic activity is the protection of business relations, which are a specific type of this activity. This definition will allow precise determination of crimes encroaching on business relations.

References

1. Akopdzhanova, M.O. (2018) Novelties of criminal legislation on combating crime in the procurement of goods, works and services for state and municipal needs. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 7. pp. 27–29. (In Russian).
2. Serezhkina, K.N. (2009) *Prikosnovennost' k prestupleniyu v ugovnom prave Rossii: optimizatsiya norm i praktiki ikh primeneniya* [Implications for crime in the Criminal Law of Russia: optimization of the norms and practice of their application]. Abstract of Law Cand. Diss. Samara.
3. Bazhanov, S.V. (2018) Economic and legal factors to be taken into account in the development of generic forensic methods of investigation of crimes related to the illegal withdrawal of bank assets abroad. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 8. pp. 43–47. (In Russian).
4. Kurkin, P.D. & Anoshchenkova, S.V. (2018) Stat'ya 172.1 UK RF v aspekte okhrany interesov kreditnoy organizatsii [Article 172.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in the aspect of protecting the interests of a credit organization]. *Zakonodatel'stvo*. 7. pp. 67–72.
5. Lozinskiy, I.V. (2013) *Realizatsiya printsipov kriminalizatsii i zakonodatel'noy tekhniki v sfere bor'by s ekonomicheskimi prestupleniyami* [Implementation of the principles of criminalization and legislative techniques in the fight against economic crime]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Volzhenkin, B.V. (2007) *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti po ugovnomu pravu Rossii* [Crimes in the sphere of economic activity under the criminal law of Russia]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr press.

М.И. Орешкин, М.А. Сутурин

К ВОПРОСУ О ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена проблемам, связанным с целым рядом изменений положений уголовного закона, регламентирующих блок преступных деяний в сфере экономической деятельности. Отмечены определенные положительные моменты в изменении уголовного законодательства, а также их социальная значимость для защиты бизнеса от уголовных посягательств и излишнего уголовно-репрессивного преследования. Вместе с тем на основании статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде России и анализа редакций статей Уголовного кодекса сделан вывод о низкой эффективности применения отдельных уголовно-правовых норм в сфере экономических преступлений, введенных в Уголовный кодекс РФ за последние несколько лет. По отдельным составам преступлений с момента их включения в Уголовный кодекс РФ судами не было вынесено ни одного приговора. При этом подобная ситуация наблюдается на фоне все большего (де-факто) распространения таких деяний в нашей стране. Это красноречиво свидетельствует о проблемах действующих законодательных конструкций и необходимости их корректирования. Указаны причины низкой эффективности правоприменительной деятельности, которые, по мнению авторов, связаны с недостаточной научной обоснованностью, а также недостаточной проработанностью нормативной базы в рассматриваемой сфере общественных отношений. Кроме того, наблюдается острая нехватка квалифицированных специалистов для расследования данной категории уголовных дел. Высказаны предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: *экономические преступления, либерализация уголовной ответственности, экономическая преступность.*

Представляется, что уголовное законодательство, исходя из классических подходов к пониманию его сути, назначения, целей и задач, должно являться наиболее консервативным (в позитивном понимании этого термина). Это объясняется тем, что уголовная ответственность является наиболее карательным видом юридической ответственности. Кроме того, никто не подвергает сомнению тезис о том, что от того, насколько научно обоснованы, профессионально сконструированы и реализованы будут нормы именно уголовного закона, напрямую зависят судьбы людей, привлекаемых по подозрению в совершении преступления. В последние десятилетия на макроуровне наблюдается ситуация, связанная с недостаточной, на наш взгляд, продуманностью и обоснованностью действий законодателя и правоприменителя в разработке и реализации уголовной политики. Уголовный закон подвержен импульсивным, нередко хаотичным изменениям в угоду, например, политическим веяниям, «внезапно» появляющимся общественным отношениям, резонансно подвергаемым негативному воздействию и «требующим» незамедлительной защиты с позиций уголовного закона. За более чем двадцать лет существования Уголовный кодекс Российской Федерации подвергался и подвергается бесконечным изменениям и дополнениям, изменениям и дополнениям к принятым изменениям и дополнениям. Это в определенной степени свидетельствует об отсутствии четкого понимания ответов на вопросы: «что мы хотим от уголовного закона?»; «какие задачи мы перед ним ставим?» и т.д. Бесспорным является тезис, что, пожалуй, наибольшему реформированию подверглась система уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за экономические преступления, в том числе и в сфере предпринимательской деятельности. Происходящие изменения уголовного, уголовно-процессуального законо-

дательства, направленные на формирование благоприятной экономической среды и защиту бизнеса, принято называть либерализацией. С точки зрения экономической составляющей либерализация – это расширение свободы экономических действий хозяйствующих субъектов, выраженное в снятии или сокращении ограничений на данную деятельность. Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что либерализацией в уголовно-правовом смысле является расширение прав подозреваемых (обвиняемых), юридических лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, смягчение санкций за экономические преступления, сужение круга уголовно наказуемых деяний (процессы декриминализации) и т.д.

Следует отметить, что в последнее десятилетие вектор уголовной политики в сфере уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности характеризуется последовательно прослеживаемой тенденцией гуманизации. Данная тенденция была вызвана сформировавшимся в определенной части предпринимательской и общественной среды устойчивым мнением о том, что отечественный бизнес необоснованно подвергается давлению со стороны контролирующих и правоохранительных органов, что выражается в рейдерских захватах, возбуждении «заказных» уголовных дел. По прошествии нескольких лет с момента начала гуманистического реформирования в этой сфере уголовное законодательство претерпело ряд существенных изменений. Вполне закономерно изменилась и практика деятельности правоохранительных органов и судов. На сегодняшний день представляется возможным проанализировать некоторые итоги наблюдающегося процесса вышеобозначенной либерализации уголовного законодательства и практики его применения в сфере защиты экономики.

Преступления в сфере экономической деятельности расположены в главе 22 Уголовного кодекса РФ. В последние десятилетия изменения коснулись более 80% статей, расположенных в этой главе. Из нее исключены (декриминализованы) такие составы преступлений, как лжепредпринимательство, обман потребителей, заведомо ложная реклама. Товарная контрабанда, после полной ее декриминализации в 2011 г., в определенной составляющей получила новую жизнь уже через год, став преступлением против общественной безопасности. Частичной декриминализации подвергся ряд составов преступлений за счет повышения нижней границы крупного и особо крупного ущерба, размера дохода, суммы налоговых недоимок и т.п. И, конечно, широко этот процесс коснулся смягчения санкций по подавляющему числу составов экономических преступлений. Однако наблюдающийся процесс либерализации проходит параллельно с процессом криминализации в экономической сфере. Так, в главу 22 было включено более 30 новых составов преступлений. Только в период с 2015 по 2018 г. глава менялась законодателем четырнадцатью федеральными законами. Данная тенденция наблюдается и сегодня. В качестве примера можно привести принятие Федерального закона № 530-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 27.12.2018 г. (вступил в силу с 08.01.2019 г.), который внес изменения в ст.ст. 170.1, 170.2, 172.1, 172.3, 195 УК РФ.

Изначально процесс либерализации экономических преступлений имел достаточно большое число сторонников, а общество в определенной степени воспринимало это как благо. Однако на сегодняшний день данный процесс все больше обусловлен аргументированными критическими высказываниями в научно-практической среде относительно происходящих изменений уголовного законодательства.

Проведя некоторую комплексную оценку всех принятых изменений уголовного и уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере, можно выделить, с одной стороны, позитивные, а с другой – негативные составляющие процесса либерализации. К числу позитивных, по нашему мнению, следует отнести, например, изменение законодательного подхода, касающегося избрания меры пресечения лицам (предпринимателям), обвиняемым в совершении экономических преступлений. Подобная законодательная новелла повлекла за собой заметное сокращение фактов избрания меры пресечения в виде водворения под стражу в последние годы. Данная новелла имеет больше уголовно-процессуальный характер, но была реализована на волне изменений уголовного законодательства. Кроме того, в Уголовном кодексе появились такие составы преступлений, как незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица на подставных лиц и незаконное использование документов таких организаций. Ранее такие действия частично подпадали под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 173 УК РФ – лжепредпринимательство, применение которой вызывало ряд серьезных проблем, что нередко на практике приводило к опреде-

ленным недоразумениям. Нельзя не отметить и реализуемый комплексный подход законодателя и правоприменителя в охране общественных отношений в сфере оборота алкогольной продукции, стремлении защитить рынок ценных бумаг и др. По нашему мнению, наблюдается обоснованный стратегический вектор. Однако на практике правоприменитель сталкивается с серьезными проблемами (в том числе из-за сложности, казуистичности законодательных нормоустановлений), что объективно затрудняет достижение поставленных задач.

Особую обеспокоенность вызывают качество принимаемых уголовно-правовых норм, их обоснованность и проработанность. Традиционно законотворческий процесс опережает правоприменительный, что приводит к рождению так называемых «мертвых норм». Наличие достаточно большого количества статей в главе 22 УК РФ, которые абсолютно не применяются в правоприменительной практике, можно условно отнести к нейтральным результатам процесса либерализации, при этом частично согласиться с тем, что новая норма должна «прижиться» и всегда есть возможность ее совершенствования. Однако подобная ситуация актуализирует вопрос о том, что делать с авторитетом уголовного закона, который в глазах представителей доктрины, практических работников, обывателей с каждым годом падает?

В качестве иллюстрации вышеуказанным умозаключениям представляется возможным проведение выборочного анализа показателей официальной статистики, демонстрирующих количественные показатели «реализации» на практике ряда новых составов преступлений в сфере экономической деятельности. Кроме того, нами приведены официальные данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по количеству осужденных лиц за рассматриваемые составы преступлений начиная с 2015 г. и до 1-го полугодия 2018 г.

В 2015 г. в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 170.2 УК РФ, устанавливающая ответственность за внесение кадастровым инженером заведомо ложных сведений в межевой, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка либо карту-план территории. И только в 2017 г. за совершение данного преступления в целом по Российской Федерации был осужден 1 человек. Соответственно, в 2015–2016 гг. и в первом полугодии 2018 г. фактов осуждения по вступившему в законную силу приговору суда не было. Несмотря на то, что, по нашему мнению, введение вышеуказанной нормы в Уголовный кодекс оправдано и общественная опасность таких деяний сомнений не вызывает, сама законодательная конструкция практически свела на нет возможность ее применения. Поскольку состав преступления имеет материальную конструкцию, момент окончания преступного деяния неразрывно связан с причинением крупного ущерба гражданам, организациям или государству. И изначально ставится под сомнение наличие прямой причинно-следственной связи между преступными деяниями кадастрового инженера и наступившими последствиями. Представляется более верным, что данный состав должен иметь формальную конструкцию.

Следующий пример – это ст. 178 УК РФ – монополистические действия и ограничение конкуренции. Начиная с 2015 г. по 1-е полугодие 2018 г. по этой статье не было осуждено (оправдано) ни одного человека. Уникальность данной нормы состоит в том, что, существуя в Уголовном кодексе изначально, она начиная с 2009 г. дважды была изложена в новых редакциях. Несмотря на это показатели ее применения по-прежнему остаются нулевыми. Можно снова пенять на недостатки законодательной конструкции, а может, все-таки быть более здравомыслящими и признать необходимость декриминализации данного состава преступления и ограничиться более активным применением норм об административной ответственности?

В 2009 г. в главу 22 УК РФ были введены ст.ст. 185.1–185.5. Появление новых статей в уголовном законе было обосновано стремлением наведения порядка в сфере оборота ценных бумаг и защиты прав их законных владельцев, а также более широкого круга лиц, в том числе государства. Федеральный закон о введении в УК РФ указанных составов преступлений получил название «антирейдерский», так как его принятие имело основной целью воспрепятствование рейдерским захватам на более ранних их стадиях. Официальные статистические данные демонстрируют следующую картину. По пяти статьям из шести начиная с 2015 г. и по настоящее время судами не было рассмотрено ни одного уголовного дела. Только по ст. 185.5, устанавливающей ответственность за фальсификацию решения общего собрания акционеров или решения совета директоров хозяйственного общества, за последние три с половиной года судами рассмотрены уголовные дела в отношении менее чем 20 лиц по основному и дополнительному составам данного преступления. Причем подавляющая часть уголовных дел была прекращена в процессе рассмотрения в суде. Следует отметить, что причины такой низкой эффективности «антирейдерского пакета» носят как объективный, так и субъективный характер. Правоохранительные органы не готовы к расследованию и рассмотрению подобных уголовных дел, поскольку требуется узкая квалификация правоприменителей, а также большой временной ресурс. Кроме того, количество недружественных захватов предприятий заметно снизилось на фоне общего экономического кризиса. Но и диспозиции этих составов преступлений, а также санкции по ним далеки от совершенства.

Огромный имущественный ущерб, который трудно сопоставить с какими-либо другими преступлениями, влекут манипулирования на рынке ценных бумаг, уголовная ответственность за которые предусмотрена в ст. 185.3 Уголовного кодекса РФ. Значительные успехи в области уголовно-правовой охраны достигнуты в ряде зарубежных стран, о чем можно судить из средств массовой информации и по громким уголовным делам, закончившимся вынесением суровых приговоров. В нашей стране ситуация принципиально иная. Начиная с 2010 г., исходя из официальных статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде России, нет информации об осужденных (оправданных) лицах по данной статье. В электронной базе дан-

ных государственной автоматизированной системы «Правосудие» такие сведения также отсутствуют. И даже несмотря на то, что с 2010 г. Банком России регулярно фиксируются факты манипулирования рынком, которые публикуются на его официальном сайте, количество возбужденных уголовных дел по данной статье ничтожно мало. Все возбужденные уголовные дела прекращаются еще на стадии предварительного следствия. В 2013 г. Басманным районным судом города Москвы впервые был осужден за манипулирование стоимостью акций ОАО «Финкоминвест» Олег Кузнецов и приговорен к 3 годам лишения свободы и штрафу 200 тыс. рублей. Его действия были квалифицированы не по ст. 185.3 УК РФ, а по ч. 3 ст. 33, ч. 4 ст. 159 УК РФ [1]. Для сравнения в США в 2010 г. следователи ФБР в ходе одной только операции под названием «Подорванное доверие» предъявили обвинения более чем 500 участникам рынка ценных бумаг за искусственное повышение цен на акции и проведение валютных махинаций. Сумма выявленного ущерба составила 8,3 млрд долларов США. В июле 2009 г. был вынесен, пожалуй, самый шумевший приговор американскому 71-летнему финансисту Бернарду Мэдоффу за манипуляции на рынке ценных бумаг и отмывание денег. Это дело нарекли «аферой века». Доказанный ущерб составил более 50 млрд долларов США, а приговор бизнесмену – 150 лет тюремного заключения с конфискацией имущества на сумму 170 млрд долларов США. При аналогичных обстоятельствах в нашей стране Бернард Мэдофф, будучи осужденным по ст. 185.3 УК РФ, мог быть наказан штрафом в размере до 1 млн рублей или лишением свободы сроком до 7 лет.

В 2016 г. в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 200.3, установившая ответственность за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости. С момента принятия данной нормы судами пока также не было рассмотрено ни одного уголовного дела по данной статье, что отчасти можно объяснить длительными сроками расследования и судебного разбирательства по данной категории дел. Уголовная ответственность предусмотрена за незаконное привлечение денежных средств граждан в долевом строительстве в крупном размере, т.е. в сумме, превышающей 3 млн рублей, и в особо крупном размере – более 5 млн рублей. Примечание к данной статье предусматривает специальное основание для освобождения лица от уголовной ответственности, если сумма привлеченных денежных средств возмещена в полном объеме и (или) если указанным лицом приняты меры, в результате которых многоквартирный дом введен в эксплуатацию. С одной стороны, данная норма призвана прежде всего стимулировать поведение недобросовестных застройщиков и каким-то образом разрядить проблемы обманутых дольщиков. С другой стороны, возникают проблемы в разграничении этого состава преступления с мошенничеством, а учитывая, что санкции по этой статье в разы меньше, чем по составам мошенничества, такой подход создает мошенникам лазейку для избежания справедливого наказания. Рассматриваемая норма, исходя из ее законодательной

конструкции, таит в себе еще одну опасность. Формально под действие статьи подпадают любые нарушения законодательства о долевом строительстве жилья, допущенные при приеме денежных средств от граждан, начиная от отсутствия разрешения на строительство, заканчивая непредоставлением гражданину полной и достоверной информации об объекте строительства, причем даже в отношении всего одной сделки на сумму, превышающую 3 млн рублей. Такая конструкция нормы может привести, если уже не привела, к ошибкам и злоупотреблениям в деятельности правоохранительных органов, оказанию излишнего давления на бизнес. Поэтому нулевые статистические показатели осужденных лиц по данной статье невольно вызывают противоречивые чувства.

Подобная проблема кроется и в ст. 172.2 УК РФ – организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере. Эта норма была введена в действие в том же 2016 г. и предусматривает уголовную ответственность за создание так называемых «финансовых пирамид». До принятия данной нормы действия виновных лиц квалифицировались по статьям о мошенничестве, и виновные лица имели все шансы быть подвергнутыми наказанию в виде реального лишения свободы до 10 лет. Санкции ст. 172.2 УК РФ значительно ниже и предусматривают за ква-

лифицированный состав штраф 1,5 млн рублей либо 6 лет лишения свободы. Либерализация уголовной ответственности за создание финансовых пирамид очевидна, но оправдана ли?

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что объявленный несколько лет назад курс на либерализацию уголовной ответственности за экономические преступления, во-первых, характеризуется активной законотворческой деятельностью, во-вторых, что вполне закономерно, приводит к усложнению применения новых уголовно-правовых норм и возникновению правовых коллизий. На наш взгляд, не стоит переоценивать либерализацию как один из способов формирования здоровой предпринимательской среды и развития экономики в целом. Либерализация уголовного законодательства в сфере противодействия экономическим преступлениям на состояние макроэкономических показателей в стране практически не влияет. Уровень профессионализма у сотрудников, занимающихся судебной-следственной практикой по делам о преступлениях в сфере экономики, за последние годы не претерпел ощутимых изменений. Таким образом, приоритетным направлением в процессе изменения уголовного законодательства в области экономических преступлений видится повышение качества принимаемых норм и профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приговор Басманного районного суда города Москвы от 12 августа 2013 г. по делу № 1-193/2013. URL: <https://basmany--msk.sudrf.ru/> (дата обращения: 12.12.2018).

On Liberalization of Criminal Liability for Crimes in the Sphere of Economic Activity

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 48–51. DOI: 10.17223/23088451/13/9

Maksim I. Oreshkin, “Optimum” Bar Council of Irkutsk Oblast (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: morebaik@yandex.ru.

Mikhail A. Suturin, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: mialsu@yandex.ru.

Keywords: economic crimes, liberalization of criminal liability, economic crime.

The focuses on the problems associated with a number of changes in the provisions of the criminal law governing criminal acts in the sphere of economic activity. The authors describe recent amendments in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation and emphasize a number of positive changes, as well as their social significance for the protection of business from criminal offenses and excessive criminal repression of prosecution. However, the statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of Russia and analysis of the articles of the Criminal Code has shown low effectiveness of certain norms in the field of economic crimes that have recently been introduced into the Criminal Code of the Russian Federation. The courts have not issued a single sentence for individual elements of the crimes since their inclusion in the Criminal Code of the Russian Federation, which becomes more evident against the increasing (de facto) spread of these acts in Russia and testifies the problems of current legislative structures and the need for their correction. The reasons for the low effectiveness of law enforcement are caused by insufficient substantiation and elaboration of the regulatory framework in this area of public relations. Moreover, there is an acute shortage of qualified specialists for the investigation of this category of criminal cases. The authors make propositions on how to improve the current criminal law. Based on the statistical data and law enforcement practices, the authors conclude about formally confirmed absence of convictions under articles of the Chapter under study to suggest the ways to optimize both the law-making process and law enforcement practice.

References

1. The Basmany District Court of Moscow. (2013) *Prigovor Basmannogo rayonnogo suda goroda Moskvy ot 12avgusta 2013 g. po delu N 1-193/2013* [The verdict of the Basmany District Court of Moscow of August 12, 2013, Case No. 1-193/2013]. [Online] Available from: <https://basmany--msk.sudrf.ru/>. (Accessed: 12.12.2018).

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.13

DOI: 10.17223/23088451/13/10

Я.Д. Адамчик, А.Г. Тузов

ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА РЕШЕНИЯМИ ОБ ОТКАЗЕ
В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Рассматривается место судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Проблематика установления пределов судебного контроля раскрывается на примере решений об отказе в возбуждении уголовного дела с учетом позиций высших судебных органов. Авторы анализируют судебную практику, предлагают вариант совершенствования регулирования для увеличения эффективности защиты прав участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *судебный контроль, отказ в возбуждении уголовного дела, пределы судебного контроля, обжалование решений об отказе в возбуждении уголовного дела.*

Гарантия судебной защиты прав и свобод человека и гражданина и право обжалования в суде решений и действий (бездействия) публичных субъектов закреплены в ст. 46 Конституции РФ и воплощены в ст. 125 УПК РФ, регламентирующей судебный контроль на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Данный уголовно-процессуальный институт призван стать инструментом оперативного реагирования на нарушения конституционных прав, свобод и законных интересов лиц в инициативном порядке, т.е. посредством обращения с жалобой в суд на непосредственно затрагивающие интересы лица действия и решения.

В основе данного правового института – идея сдержек и противовесов в системе разделения властей, где деятельность публичных участников уголовного процесса характеризуется широкими возможностями применения принуждения, ограничения прав и свобод в ходе уголовного судопроизводства [1, с. 16; 2, с. 10]. Серьезность последствий и риск злоупотреблений объясняют потребность в установлении баланса через правовосстановительный эффект обжалования конкретных решений, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам личности или затруднить доступ к правосудию. Такая формулировка признаков обжалуемых решений и действий через оценочные понятия свидетельствует об отсутствии исчерпывающего перечня актов, которые могут стать предметом обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ, и ориентирует на анализ сущностных характеристик решений как единственный способ поддержания приоритета законных интересов личности и предотвращения ущемления в правах властным решением [3, с. 555].

Конституционно-правовой характер вопросов, которые ставятся перед судом в рамках судебного контроля, предопределяет его предмет, назначение, круг реализуемых норм права, метод регулирования, что позволяет противопоставить данную форму деятельности суда рассмотрению уголовного дела по существу [4, с. 120]. В связи с особым характером реализации судебной власти при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ Н.А. Колоколов называет судебный контроль одной из форм управления уголовным судопроизводством и признает его функциональную при-

надлежность к деятельности по осуществлению правосудия [5, с. 598–599]. П.А. Лупинская также отмечает, что исключительность судебной власти, процессуальная форма судебного заседания, требования законности, обоснованности и мотивированности решения суда являются признаками правосудия и присущи судебному контролю, а значит деятельность суда и на данной стадии уголовного процесса должна соответствовать высокому авторитету судебной власти [3, с. 557]. Л.Ф. Мартыняхин, напротив, говорит об осуществлении в рамках судебного контроля конституционной функции судебной власти, являющейся не правосудием, а разрешением правового спора о защите прав и свобод от их нарушения публичными органами, осуществляющими уголовное производство [6, с. 43–44]. В.В. Кальницкий вовсе отрицает принадлежность судебного контроля к правосудию, так как наличие у контрольной деятельности развитой процессуальной формы как признака правосудия вызывает сомнения ввиду недостатка нормативной регламентации порядка судебного заседания в досудебном производстве по жалобе на действия и решения [7, с. 132]. Несмотря на продолжающиеся научные споры о месте судебного контроля в уголовно-процессуальном праве, все исследователи стоят на позиции необходимости существования данного института [8, с. 83].

Приведение механизма судебного контроля в действие неизбежно влечет рассмотрение вопроса о его пределах, сложность которого обусловлена необходимостью учитывать цель обжалования в порядке судебного контроля, функциональные полномочия суда в рамках данной формы деятельности и гносеологические свойства анализа предмета обжалования. В ч. 3 ст. 125 УПК РФ законодатель установил границы судебного контроля с опорой на две категории: законность и обоснованность. Если определение сущности требования законности не вызывает затруднений и выражается в соблюдении нормативных процедур и процессуальной формы, то вопрос смыслового наполнения понятия «обоснованность» в данном контексте является дискуссионным как в теории, так и на практике.

Столь лаконичного обозначения законодателем одного из ключевых аспектов деятельности суда на этапе проверки решений и действий органов предварительного расследования недостаточно для четкого понимания объемов контрольного производства по жалобам [5, с. 595]. Недостаток правовой регламентации и детализации производства на уровне закона традиционно требует уточнения со стороны высших органов судебной власти, а также провоцирует возникновение различных взглядов на проблему среди исследователей.

Классическим подходом к установлению пределов судебного контроля за действиями и решениями на досудебной стадии уголовного процесса признано разъяснение, данное Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 10 февраля 2009 г. № 1 (далее – Постановление № 1) [9]. Согласно позиции Верховного Суда РФ судья не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела, что запрещает суду делать выводы о фактах, оценивать доказательства и квалифицировать деяния. Такие частные проявления результатов проверки судом иллюстрируют границу, отделяющую контроль соблюдения процедуры принятия актов – законности и формальной обоснованности, от мотивированности, фактической обоснованности соответствующего решения.

Однако Н.Н. Ковтун однозначно утверждает, что пределы судебного познания включают проверку соблюдения системы норм и оценку фактической обоснованности решения или действия, так как «именно фактические данные (доказательства) составляют фактические основания процесса» [10, с. 614]. О.А. Максимов акцентирует внимание на противоречии между требованиями законности, обоснованности и мотивированности судебного решения и необходимостью суда воздерживаться от предрешения вопросов судебного разбирательства по существу уголовного дела. Пределы исследования материалов дела должны определяться разрешающим жалобу субъектом, который ограничен не набором формальных требований к проверке, а критерием непредрешенности последующих решений по делу [11, с. 312–314].

Формирование взглядов на пределы судебного контроля ориентировано на установление пределов исследования обжалуемого решения или действия судом, которые коррелируют самой природе контрольной деятельности суда на досудебных стадиях. Пределы как количественная сторона анализа обстоятельств по делу должны отвечать конституционно-правовой направленности обжалования, масштабу тех последствий, которые могут наступить при принятии незаконного и необоснованного процессуального акта. Индивидуализация пределов контроля в отношении определенного вида решений опирается на существо потенциальных последствий его принятия, подчиняется специальной нормативной регламентации обжалуемого акта и соответствует объективно требуемой содержательной достаточности – обоснованности.

В рамках проведенного исследования предметом нашего внимания стало изучение пределов судебного контроля за решениями об отказе в возбуждении уголовного дела.

Отказ в возбуждении уголовного дела является итоговым решением и влечет за собой ограничение доступа к правосудию, важным следствием обеспечения которого является возможность лица запускать механизм правосудия по собственной воле, в том числе инициировать уголовное преследование [12, с. 48]. Как отмечает О.И. Андреева, право граждан на доступ к правосудию можно определить «как право лица на реальное беспрепятственное обращение в суд за защитой и восстановлением прав, нарушенных преступлением либо должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование в ходе уголовного судопроизводства, и за получением необходимой компенсации» [13, с. 747].

В общей логике ограничения пределов судебного контроля в Постановлении № 1 сформулированы критерии законности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела для правоприменителя: 1) соблюдение порядка рассматривания сообщения о совершенном или готовящемся преступлении (ст.ст. 20, 144, 145 и 151 УПК РФ); 2) принятие решения уполномоченным должностным лицом; 3) наличие законных оснований; 4) соблюдение требований ст. 148 УПК РФ при вынесении решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Особое внимание ученых-процессуалистов привлекает вопрос проверки судом формальной обоснованности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отрыве от оценки фактической обоснованности на практике. А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский отмечают, что оценка влияния тех или иных обстоятельств на решение об отказе в возбуждении уголовного дела невозможна, если не затрагивать вопрос доказанности фактических обстоятельств, т.е. вопрос их существования [14, с. 334]. Авторы допускают оценку судом степени доказанности обстоятельств дела, которая предусмотрена законом для принятия решения.

Н.А. Колоколов ставит под сомнение вспомогательное назначение судебного контроля по отношению к правосудию, так как выполнение задачи придания юридической силы доказательствам без их оценки в рамках функции контроля не представляется возможным. Сделать вывод о законности решения об отказе в возбуждении уголовного дела, не исследуя по существу фактические обстоятельства дела, на которых оно основано, нельзя [15, с. 46–47].

Вышеуказанные ученые констатируют наличие необходимости у суда включать в пределы контроля принятых на досудебной стадии решений фактическую обоснованность выводов органов предварительного расследования, чтобы не сужать судебный контроль до формальной проверки процедуры вынесения конкретного постановления.

В свою очередь, М.М. Сеидов, анализируя положения Постановления № 1, обращает внимание на то, что суд не вправе оценивать обоснованность принятого решения, так как данная деятельность противоречит идее о том, что суд выступает в качестве органа правосудия только на стадии судебного производства, следовательно, на этапе судебного контроля не может рассматривать дело по существу и анализировать обоснованность и мотивированность постановления. Такая

возможность предоставлена субъектам прокурорского надзора и ведомственного контроля на основании разграничения процессуальных функций, положительный результат осуществления которых не представляется абсолютным [16, с. 99].

Дискуссионность вопроса пределов рассмотрения жалоб на отказ в возбуждении уголовного дела, споры о фактической и формальной обоснованности рассматриваемого решения явно демонстрируют, что имеется потребность в стабилизации правоприменения и разработке единого подхода, отвечающего целям судебного контроля.

Конституционный Суд РФ в Определении от 29 января 2019 г. № 14-О высказывает позицию, которая принципиально противоречит изложенному Верховным Судом РФ относительно пределов судебного контроля при обжаловании постановления об отказе в возбуждении уголовного дела: «Рассматривая жалобу по правилам статьи 125 УПК Российской Федерации, суд не должен, во избежание искажения сути правосудия, ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от оценки наличия или отсутствия законного повода и основания для возбуждения уголовного дела, фактической обоснованности обжалуемых действий (бездействия) и решений» [17]. Возможность оценки фактической обоснованности, расширение пределов проверки соответствуют интересам заявителя, так как не ставят его право на доступ к правосудию в зависимость от позиции органов предварительного расследования, которая может быть безупречной с точки зрения формальной обоснованности принятого процессуального решения.

Таким образом, мы видим, что существуют две тенденции в установлении пределов проверки решений об отказе в возбуждении уголовного дела – узкий и широкий подход к пределам судебно-контрольной деятельности. Для определения, какой из указанных подходов применяется в судебной практике, нами были изучены материалы дел по жалобам на отказ в возбуждении уголовных дел в порядке ст. 125 УПК РФ в Василеостровском районном суде Санкт-Петербурга за период с 2014 по 2018 г.

Из рассмотренных 62 дел Василеостровским районным судом Санкт-Петербурга за вышеуказанный период принято только 2 (3,2%¹) постановления, которые содержат решения об удовлетворении жалоб на постановления об отказе в возбуждении уголовных дел; 1 (1,6%) постановление об отказе в удовлетворении жалобы. 45 (72,8%) постановлений прекращают производство по жалобе заявителя по причине отсутствия основания проверки; 43 (69,4%) из вышеуказанных решений связано с отсутствием предмета судебного контроля, так как к моменту судебного заседания обжалуемое решение отменено постановлением прокурора; 2 (3,2%) постановления суда указывают на прекращение производства по жалобе по причине отзыва жалобы самим заявителем. Из 62 постановлений 13 (21%) в резолютивной части содержат решение суда о воз-

вращении жалобы заявителю для устранения недостатков, препятствующих ее рассмотрению; 1 (1,6%) жалоба направлена по подсудности в другой районный суд.

Целям нашего исследования отвечали только 3 (4,8%) дела по жалобам на отказ в возбуждении уголовных дел, так как они были рассмотрены судом по существу.

По жалобе на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, поданной гражданкой Т. в порядке ст. 125 УПК РФ, Василеостровским районным судом было принято положительное для заявителя решение – постановление суда об удовлетворении жалобы. Заявитель в жалобе на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела указывает на то, что по материалу проверки сообщения о преступлении ранее дважды выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которые отменялись прокурором ввиду неполноты проверки. В отношении обжалуемого постановления об отказе в возбуждении уголовного дела дополнительная проверка не проводилась, а имитировалась. Также в качестве фактического основания отказа в возбуждении уголовного дела было указано на отсутствие подтверждения угроз и вымогательства, однако предметом проверки по заявлению потерпевшей должен был стать факт мошенничества. По данным Постановления Василеостровского районного суда от 27 октября 2016 г. по делу № 3/10-128/16 суд в мотивировочной части своего решения обосновал удовлетворение жалобы заявителя следующими доводами: из материалов дела следует, что дознаватель указал на отсутствие в ходе дополнительной проверки подтвержденных сведений о факте угроз и вымогательства в отношении потерпевшей, которая в требовании о привлечении к уголовной ответственности лиц указывает на признаки мошенничества; также суд отмечает, что обжалуемое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела полностью дублирует ранее отмененное постановление, что свидетельствует об игнорировании со стороны дознавателя требования о проведении дополнительной проверки, что также следует из представленных материалов проверки. В данном случае речь не идет об оценке судом выводов относительно установления обстоятельств, послуживших причиной обращения с заявлением о преступлении, суд не оценивал наличие или отсутствие законного основания для возбуждения уголовного дела, формальную или фактическую обоснованность обжалуемого решения, так как предмет проверки в постановлении дознавателя подменен и не соответствует поданному заявлению о преступлении.

По результатам рассмотрения жалобы на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела гражданина С. по делу № 3/10-55/17 суд пришел к выводу о преждевременности вынесения решения, его незаконности и необоснованности. По мнению суда, из материалов проверки следует, что указания прокуратуры Василеостровского района Санкт-Петербурга, которые отражены в постановлении об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, не были выполнены. Стоит отметить, что помощник прокурора в ходе судебного заседания поддержал жалобу заявителя.

¹ Процентное соотношение количества постановлений суда указанной категории от общего числа изученных постановлений суда.

Жалоба заявителя рассмотрена судом путем сопоставления имеющихся материалов проверки и указаний прокурора о проведении дополнительных проверочных мероприятий, что не подразумевает оценки по существу самого обоснования отказа в возбуждении уголовного дела.

Василеостровский районный суд 29 августа 2018 г. по делу № 3/10-108/18 отказал заявителю З. в удовлетворении жалобы на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица – гражданина С. Обосновывая свое решение, суд ссылается на невозможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ лица, не обладающего признаками специального субъекта, отсутствие которых подтверждается материалами доследственной проверки. И дознаватель в обжалуемом постановлении, и суд при вынесении решения по жалобе отмечают, что невозможность привлечения к уголовной ответственности обусловлена тем, что должником по исполнительному производству является физическое лицо, что следует из решения по гражданскому делу и является обоснованием для отказа в возбуждении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Проверка жалобы была проведена судом в пределах формальной обоснованности отказа в возбуждении уголовного дела, так как суд не проверял достаточность доказательственного материала, который свидетельствовал об отсутствии признаков преступления и послужил фактическим основанием отказа.

Чрезвычайно низкий показатель рассмотренных по существу дел по жалобам на отказ в возбуждении уголовного дела не позволяет однозначно определить, какой подход к пределам проверки в порядке ст. 125 УПК РФ применяется в части контроля обоснованности обжалуемых решений. Подавляющее большинство жалоб не анализируется судом, а значит не оцениваются и обжалуемые отказы в возбуждении уголовных дел, так как решения отменяются постановлением прокурора до этапа проверки по существу. Также протоколы судебных заседаний содержат сведения об отложении рассмотрения жалобы по причине того, что запрошенные копии материалов проверки своевременно не предоставлены в суд. Данный факт, безусловно, затягивает сроки рассмотрения жалоб, дает возможность для вынесения иных процессуальных решений в период между судебными заседаниями, что исключает переход к оценке законности и обоснованности отказа судом.

Отметим, что анализ практики рассмотрения жалоб на постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ в отдельно взятом суде демонстрирует общую проблему реализации судебного контроля в России. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ во всех судах общей юрисдикции в период с 2014 по 2018 г. показатель удовлетворенных жалоб на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное производство в порядке ст. 125 УПК РФ, не превысил 6,8% (2014) от общего числа жалоб, по которым было начато производство. Не более чем по 28% (2014) жалоб принято решение об отказе в удовлетворении; в остальных случаях производство прекращено, жалоба отозвана, возвращена или

передана по подсудности¹, что составляет от 65,2 до 76,8% в год от общего числа жалоб [18–22].

Отсюда следует и проблема выработки практики рассмотрения жалоб на постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Определение Конституционного Суда РФ предлагает новый подход к установлению пределов судебного контроля, но сложно утверждать, что он является результатом развития судебного контроля, его видоизменения под влиянием потребностей правоприменительной практики и выработки модели взаимодействия между органами, наделенными различными функциями в рамках уголовного процесса. Для того, чтобы решать вопрос о допущении или запрете рассмотрения судом фактической обоснованности обжалуемых постановлений, необходимо перейти к тому этапу рассмотрения жалобы, на котором суд осуществляет проверку законности и обоснованности. Это станет возможным только тогда, когда судебный контроль за решениями публичных субъектов на досудебной стадии уголовного производства будет действительно работать для реальной проверки жалоб заявителей в предусмотренном законом порядке. Запуск механизма обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в виде поступления жалобы в районный суд не может представлять собой сигнал для отмены обжалуемого постановления прокурорами.

Нам представляется, что нормативное реформирование должно четко соответствовать той цели, которую оно перед собой ставит, а именно – сделать судебный контроль по жалобам на решения, действия (бездействие) должностных лиц в уголовном судопроизводстве эффективным, реализуемым, фактически доступным средством защиты прав и интересов личности. Недостаточно провозгласить возможность обратиться в суд с жалобой на решение уполномоченного должностного лица, важно нормативными методами устранить те преграды, которые на данный момент не позволяют заявителю запустить по собственной инициативе механизм судебного контроля в полной мере, получить судебную защиту нарушенных прав.

Тот факт, что прокурор, по сути, нивелирует судебный контроль, заставляет задуматься о корректировке его роли в правоотношениях, возникающих при обжаловании отказа в возбуждении уголовного дела. Прежде всего это касается отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в порядке ст. 124 УПК РФ в момент, когда содержательно аналогичная жалоба заявителя направляется в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. Подобная практика отмены прокурором постановлений по жалобам на незаконность и необоснованность отказов в возбуждении уголовного дела до того, как их признает таковыми суд, может быть устранена путем наделения суда правом признавать отмененными обжалуемые акты независимо от того, было ли конкретное решение отменено прокурором в порядке ст. 124 УПК РФ после принятия судом жалобы к производству. Такая модель не лишена недостатков. В рамках одного дела мы будем иметь два процессуальных решения, отменяющих одно постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Но следует учесть, что подобные решения

¹ В сводных статистических сведениях данные показатели объединены.

не будут взаимоисключающими. И постановление прокурора, и постановление суда будут вынесены в отношении одного и того же предмета обжалования, и в силу предоставленных законом полномочий основное различие будет заключаться в том, что постановление прокурора об отмене решения содержит либо конкретные указания по устранению допущенных нарушений, либо конкретные обстоятельства, подлежащие дополнительной проверке в соответствии с ч. 6 ст. 148 УПК РФ. Таким образом, коллизия может возникнуть при поступлении постановлений об отмене отказа в возбуждении уголовного дела для исполнения руководителю следственного органа или начальнику органа дознания. Разрешить подобную ситуацию может только однозначное указание на то, подлежат ли обязательному принятию конкретизированные меры по устранению нарушений для вынесения законного и обоснованного постановления, предписываемые прокурором в соответствующем акте.

Отсутствие логически безупречного ответа на вопрос, что отменяет суд при условии, что обжалуемое решение уже не имеет юридической силы, представляется не столь существенным недостатком в сопоставлении со значением эффективного применения судебного контроля по жалобам на отказы в возбуждении уголовного дела, а значит и в сопоставлении с обеспечением реализации ключевых конституционных прав – права на доступ к правосудию и гарантии судебной защиты прав и свобод. Если суд усматривает в обжалуемом решении незаконность и необоснованность его принятия, он должен вынести соответствующее постановление, отреагировать на неудовлетворительную работу правоохранительных органов и в пределах рассмотрения жалобы на отказ в возбуждении уголовного дела оценить законность и обоснованность процессуального акта. Практика применения предоставленных суду полномочий по проверке отказов в возбуждении уголовного дела впоследствии создаст базис для определения пределов оценки обоснованности, поможет обнаружить достоинства и недостатки как узкого подхода – анализа формальной обоснованности отказа в

возбуждении уголовного дела, так и широкого подхода – анализа фактической обоснованности.

Следующим аспектом преобразования механизма обжалования решений является совершенствование организации деятельности правоохранительных органов. В данном случае мы должны говорить об изменении подхода к уголовно-процессуальной деятельности как на этапе состоявшейся отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, так и на момент, когда потенциально обжалуемый акт еще не принят. Отметим, что речь идет о той сфере выполнения уголовно-процессуальных функций уполномоченными лицами, которая не подчинена УПК РФ непосредственно и простирается далеко за те понятия, которые может охватить закон.

Складывается впечатление, что описанное препятствие заявителю в эффективном использовании обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ обусловлено тем, что публичные субъекты ориентированы на работу для создания определенных статистических показателей [23, с. 92]. До тех пор, пока качество работы не будет выражено содержательно, а не количественно, и персональная ответственность за принятие решений и выполнение указаний не будет усилена до реального влияния на допущение к уголовно-процессуальной деятельности конкретного должностного лица, бессмысленно ожидать результативного судебного контроля. Отсутствие сильного внутриведомственного контроля за выполнением должностными лицами своих обязанностей влечет неоднократное принятие идентичных отказов в возбуждении уголовного дела, игнорирование указаний по устранению допущенных нарушений. Стимулирование выполнения функций правоохранительными органами с прицелом на качество, содержательную ценность принятых решений – это ступень, предшествующая эффективному судебному контролю, который должен не только быть в интересах заявителя, но и восприниматься публичными субъектами уголовного процесса как нормальная форма производства по делу, а не нежелательная и избегаемая посредством властных полномочий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солодилов А.В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России. Томск : Изд-во Том. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2000. 296 с.
2. Андреева О.И. Проблемы определения типа и методов правового регулирования деятельности государственных органов и должностных лиц, а также личности в уголовном процессе // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства : материалы науч.-практ. конф. (Томск, ТГУ, 29–31 января 2004 г.) / под ред. М.К. Свиридова. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. С. 5–11.
3. Лушинская П.А. Избранные труды / сост. Т.Ю. Вилкова, М.И. Воронин ; отв. ред. Л.А. Воскобитова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. 608 с.
4. Свиридов М.К. Природа судебного контроля за предварительным расследованием // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 119–123.
5. Колоколов Н.А. Сущность судебного контроля // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрайт, 2014. С. 594–610 (Актуальные проблемы теории и практики).
6. Мартыняхин Л.Ф. О процессуальных функциях судебной власти и судов, ее осуществляющих // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства : материалы науч.-практ. конф. (Томск, ТГУ, 29–31 января 2004 г.) / под ред. М.К. Свиридова. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. С. 40–44.
7. Кальницкий В.В. Судебное заседание как процессуальная форма деятельности суда в досудебном производстве по уголовному делу // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства : материалы науч.-практ. конф. (Томск, ТГУ, 29–31 января 2004 г.) / под ред. М.К. Свиридова. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. С. 131–137.

8. Трубникова Т.В. Судебный контроль на досудебных стадиях судопроизводства: правовая природа и место в системе уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 279. С. 81–83.
9. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 29.11.2016) // Рос. газ. 2009. 18 февр. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2019).
10. Ковтун Н.Н. Оперативный судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: реальная гарантия или процессуальная фикция // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрайт, 2014. С. 610–640 (Актуальные проблемы теории и практики).
11. Максимов О.А. Принятие на досудебных стадиях решения по ходатайству и жалобе лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д.ю.н., профессора Полины Абрамовны Лупинской : сб. науч. трудов. М. : Элит, 2011. С. 305–314.
12. Смирнов А.В. Конституционный уголовный процесс // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств : сб. статей по материалам всерос. науч.-практ. конф.: 22 марта 2013 г. / сост. К.Б. Калиновский, Т.В. Соколов. СПб. : Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2013. С. 45–54.
13. Андреева О.И. Проблемы процессуального регулирования доступа граждан к правосудию в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы юридической науки : тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. Красноярск : РУМЦ ЮО, 2005. С. 746–751.
14. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. 7-е изд., перераб. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. 752 с.
15. Судебный контроль в уголовном процессе : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И.А. Давыдова, А.В. Ендольцева, Н.Н. Ковтун ; под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2015. 847 с.
16. Сеидов М.М. Принятие решений на стадии возбуждения уголовного дела: нормативное регулирование и правоприменительные аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1 (40). С. 97–103.
17. Определение КС РФ от 29 января 2019 г. № 14-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2019).
18. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2014 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2014/f_N_1_2014.xls (дата обращения: 17.04.2019).
19. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2015 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/F1-ug_pr-vo_1_inst-2015.xls (дата обращения: 17.04.2019).
20. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/F1-svod-2016.xls (дата обращения: 17.04.2019).
21. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/F1-svod-2017.xls (дата обращения: 17.04.2019).
22. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 17.04.2019).
23. Назаров А.Д. Прокурорский надзор в механизме устранения следственных ошибок // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука : сб. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск : Центр социальных и правовых технологий, 2016. С. 89–102.

Limits of Judicial Control of Decisions on Refusal to Initiate a Criminal Case

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 52–58. DOI: 10.17223/23088451/13/10

Yana D. Adamchik, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.tuzov@spbu.ru.

Andrey G. Tuzov, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.tuzov@spbu.ru.

Keywords: judicial control, refusal to initiate a criminal case, limits of judicial control, appeal of decisions to refuse to initiate a criminal case.

The article focuses on judicial control and doctrinal approaches to this criminal procedure institute. The issue of establishing the limits of judicial control is disclosed on the example of decisions to refuse to initiate a criminal case, taking into account the positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation. The analysis of judicial practice determines which of the approaches of the highest judicial bodies is applied in the implementation of judicial control. On the basis of the analysis, the authors propose a way to improve the regulation aimed at increasing the effectiveness of protecting the rights of participants in criminal proceedings. They emphasise the need for change in the organization of law enforcement, which is interrelated with the implementation of criminal procedure functions.

References

1. Solodilov, A.V. (2000) *Sudebnyy kontrol' v sisteme ugovornogo protsesssa Rossii* [Judicial control in the system of the criminal process in Russia]. Tomsk: Tomsk University of Control Systems and Radio Electronics.
2. Andreeva, O.I. (2004) Problemy opredeleniya tipa i metodov pravovogo regulirovaniya deyatelnosti gosudarstvennykh organov i dolzhnostnykh lits, a takzhe lichnosti v ugovornom protsesse [Problems of determining the type and methods of legal regulation of the activities of state bodies, officials, and individuals in criminal proceedings]. In: Sviridov, M.K. (ed.) *Problemy teorii i praktiki ugovornogo protsesssa, prokurorskogo nadzora i pravookhranitel'noy deyatelnosti v svete novogo rossiyskogo zakonodatel'stva* [Problems of the theory and practice of criminal proceedings, prosecution supervision and law enforcement in light of the new Russian legislation]. Tomsk: NTL.

3. Lupinskaya, P.A. (2018) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Norma; INFRA-M.
4. Sviridov, M.K. (2008) Priroda sudebnogo kontrolya za predvaritel'nym rassledovaniem [The nature of judicial control over a preliminary investigation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 311. pp. 119–123.
5. Kolokolov, N.A. (2014) Sushchnost' sudebnogo kontrolya [The essence of judicial control]. In: Kolokolov, N.A. (ed.) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: teoriya i praktika* [Criminal Justice: Theory and Practice]. Moscow: Yurayt.
6. Martynyakhin, L.F. (2004) O protsessual'nykh funktsiyakh sudebnoy vlasti i sudov, ee osushchestvlyayushchikh [On the procedural functions of the judiciary power and the courts]. In: Sviridov, M.K. (ed.) *Problemy teorii i praktiki ugolovnogo protsessa, prokurorskogo nadzora i pravookhranitel'noy deyatel'nosti v svete novogo rossiyskogo zakonodatel'stva* [Problems of the theory and practice of criminal proceedings, prosecution supervision and law enforcement in light of the new Russian legislation]. Tomsk: NTL.
7. Kalnitskiy, V.V. (2004) Sudebnoe zasedanie kak protsessual'naya forma deyatel'nosti suda v dosudebnom proizvodstve po ugolovnomu delu [Court session as a procedural form of court activity in pre-trial criminal proceedings]. In: Sviridov, M.K. (ed.) *Problemy teorii i praktiki ugolovnogo protsessa, prokurorskogo nadzora i pravookhranitel'noy deyatel'nosti v svete novogo rossiyskogo zakonodatel'stva* [Problems of the theory and practice of criminal proceedings, prosecution supervision and law enforcement in light of the new Russian legislation]. Tomsk: NTL.
8. Trubnikova, T.V. (2003) Sudebnyy kontrol' na dosudebnykh stadiyakh sudoproizvodstva: pravovaya priroda i mesto v sisteme ugolovnogo protsessa [Judicial control at the pre-trial stages of legal proceedings: the legal nature and place in the system of the criminal process]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 279. pp. 81–83.
9. The Supreme Court of the Russian Federation. (2009) O praktike rassmotreniya sudami zhalob v poriadke stat'i 125 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii. Postanovlenie Penuma Verkhovnogo Suda RF ot 10 fevralya 2009 № 1 (red. ot 29.11.2016) [On consideration of complaints by the courts in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Resolution No. 1 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 10, 2009 (as amended on November 29, 2016)]. *Rossiyskaya gazeta*. 18th February.
10. Kovtun, N.N. (2014) Operativnyy sudebnyy kontrol' v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: real'naya garantiya ili protsessual'naya fiktsiya [Operational judicial control in criminal proceedings in Russia: a real guarantee or procedural fiction]. In: Kolokolov, N.A. (ed.) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: teoriya i praktika* [Criminal Justice: Theory and Practice]. Moscow: Yurayt.
11. Maksimov, O.A. (2011) Prinyatie na dosudebnykh stadiyakh resheniya po khodataystvu i zhalobe litsa, vovlechnnogo v ugolovnoe sudoproizvodstvo [Making decisions at the pre-trial stage on the petition and complaint of a person involved in criminal proceedings]. In: Maslennikova, L.N. (ed.) *Dokazyvanie i prinyatie resheniy v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve* [Proving and making decisions in modern criminal proceedings]. Moscow: Elit.
12. Smirnov, A.V. (2013) Konstitutsionnyy ugolovnyy protsess [Constitutional Criminal Procedure]. In: Kalinovskiy, K.B. & Sokolov, T.V. (eds) *Vzaimosvyaz' konstitutsionnogo i ugolovnogo sudoproizvodstv* [Interconnection of constitutional and criminal proceedings]. St. Petersburg: Russian Academy of Justice.
13. Andreeva, O.I. (2005) Problemy protsessual'nogo regulirovaniya dostupa grazhdan k pravosudiyu v ugolovnom sudoproizvodstve [Problems of procedural regulation of access of citizens to justice in criminal proceedings]. In: Tarbagaev, A.N. (ed.) *Aktual'nye problemy yuridicheskoy nauki* [Topical problems of jurisprudence]. Krasnoyarsk: RUMTs you.
14. Smirnov, A.V. & Kalinovskiy, K.B. (2019) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Process]. 7th ed. Moscow: Norma; INFRA-M.
15. Davydova, I.A., Endoltseva, A.V. & Kovtun, N.N. (2015) *Sudebnyy kontrol' v ugolovnom protsesse* [Judicial control in criminal proceedings]. 2nd ed. Moscow: YuNITI-DANA.
16. Seidov, M.M. (2017) Decision-making issues while taking a criminal action: regulation and law enforcement aspects. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii – Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest*. 1(40). pp. 97–103. (In Russian).
17. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2019) *Opreделение KS RF от 29 января 2019 г. № 14-О* [Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 29, 2019, No. 14-О]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=570570>. (Accessed: 15.04.2019).
18. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2014) *Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiktsii po rassmotreniyu ugolovnykh del po pervoy instantsii za 12 mesyatsev 2014 goda* [Report on the work of the courts of general jurisdiction for the consideration of criminal cases in the first instance for 2014]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2014/f_N_1_2014.xls. (Accessed: 17.04.2019).
19. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiktsii po rassmotreniyu ugolovnykh del po pervoy instantsii za 12 mesyatsev 2015 goda* [Report on the work of the courts of general jurisdiction for the consideration of criminal cases in the first instance for 2015]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/F1-ug_pr-vo_1_inst-2015.xls. (Accessed: 17.04.2019).
20. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiktsii po rassmotreniyu ugolovnykh del po pervoy instantsii za 12 mesyatsev 2016 goda* [Report on the work of the courts of general jurisdiction for the consideration of criminal cases in the first instance for 2016]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/F1-svod-2016.xls. (Accessed: 17.04.2019).
21. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiktsii po rassmotreniyu ugolovnykh del po pervoy instantsii za 12 mesyatsev 2017 goda* [Report on the work of the courts of general jurisdiction for the consideration of criminal cases in the first instance for 2017]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/F1-svod-2017.xls. (Accessed: 17.04.2019).
22. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2018) *Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiktsii po rassmotreniyu ugolovnykh del po pervoy instantsii za 12 mesyatsev 2018 goda* [Report on the work of the courts of general jurisdiction for the consideration of criminal cases in the first instance for 2018]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls. (Accessed: 17.04.2019).
23. Nazarov, A.D. (2016) Prokurorskiy nadzor v mekhanizme ustraneniya sledstvennykh oshibok [Avoiding investigation mistakes: the role of the public prosecution's supervision]. In: Kirillova, N.P. & Stoyko, N.G. (eds) *Nauchnaya shkola ugolovnogo protsessa i kriminalistiki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta i sovremennaya yuridicheskaya nauka* [Scientific School of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University and Modern Legal Science]. Krasnoyarsk: Tsentr sotsial'nykh i pravovykh tekhnologiy. pp. 89–102.

А.Г. Анисимов, А.И. Цыреторов

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ БУРЯТ

Правовой обычай как источник права имел место в большей или меньшей степени во всех социокультурных системах. Изучение правовых обычаев, выявление закономерностей их возникновения и развития позволят наметить путь возможного совершенствования действующего законодательства, в том числе конструировать новые уголовно-процессуальные нормы. На основе исторического анализа правовых обычаев различных бурятских родов авторами предпринята попытка показать зависимость их содержания от сопутствующих объективных обстоятельств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, обычное право, правовой обычай, отправление правосудия в обычном праве.

Очевидно, что право в самом широком его смысле не возникает в отрыве от общественных процессов. Никакая, даже хорошо продуманная теоретическая система правоотношений не будет эффективной, если будет насаждаться без учета тончайших исторических особенностей, взаимоотношений, нюансов культуры народа и общества в которое такое право интегрировано.

Например, несмотря на то, что Приднестровье в правовом смысле признается странами – членами ООН территорией Республики Молдовы, фактически оно является самостоятельным государством, на территории которого не действуют законы Молдавии. Подобных примеров в мировой практике масса. Из недавних примеров – Донецкая и Луганская народные республики, из застарелых правовых конфликтов – Нагорный Карабах, Сомалиленд, Республика Южная Осетия и др.

Кроме всего прочего, на территории отдельных стран до сих пор существуют анклавов, где фактически не действует официальное право страны, просто потому, что его не принимает население такой территории. В качестве примера анклава можно привести места проживания индейцев в Канаде. Конституционный акт 1982 г. закрепил «признание и подтверждение существующих аборигенных и договорных прав коренных народов Канады» [1, с. 87].

В этой связи попытки понять традиционное правосудие, в первую очередь на территории нашей страны, приобретают особую актуальность, ведь в перспективе способны обеспечить правовую гармонию и национальную безопасность. Наиболее существенной и значимой сферой в традиционном праве видится область уголовных правоотношений в целом и уголовно-процессуальных в частности.

Исследование формирования и развития уголовного судопроизводства является одним из наиболее актуальных направлений в науке уголовно-процессуального права, поскольку позволяет точнее и компетентнее конструировать новые уголовно-процессуальные нормы и отправлять правосудие в указанной сфере по уже действующим. Без понимания природы возникновения и развития уголовно-процессуальных правоотношений немислима и легитимность данных норм.

В такой многонациональной стране, как Российская Федерация, особую значимость приобретает изучение обычного права народов, проживающих на ее территории. Кроме того, изучение именно обычного права от-

дельных народов позволяет проследить генезис общественных отношений на различных исторических этапах, рассмотреть момент имплементации подобных норм в общегосударственные правоотношения.

Несмотря на кажущуюся архаичность, обычаи глубоко укоренены в правосознании любого народа и требуют своего изучения, в том числе с целью повышения регионального правосознания и правовой культуры, укрепления правовых институтов, обеспечения справедливости применения уголовно-процессуальных и уголовно-правовых норм.

Народы Сибири являются ярким примером традиционного правосудия, характерного для любого народа, который находится на стадии перехода от первобытно-общинного строя к государственной организации.

Разумеется, формирование российской государственности не могло состояться одномоментно, поэтому некоторые народы или их части, например буряты, после вхождения в состав российского государства продолжали жить в условиях общинности при сохранении регулирования отдельных общественных отношений собственными обычаями. В первую очередь обычное право распространялось на наиболее значимые отношения, а именно разрешение конфликтов, в том числе уголовных. Характерной чертой таких правоотношений являлось то, что Российская империя официально признавала право народов разрешать уголовно-правовые споры по собственным обычаям, характерным как для конкретного народа, так и для конкретной общины. Такое положение дел было вызвано в первую очередь несформированностью и невозможностью обеспечить правительством Российской империи единообразного исполнения законов на всей ее огромной территории и всем многонациональным народом, а также тщетностью попыток полностью упразднить традиционное право среди отдельных народов. Нередко правосудие осуществлялось по канонам обычного права, даже в том случае, когда центральная власть официально его запрещала. Это объяснимо тем, что любой достаточно развитый народ, проживающий на территории России, имел свое собственное представление о справедливом разрешении преступлений.

Как известно, в дореволюционной России законодательство прямо санкционировало применение обычаев в среде инородцев по широкому кругу вопросов, тем самым придавая им правовой характер. Так, ст. 75 По-

ложения об инородцах [2, с. 531–586] (далее – Положение) устанавливала, что «все кочевые и бродячие Сибирские инородцы за преступления и проступки, менее важные, судятся по их обычаям, и таковые преступления и проступки считаются исковыми».

Другими словами, возбуждение дела, сбор и представление доказательств были обязанностью пострадавшего. Применительно к бурятам указанные дела подлежали разбирательству в родовых управлениях, имевшихся при каждом стойбище или улусе при их численности не менее пятнадцати семейств. Родовое управление как своеобразный орган управления состоял из старосты, замещавшего свою должность согласно обычаям, и одного или двух помощников «из почетных и лучших родовичей» [Там же, с. 534].

Следует сказать, что по преступлениям, представлявшим наибольшую опасность: бунт, убийство с намерением, разбой, насилие, фальшивомонетничество, хищение казенного имущества, а также в случае совершения преступления вне места их кочевья, инородцы подвергались наказанию в порядке и на основании общих законов государства.

Содержание обычаев инородцев (здесь и далее по тексту слово «инородцы» применяется как термин, ис-

пользовавшийся в нормативно-правовой базе дореволюционной России, обозначающий подданных не православного вероисповедания), населявших Сибирь и Дальний Восток России, достаточно полно отражено в Сборнике обычного права сибирских инородцев [3], подготовленном на основе материалов, собранных в 20-х гг. XIX в. по распоряжению правительства и под надзором генерал-губернатора Сибири. Качество и полнота описания обычаев в данном сборнике были обеспечены привлечением к его подготовке самих инородцев.

Обычное право бурят в таком ключе представляет наибольший интерес. Несмотря на то, что буряты считаются единым народом, особенности кочевого образа жизни преимущественно в закрытых родовых общинах оказали влияние на формирование различных в зависимости от конкретного рода и места постоянного проживания укладов жизни, традиций, самобытных языковых форм.

Указанное обстоятельство сказалось и на возникновении у бурят различных форм обычного права при регулировании одних и тех же правоотношений.

В таблице можно достаточно наглядно проследить указанные отличия по таким ключевым составам преступлений и правонарушений, как кража, ссора, драка, оскорбление и невозврат долгов.

Некоторые способы разрешения различных видов преступлений в обычном праве бурят в зависимости от рода

Род \ Вид	Кража	Драка, ссора	Оскорбление	Неуплата по долгам
Верхоленские буряты	Мелкие кражи разрешаются договорным способом между родовичами. Более серьезные преступления передаются на рассмотрение главного тайши и его помощника. Заново проводится полноценное разбирательство с предоставлением каждой стороны доказательств и показаний свидетелей. В случае невозможности однозначного разрешения проводится божба	Разрешение происходит в том же порядке, что и мелкие кражи	Разрешение происходит в том же порядке, что и мелкие кражи	Если факт денежного обязательства доказан (имеется расписка, письмо, либо это подтвердят свидетели или иные документы), то принудительно возвращается только размер долга (без процентов, ялы или штрафа). В случае невозможности платить деньгами, изымаются вещи, скот и т.п. Божба в таком случае исключена
Идинские, тункинские, балаганские, кудинские буряты	Все кражи разрешаются родовыми старшинами. Разбирательство начинается либо с объяснения заявителя, либо с объявления родоначальником, старшиной или простым родовичем открывшегося преступления (прообраз процедуры возбуждения уголовного дела). Если кража мелкая, то родовой шуленга и старшины, собрав несколько человек из лучших родовичей своего рода, устно разрешают дело на месте. В случае крупного дела дополнительно приглашаются 2–3 шуленга и старшины из другого рода, после чего происходит судебное разбирательство с предоставлением доказательств и показаний свидетелей. В итоге дело разрешается по общему согласию судящих.	В случае, если не наступила смерть или не причинен тяжкий вред здоровью, разрешаются родовыми начальниками договорным способом. Процедура напоминает разбирательство по кражам, но носит упрощенный характер. Родовые начальники открыто (без дополнительных формальностей) руководствуются законами Российской империи в случае правового пробела	Разовые оскорбления влекут ответственность только по законам Российской империи. В случае же систематических оскорблений, ссор, раздоров, пьянства, лени в отношении виновного сначала выносятся строгий выговор, после нескольких таких выговоров при сходе народа виновный наказывается лозами (публичные телесные наказания)	Споры по долгам разрешаются родовыми начальниками. Детально регламентированы обязанности, связанные с содержанием престарелых, больных, малолетних сирот, бедных. Долги по обязательным общественным сборам прощаются или не взимаются в случае смерти члена семьи. При этом, в случае если жена уходит от мужа по собственному желанию к своим родителям, то ее отец и мать возвращают за нее калым, уплаченный при свадьбе. Аналогично калым возвращается

Род \ Вид	Кража	Драка, ссора	Оскорбление	Неуплата по долгам
	В случае отсутствия согласия решение принимается путем голосования по большинству голосов			любой добровольно принявшей такую жену стороной
Хоринские буряты	Процедура разрешения мелких краж не регламентируется. Основное внимание уделено краже скота и крупного имущества. Установлен порог кражи – 15 рублей, а также срок, после которого появляются основания для проведения следственных действий – 3 года. Ближайшим начальникам подаются письменные заявки, которые в течение месяца уведомляют об этом родовичей. Далее письменно подаются объявления о пропаже скота. Обыск санкционируется у ближайших начальников, в случае если лицо, у которого собираются провести обыск, отказывает в его проведении, оно признается виновным в краже по поводу которой собирались провести обыск. В случае установления факта кражи помимо возврата краденного также предусматриваются пени и штрафы. Детально регламентируются процедуры, связанные с сохранением чужого найденного имущества, в том числе скота. Предусмотрены механизмы компенсации расходов, понесенных в таком случае	Подробно регламентирована ответственность за драку или ссору между ламами, светскими чиновниками и простолюдинами. Обиженный человека статус ширетуя-ламы, депутата и тому подобного обязан сварить на 3 рубля чаю и, держа в руках мандалу (буддийский атрибут), кланяться потерпевшему, после чего необходимо заплатить штраф 70 рублей, а также понесенные потерпевшим убытки. Чем ниже статус потерпевшего, тем меньшая стоимость чая и штрафа для примирения. Если человека статуса ламы обидит простолюдин, то к штрафам прибавляются еще и телесные наказания	Механизм разрешения и наказание аналогичны драке и ссоре. По совокупности также добавляются различные варианты принудительного переселения нарушителя	В случае неумышленного причинения вреда возмещается 50% такого ущерба, в случае знатного происхождения потерпевшего к возмещению прибавляется штраф в пользу общины. В случае, если до 20-летнего возраста жены со стороны жениха не уплачивается заранее оговоренный калым, то принудительно взыскивается скот. Если нет скота, то способ возмещения выбирают ближайшие начальники. Также предусмотрены механизмы возврата калыма уплатившей стороне в случае неисполнения договоренностей другой стороной (например, невеста отказалась выходить замуж). Детально регламентированы механизмы возмещения вреда и убытков в области семейных отношений. Долговые обязательства необходимо подтвердить распиской и (или) свидетелями. Затем обращаются к старшинам, которые в случае невозможности уплаты по долгам распродают имущество, а деньги возвращают кредиторам. Однако в случае, если имеются еще общественные обязательства, то они имеют приоритет при уплате. Замужней женщине, а также детям, находящимся под опекой отца, ссуды не выдаются без одобрения соответственно мужа или отца. С 1823 г. был установлен фиксированный процент: в год не более 6 копеек. В случае обхода механизма возврата долга и самоуправства чиновнику полагался штраф 10 руб., а простолюдину телесные наказания

Род \ Вид	Кража	Драка, ссора	Оскорбление	Неуплата по долгам
Селенгинские буряты	Основное внимание уделено кражам скота. За кражу скота в случае установления факта предусмотрена яла, а также телесные наказания. В случае повторного нарушения наказание идентично первому разу, в случае третьего факта кражи, помимо стандартного наказания, преступник переселяется в другой улус в том же роде с отдачей под присмотр старшине. После четырехкратного рецидива кражи лица, их совершившие, подлежат переселению в другой отдаленный род	Вводится повышенное наказание за драки и ссоры с людьми, обладающими титулами и званиями. За оскорбление в зависимости от статуса каждой из сторон применяется строго определенное наказание. Как правило, это имущественное возмещение (лошадь с седлом и уздой, трехлетняя лошадь и шесть баранов). В случае причинения вреда здоровью или имущественного ущерба к указанному добавляется также возмещение убытков и расходов, четырехлетний конь, а также телесные наказания	Процедура и наказание аналогично дракам и ссорам. Дополнительная регламентация драки, ссоры и оскорбления, совершенных простыми людьми в состоянии опьянения. В таком случае собираются жители, связываются дебоширы, помещаются под стражу. После вытрезвления выявляется зачинщик, наказание производится по выбору старшин. Если дети оскорбили родителей, собираются ближайшие родственники, почетные родичи, у которых оскорбившие просят прощения. Далее в зависимости от усмотрения родителей коллегиально выбирается наказание. Старшины и родичи следят, чтобы родители не причинили физический вред детям	Должник отвечает всем имуществом перед кредиторами, за исключением священных реликвий, но может добровольно отдать в уплату долга и их. По кредитам установлен лимит: не более 12 копеек с рубля в год. Любые взыскания не должны превышать указанный лимит. Долговые обязательства заверяются только письменно либо свидетельством старшин. Долговые обязательства взыскиваются в объеме, не превышающем суммы долга, включая кредиты. В случае, если подтвердить факт долга невозможно, считается, что долговых обязательств нет. Детально регламентированы порядок наследования и вытекающие из этого имущественные обязательства

С учетом приведенных выше примеров уместно сделать несколько выводов. Во-первых, несмотря на то, что буряты считаются единым народом, правовые обычаи в их среде имели достаточно серьезные отличия.

Думается, что указанные отличия обусловлены преимущественно четырьмя факторами:

1) степенью интеграции отдельной общины в общественные отношения в Российской империи в целом;

2) характером и степенью существовавших экономических взаимоотношений как среди бурят внутри общины, так и вне;

3) особенностями исповедуемых религий каждого отдельно взятого рода (языческие верования, буддизм, существование сородичей, принявших христианство, и т.п.);

4) влиянием иных народов, проживающих рядом.

Во-вторых, анализ обычного права бурят показывает отсутствие в нем разграничения между преступлениями и иными правонарушениями. Каких-либо существенных отличий между порядком рассмотрения споров, возникающих в частной сфере, и порядком рассмотрения правонарушений не имелось. Наряду с этим в обычном праве бурят мы можем встретить различного рода привилегии для чиновников, «лам большого достоинства» и старшин, что является закономерным следствием патриархально-феодалного уклада жизни инородцев. Например, согласно обычаям бурят Селенгинского ведомства, в случае если у лица было украдено какое-либо имущество, пострадавший с письменного позволения старшины приступал к обыску. При этом вышеобозначенные категории лиц обыскивать не дозволялось.

В случае, если старосты с почетными людьми не могли принять решение по иску, примирить стороны, иск передавался на рассмотрение родового шулengi (князь, стоявший по главе рода). Обычаи бурят Верхленского ведомства гласили, что в таком случае «разбирательство начинается с самого начала дела, обсуждаются все подробности, устанавливается правда или неправда тяжущихся посредством ясных доказательств или свидетельств» [3, с. 69]. Если доказательства отсутствовали, допускалась дача клятвы, так называемая божба. Причем, как гласили обычаи, каждый клялся сообразно исповедуемой им вере.

Еще одной особенностью обычного права бурят в сфере уголовного права и судопроизводства можно назвать отход от принципа талиона. Так, обычаи хоринских бурят возлагали на лицо, причинившее физический вред в драке, обязанность по лечению больного «через известных народу искусных лекарей и костоправов» [Там же, с. 112].

Крайне интересный подход к установлению вины лица, совершившего кражу, можно встретить в обычаях бурят Селенгинского ведомства. Так, в случае если из одного двора в одну ночь было украдено, например, десять голов скота и в результате проведенного обыска находилась хотя бы одна голова, лицо, у которого была обнаружена эта одна голова, несло ответственность за кражу всех голов, в том числе обязывалось возместить ущерб.

Несмотря на всю свою архаичность и несовершенство, казуистичное описание правил, отсутствие спе-

циальных норм, регулировавших уголовное судопроизводство, в том числе категорийно-понятийной системы, обычное право бурят строилось в целом на справедливых началах. Было широко распространено применение примирительных процедур. Можно утверждать, что уголовное преследование в обычном праве бурят строилось на частноправовых началах, во многом схожих с современным частным обвинением. При этом многие достаточно древние обычаи пред-

ставляются разумными даже в наши дни. Приведенные примеры наглядно показывают поливариантность формирования правовых обычаев у одного народа, составляющие которого живут в несколько различных условиях. Изучение же множественных проявлений права, сосуществующих в одном и том же пространстве, безусловно, обогатит правовую теорию и позволит раскрыть закономерности формирования правовой материи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тропой слез и надежд* : (книга о современных индейцах США и Канады). М. : Мысль, 1990. 316 с.
2. *Свод законов Российской Империи* : в 5 кн. / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского ; сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. СПб. : Деятель, 1912. Кн. 1, т. 2.
3. *Сборник обычного права сибирских инородцев* / изд. и предисл. Д.Я. Самоквасов. Варшава, 1876. 284 с.

Criminal Persecution in the Buryat Customary Law

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 59–63. DOI: 10.17223/23088451/13/11

Andrey G. Anisimov, East-Siberian Institute of The Ministry of Internal Affairs of The Russian Federation (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: 7821@mail.ru.

Aleksey I. Tsyretorov, East-Siberian Institute of The Ministry of Internal Affairs of The Russian Federation (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: Alex.tsi@mail.ru.

Keywords: criminal justice, customary law, legal practice, administration of justice in customary law.

From ancient times, and in some legal systems to the present, customs play an important role in regulating the life of society. Since customs are inextricably linked with society and reflect the level of its development and prevailing values, the results of their study will make it possible to outline ways of improving the current legislation, including constructing new criminal procedures. On the basis of the historical analysis of the legal customs of various Buryat clans, the authors attempt to show the dependence of the content of the considered rules on the accompanying objective circumstances.

References

1. Stelmakh, V.G., Tishkov, V.A. & Cheshko, S.V. (1990) *Tropoy slez i nadezhd (Kniga o sovremennykh indeytsakh SShA i Kanady)* [The Path of Tears and Hopes (The book is about the modern Indians of the USA and Canada)]. Moscow: Mysl'.
2. Mordukhay-Boltovskiy, I.D. (ed.) (1912) *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii v 5 kn.* [The Code of Laws of the Russian Empire in 5 vols]. Vol. 1(2). St. Petersburg: Russkoe knizhnoe tovarishchestvo "Deyatel'".
3. Samokvasov, D.Ya. (ed.) (1876) *Sbornik obychnogo prava sibirskikh inorodtsev* [Collection of customary law of Siberian non-Russians]. Warsaw: [s.n.].

А.М. Баранов

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: ИЛЛЮЗИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА XXI в.

Подвергается критике позиция о существовании электронных доказательств. Утверждается, что источником (носителем) доказательств (информации) в уголовном процессе всегда является человек. Следовательно, протоколы следственных действий, иные документы, вещественные доказательства будут не носителями (источниками) информации, а ее хранителями. Обосновывается позиция о том, что доказательства – информация, к которой применимы правовые требования и которая не зависит от технических способов ее сохранения и передачи.

Ключевые слова: доказательства, источники доказательств, электронные доказательства, технические средства сохранения информации.

Право, в особенности процедурное, достаточно консервативно по сравнению с другими областями отношений между людьми. И это нормально, поскольку консервативность судопроизводства всегда обуславливалась традициями и даже некоторой обрядностью, в чем иные ученые видят определенную ценность [1, с. 87].

В то же время обряды и традиции одного и того же народа по прошествии времени изменялись, а порой уходили в небытие, и возникали новые. Означает ли это, что вслед за изменениями традиций общества всегда происходило изменение в праве? Всегда ли изменения в социально-общественном строе общества влекли изменения в порядке и организации судопроизводства? Возможно ли в разных общественно-экономических формациях сохранение каких-либо судебных процедур, или же форма судопроизводства меняется до неузнаваемости? Зависит ли форма уголовного судопроизводства от научного и технического прогресса?

В зависимости от мировоззрения ответы могут быть как положительными, так и отрицательными. Зависит ли тип (форма) уголовного процесса от развития математики, физики, химии, биологии, от электроники? Скорее всего, прямой зависимости нет.

В XXI в. результаты развития электроники стали стремительно проникать во все сферы жизнедеятельности человека. Не стало исключением и уголовное судопроизводство. Термин «видео» широко используется в УПК РФ с момента его принятия. В 2011 г. законодатель в ст.ст. 240, 278.1 УПК разрешил проводить допрос свидетелей и потерпевших путем «видеоконференцсвязи», в ст. 389.12 посредством видеоконференцсвязи предоставил право участвовать в судебном заседании осужденному, находящемуся под стражей. Термин «электронный» обнаруживаем в ст.ст. 42, 81, 81-1, 82, 105-1, 313, 393, 473, 474.1 УПК, «Интернет» – в ст.ст. 8, 105.1, 161, 241, 257, 259, 474.1, и только термин «компьютер» использован однажды, в ст. 259 УПК РФ.

Можно сделать вывод, что развитие современных технологий сохранения и передачи информации нашло свое отражение в нормах права, регулирующих уголовное судопроизводство, но изменился ли в связи с этим сам уголовный процесс? Ответ скорее отрицательный. О значительном изменении уголовного судопроизводства под влиянием электронных технологий можно будет вести речь не ранее введения электронно-

го делопроизводства по уголовным делам на всех стадиях. Каково будет влияние электронного делопроизводства на изменение уголовного процесса, пока рано гадать, одно можно сказать точно: изменения будут происходить. Когда-то переход от УСТНОГО процесса на ПИСЬМЕННЫЙ породил формальное досудебное производство. Не просто породил, а за минувшее время дал истории юриспруденции его различные формы, от совсем упрощенных до невероятно громоздких и усложненных. Вполне возможно, что введение электронного делопроизводства повлечет значительное упрощение процедуры на всех стадиях и практически полный отказ от досудебного производства, по крайней мере в нашем сегодняшнем его понимании. Почему бы и нет? Ведь не зря философы утверждают о развитии общества по спирали.

Самое большое влияние электронные технологии, средства сохранения и передачи (пока используем этот термин) стали оказывать на учение о доказательствах. В теории и практике уголовного процесса уже начинает становиться нормой использование таких терминов, как «электронные доказательства» [2, с. 3586–3590], «электронное вещественное доказательство» [3, с. 149–153], «компьютерная информация как вид доказательств» [4], «электронная информация» [5, с. 38–39; 6], «цифровая информация» [7, с. 24–34; 8, с. 108–110; 9, с. 77–81], «цифровые доказательства» [10, с. 130–134; 11, с. 23–25; 12, с. 199–203], «электронный носитель информации» [13, с. 44–45; 14, с. 254–260; 15, с. 3–8; 16, с. 17–19] и, наконец, «электронное уголовно-процессуальное доказывание» [17, с. 588].

Означает ли это, что использование законодателем термина «электронный носитель информации» в ст.ст. 81, 81-1, 82 УПК РФ породило новый вид доказательств или внесло существенные коррективы в существующее в ч. 1 ст. 74 УПК понятие доказательств? Проследим научную мысль в этом вопросе. Так, профессор А.С. Александров в предложенной им «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права» в ч. 3 ст. 2.14 говорит об «...использовании в доказывании электронной информации...» [5, с. 38–39]. По прошествии трех лет его позиция становится более категоричной и противоречивой. С одной стороны, он считает очевидным, что «...предметом доказывания» (по смыслу ст. 73 УПК

РФ) станут «обстоятельства» цифровой реальности... колеблется важнейший постулат: судья способен сам исследовать и оценить предмет доказывания, не говоря уже о том, чтобы собрать о нем «доказательства» – цифровую информацию...» [7, с. 29], а с другой стороны, утверждает: «...правовая система – не явление природы, а результат творения человека. Внутри нее действует аргументация, опирающаяся на свои внутренние основания, искусственные конструкции в виде утверждений, принимаемые законом за истинные. Нельзя отождествлять юридическое познание с естествознанием. Гуманитарная наука и естественная принципиально разные познавательные устройства». То, что судья действует в рамках гуманитарного знания при установлении предмета доказывания, не вызывает сомнений. Видимо, сомнение возникает в способности суда познать сведения (информацию), получаемые из естественных наук. Что в этом вопросе изменилось для суда в XXI в.?

Давайте обратимся к любой судебной экспертизе, когда исследование касается сферы естественных знаний (автотехническая, дактилоскопическая, экспертиза холодного оружия и др.). Предмет исследования при производстве данных видов экспертизы не изменился. Современные эксперты при производстве экспертизы не используют фотографии, отпечатанные на «фотобумаге» (аналоговые, «мокрый процесс»), заключение уже не печатается на печатной машинке, а набирается в компьютере. При производстве судебно-биологической экспертизы для определения основных биохимических параметров крови используют, как правило, спектрофотометрические методы исследования. Для этого применяют анализаторы трех типов: автоматические, полуавтоматические спектрофотометры (одноканальные и многоканальные). Почти все автоматизированные анализаторы оснащены специальной компьютерной программой. Приборы данного класса управляются через отдельный стационарный компьютер или внутренний процессор [18]. Почему при ознакомлении с заключением эксперта ни у кого не возникает проблемы, какую информацию получили: «биологическую», «химическую», «цифровую / электронную»? Наверное, потому, что в сознании в первую очередь возникает образ заключения эксперта как источника доказательств, а не технология исследования и способ сохранения информации экспертом по результатам исследования.

Означает ли, что использование электронных измерительных приборов и средств множительной техники вместо механических повлекло изменение природы полученных сведений, что информация, полученная экспертом и от эксперта, стала цифровой, а заключение эксперта стало электронным доказательством? Если да, то означает ли это, что следователь, использующий при осмотре места происшествия различные измерительные средства – рулетку, металлический, деревянный метр, старый и всем хорошо известный двухметровый деревянный циркуль (его называют «ковылек»), либо измеряя расстояние шагами, получает «деревянную», «металлическую» информацию? При использовании оптических или электронных дальномеров (светодаль-

номеры и радиодальномеры) соответственно получает оптическую или электронную информацию? Конечно же, нет. Тогда в чем причина распространения в теории уголовного процесса и в законе термина «цифровая / электронная информация / доказательства»? Почему этот термин не появился четверть века тому назад, когда стали появляться первые персональные компьютеры и широко использоваться в образовании, производстве и быту? Видимо, так устроено сознание человека, что ему необходимо время, чтобы новые предметы, технологии, отношения приобрели привычные для сознания образы. Уголовное судопроизводство, мы это отмечали ранее, – одна из самых консервативных сфер отношений, в ней новые понятия появляются гораздо позже, тогда, когда они уже становятся привычными в повседневном употреблении. И даже при таком порядке вещей заимствование понятий из технических сфер отношений не всегда лучшим образом происходит в праве, наверное, по той причине, что юристы в большинстве своем не «физики», а «физики» далеки от юриспруденции.

Вот, например, взгляд на рассматриваемый нами вопрос С.В. Калитина, кандидата технических наук, доцента кафедры информационных систем и технологий Хабаровской государственной академии экономики и права. Приведем фрагменты из его публикации. Он предлагает классификацию видов доказательств по форме представления. «Устные; письменные: рукописные; печатные; информационные сигналы (аналоговые, цифровые); вещественные: электронные, электрические, химические, биологические, механические, прочие.

Доказательства, называемые в нынешней юридической терминологии ЭЛЕКТРОННЫМИ, после получения и приобщения к уголовному делу стремятся отнести к вещественным. Для упрощения их исследования и последующего использования в судопроизводстве их основные и существенные черты и свойства обобщают и переводят в письменные документы, напечатанные на бумаге...

Доказательства, если имеются в виду файлы, воспроизводимые с помощью электронных средств или приборов, лишь воспроизводятся с их помощью. Например, электронный микроскоп позволяет рассмотреть мелкие объекты или биологические клетки, невидимые невооруженным глазом. При этом зафиксированное состояние клеток не называют ЭЛЕКТРОННЫМ, потому что оно не зависит от электроники (электронной техники), которая зафиксировала пучок электронов, прошедший через образец. Аналогично, если используется микроскоп со стеклянными линзами, то полученное изображение образца наблюдений не называют «стеклянным»... Доказательства, ныне называемые в судебной практике ЭЛЕКТРОННЫМИ, фактически делятся на 2 группы: аналоговые и цифровые... аналоговые и цифровые информационные сигналы являются разными по своей природе и по использованию, что должно быть отражено в устной и письменной юридической терминологии и в способах использования этих доказательств» [2, с. 3586–3590].

Как говорится, ни отнять, ни прибавить. В существующих ныне в теории уголовного процесса класси-

фикации доказательств основания для деления имеют юридическую природу, поскольку в этом есть как теоретический, так и практический смысл. Для чего нужна предлагаемая классификация, в основе которой лежат технические требования, мне трудно понять.

Если уважаемый читатель думает, что аномальное воздействие «электронного / цифрового мира» странным образом сказывается на рассуждениях только представителей «естественных наук», то он заблуждается. Представления юристов об исключительности «электронных доказательств» еще более оригинальны.

Отдельные сторонники «электронных доказательств» ставят под сомнение правила об оценке доказательств. В.Н. Чернышев и Е.С. Лоскутова считают: «...цифровые доказательства в определенных случаях являются единственными доказательствами виновности лица в совершении преступления. Следовательно, значение цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве становится очевидным... к цифровым доказательствам должны предъявляться более строгие требования, поскольку для оценки их требуются специальные устройства, а также и лица, которые обладают познаниями в узкой сфере науки» [12, с. 202]. Действительно, новое слово в юридической науке и теории доказательств обнаруживаем в тезисе «...для оценки их (электронных доказательств) требуются специальные устройства...» и лица, «...обладающие специальными познаниями в узкой сфере науки». То есть субъектами оценки доказательств уже не являются следователь, дознаватель, прокурор, суд (судья), а ими будут «лица, обладающие познаниями в узкой сфере науки». Так и хочется спросить авторов, какие устройства требуются для оценки показаний обвиняемого, заключения эксперта и других видов доказательств, указанных в ч. 2 ст. 74 УПК?

Видимо, предложенные критерии оценки для «электронных доказательств» должны быть применимы и к результатам судебно-медицинской экспертизы крови. «Специальные устройства» для исследования – требуются. «Лица, обладающие познаниями в узкой сфере» – и этот критерий присутствует. Может быть, такое восприятие применимо только к сведениям, получаемым с использованием знаний естественных наук, а с гуманитарными знаниями дело обстоит иначе?

Информация, переданная сигналами азбуки Морзе, телеграфа или семафорной азбуки тоже потребует специальных правил ее восприятия и оценки для признания в качестве доказательств? Видимо, нет, поскольку цивилизация прошла уже этот этап, но ни в учебниках по уголовному процессу, ни в работах по теории доказательств конца XIX – начала XX в. мы не встретим исследований данной проблемы.

Мы каждый день слушаем музыку, а ведь звук – это тоже информация. Сколько история уголовного процесса знает случаев, когда событие и виновность лица устанавливались посредством определения времени через звучащую мелодию по радио (телевидению)! Наверное, большинство из нас сможет отличить, распознать ту или иную мелодию и даже попытаться ее воспроизвести, более или менее успешно, но узнаваемо. Нужны для этого специальные приборы? Специалисты в «узкой» области знаний, для того чтобы оценить по-

лученную информацию в качестве доказательства? А теперь представим ситуацию, что жертва преступления перед смертью записала мелодию, звучащую в момент убийства. Но записала не на смартфон, как поспешно подумал читатель, а в виде нот¹. Представили? Ну как? Кто из нас сможет воспроизвести мелодию по нотам? Что-то я не припомню, были ли предложения о введении понятия «музыкальные доказательства», наверное, полная глупость по сути, но звучит гораздо красивее, чем «электронные доказательства».

Попытка наполнить юридическое значение «информации», «сведений», доказательств в уголовном процессе техническим содержанием приводит отдельных авторов в их рассуждениях к видению в «электронной информации» какого-то сакрального значения, таинства, доступного «жрецам» «электронного мира». Вот одно из таких утверждений. «Сама информация не может быть передана, принята или хранима в чистом виде: ее носителем является сообщение, которое представляет собой кодированный эквивалент события, зафиксированный источником информации и выраженный в форме условных физических символов...» [9, с. 78]. Неправда ли, высказанная мысль звучит очень научно и малопонятно. Попробуем перевести на общедоступный язык. Идея (мысль, информация) автора настоящей статьи по вопросу об «электронных доказательствах» не может быть «...передана, принята или хранима в чистом виде: ее носителем является сообщение» (выступление на конференции, собственно эта статья в журнале) «...выраженная в форме условных физических символов» (при устном выступлении – звуков, при чтении статьи в журнале – букв и знаков препинания). Интересно, у кого из читателей, владеющих русским языком и более или менее знакомых с уголовным процессом, текст настоящей публикации вызвал непонимание, а изложенная информация не была понята и воспринята? Вполне возможно, что многие будут не согласны с высказанной идеей и аргументами, но как раз это обстоятельство и будет свидетельством того, что информация воспринята.

Информация материальна, поскольку неразрывно связана с человеком, предметом, документом, в силу чего исследуется непосредственно, воспринимается познающим чувственно (видится, слышится и т.д.) [19, с. 44].

Неужели новый технический способ сохранения и передачи информации не оказал вообще никакого влияния на теорию доказательств в уголовном судопроизводстве? Конечно же, оказал и оказывает, просто в настоящий момент это воздействие не сразу заметно,

¹ Современная музыкальная нотация восходит к трудам Гвидо д'Ареццо первой половины XI в., который начал записывать ноты на четырехлинейном нотном стане. Впоследствии система дорабатывалась (добавилась пятая линейка, изменился внешний вид нот и ключи и т.д.), и в современном виде она существует с XVII в. Около 1700 г. немецкий ученый и музыкант Андреас Веркмейстер предложил логарифмически равномерную двенадцатитоновую музыкальную шкалу и изготовил фортепиано, настроенное в соответствии с ней. Названия шести нот ввел Гвидо д'Ареццо (нота «до» у него называлась ут). В дальнейшем для удобства проговаривания при пении нота ут была заменена на до (Джованни Дони, около 1640 г.) и добавлена нота си (сокращение от «Sancte Ioannes»; X. Вальрант, около 1574 г.). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Нота> (дата обращения: 13.03.2019).

но порой оно очень существенно для всей теории доказательств. Вот одно из последствий такого влияния.

В известной всем процессуалистам работе по теории доказательств, авторы утверждают, что «...в мышлении человека существуют... не вещи, не предметы, а их образы, понятия, сведения о них» [20, с. 207]. Об этом же утверждают и профессора А.А. Давлетов и А.С. Александров, наверное, и многие другие, и это правильно.

При внимательном прочтении далее обнаруживаем противоречие, которое при уровне технического развития общества и мировоззрения авторов в то время и не было противоречием.

Прочитируем фрагменты работы. «Доказательство всегда имеет объективное содержание (отраженный факт объективной реальности) и субъективную форму (отражение в сознании субъекта)... определяющими в этом единстве являются фактические данные (содержание), представляющие собой информацию об обстоятельствах дела. Эта информация хранится в памяти будущих свидетелей, потерпевших, обвиняемых и т.д.» [Там же, с. 211]. «Для обозначения лица, сообщającego сведения о фактах будем употреблять термины “источник доказательств” и “носитель доказательств”. Источником доказательств в виде показаний будут лица, их давшие. Носителями (источниками) вещественного доказательства будут следователь, понятые, лица, представившие предмет» [Там же, с. 213].

Таким образом, источником (носителем) доказательств (информации) в уголовном процессе всегда является человек. Доказательства-информация существует только в сознании человека, нет человека – нет информации. Следовательно, протоколы следственных действий, заключение эксперта (в виде документа), протокол судебного заседания, иные документы, вещественные доказательства будут не носителями (источниками) информации, а ХРАНИТЕЛЯМИ информации. В таком случае электронная среда (Интернет), электронные средства сохранения и передачи информации будут не вещественными доказательствами и не электронными доказательствами, а хранителями информации. А источником будет лицо, которое эту информацию сохранило на электронном приборе (гаджете) или ее получило из электронной среды или электронного

прибора. В ходе вышеизложенных рассуждений приходим к выводу, что привычное нам равенство в понятии «источники доказательств» = «виды доказательств» теперь следует считать ошибочным. Перечень юридических категорий, указанный в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, следует называть видами доказательств, но ни в коем случае не источниками. Возникла такая мысль у автора этих строк до начала работы над настоящей публикацией? Нет!

И еще один вывод, который возник в результате работы над идеей «электронных доказательств». Большинство авторов в юридических науках используют термины «сохранение» и «передача» информации в их техническом содержании, что в корне не верно. Дело в том, что для представителей технических отраслей знания сохранение и передача информации носят именно технический характер, т.е. сохранение знака (символа) на материальном носителе или же его передача путем сигнала. В техническом плане информация считается переданной в момент ее отправки адресату. Право же – социальная наука. В социальных науках передача информации возможна от источника к источнику, от человека к человеку. И передача информации происходит не в момент механического получения сигнала, а в момент, когда человек понял (расшифровал) содержание сигнала. Наскальная письменность разных народов (например, майя) – ярчайший пример. В механическом плане информация была передана в момент выбивания текста на камне, а в социальном – только когда была расшифрована (переведена) на язык того, кто расшифровал древний текст. Не правда ли, это очень похоже на то, что делает переводчик в современном уголовном процессе, но мы ведь не называем эту информацию «лингвистическим доказательством».

Каков же путь решения проблемы? Как ни покажется парадоксальным, но он не в отказе от использования современных технологий, а наоборот, в скорейшем и полном переходе на электронное ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО. И правы те авторы, которые утверждают, что формирование уголовного дела в электронном виде упростит и ускорит уголовное судопроизводство [21, с. 95–101; 23]. Почему есть такая уверенность? Все просто. Мы ведь не говорим сегодня «бумажное уголовное дело» или «бумажное доказательство».

ЛИТЕРАТУРА

1. Поляков М.П. О ценности обрядовой стороны уголовного судопроизводства // Государство и право. 1999. № 7. С. 87–92.
2. Калитин С.В. Доказательства электронные и цифровые // Концепт : научно-методический электронный журнал. 2014. Т. 20. С. 3586–3590. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54981.htm> (дата обращения: 13.03.2019).
3. Пастухов П.С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 149–153.
4. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 234 с.
5. Александров А.С. Доктринальная модель уголовно-процессуального права Российской Федерации и комментарии к ней. М. : Юрлитинформ, 2015. 299 с.
6. Овсянников Д.В. Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 21 с.
7. Александров А.С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : сб. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. 16–17 марта 2018 г. / под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. СПб. : Петрополис, 2018. С. 24–34.
8. Мецзяков В.А., Трухачев В.В. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. С. 108–110.

9. Зазулин А.И. О доказательственном значении цифровой информации в уголовном процессе // Мир юридической науки. 2016. № 11. С. 77–81.
10. Иванов Н.А. Цифровые доказательства: понятие и классификация // Криминалистика в системе правоприменения : материалы науч.-практ. конф. М., 2008. С. 130–134.
11. Карташов И.И. «Цифровые доказательства» в уголовном процессе // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1, № 15. С. 23–25.
12. Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12, № 5. С. 199–203.
13. Федюкина А.Ю. Электронный носитель информации как доказательство по уголовным делам // Отечественная юриспруденция. 2016. № 12 (14). С. 44–45.
14. Краснова Л.Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 254–260.
15. Васюков В.Ф., Булыжкин А.В. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения // Российский следователь. 2016. № 6. С. 3–8.
16. Козловский П.В., Седелников П.В. Участие специалиста в изъятии электронных носителей // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 1 (52). С. 17–19.
17. Зуев С.В., Никитин Е.В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 587–595.
18. Биохимический анализатор: виды, возможности и особенности выбора. URL: <http://www.dixon.ru/news/useful/biokhimicheskiy-analizator-vidy-vozmozhnosti-i-osobennosti-vybora/> (дата обращения: 17.02.2019).
19. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 152 с.
20. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. М. : Юрид. лит., 1973. 736 с.
21. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
22. Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы. URL: <http://www.iaaj.net/node/2614> (дата обращения: 17.02.2019).

Electronic Evidence: Illusion of the Criminal Process of the 21st Century

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 64–69. DOI: 10.17223/23088451/13/12

Aleksandr M. Baranov, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation).

E-mail: baranowam@list.ru.

Keywords: evidence, sources of evidence, electronic evidence, technical means of preserving information.

The article analyzes the concept of “electronic evidence”. The author argues that the types of evidence do not depend on the technical method of their fixation, preservation and transmission. Evidence is first and foremost information that exists in the mind of people. If there are no people, there is no information. However, the term “electronic methods and means of storing information” can be used, while the erroneous term “electronic / digital evidence” should not be used in criminal proceedings. It is necessary to change the consciousness of the law enforcer, which requires a transition to electronic records management in criminal cases.

References

1. Polyakov, M.P. (1999) O tsennosti obryadovoy storony ugolovnogo sudoproizvodstva [On the value of the ritual side of criminal proceedings]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 7. pp. 87–92.
2. Kalitin, S.V. (2014) Dokazatel'stva elektronnye i tsifrovye [Electronic and digital evidence]. *Kontsept*. 20. pp. 3586–3590. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2014/54981.htm>. (Accessed: 13.03.2019).
3. Pastukhov, P.S. (2015) Electronic evidence in criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 396. pp. 149–153. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/396/27
4. Zigura, N.A. (2010) *Komp'yuternaya informatsiya kak vid dokazatel'stv v ugolovnom protsesse Rossii* [Computer information as a type of evidence in the criminal process in Russia]. Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
5. Aleksandrov, A.S. (2015) *Doktrinal'naya model' ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiyskoy Federatsii i kommentarii k nej* [Doctrinal model of criminal procedural law of evidence of the Russian Federation and comments to it]. Moscow: Yurlitinform.
6. Ovsyannikov, D.V. (2015) *Kopirovanie elektronnoy informatsii kak sredstvo ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [Copying electronic information as a means of criminal procedural evidence]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
7. Aleksandrov, A.S. (2018) Russkiy ugolovno-protsessual'nyy dogmatizm ili tsifrovoy mir: chto pobedit? [Russian criminal procedural dogmatism or the digital world: what will win?]. In: Kalinovskiy, K.B. & Zashlyapin, L.A. (eds) *Yuridicheskaya istina v ugolovnom prave i protsesse* [Legal truth in criminal law and process]. St. Petersburg: Petropolis. pp. 24–34.
8. Meshcheryakov, V.A. & Trukhachev, V.V. (2012) Formirovanie dokazatel'stv na osnove elektronnoy tsifrovoy informatsii [Formation of evidence based on electronic digital information]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 2. pp. 108–110.
9. Zazulin, A.I. (2016) About Evidentiary Value of Digital Information in Criminal Procedure. *Mir yuridicheskoy nauki*. 11. pp. 77–81. (In Russian).
10. Ivanov, N.A. (2008) Tsifrovye dokazatel'stva: ponyatie i klassifikatsiya [Digital evidence: the concept and classification]. In: Koldin, V.Ya. (ed.) *Kriminalistika v sisteme pravoprimeneniya* [Forensic science in the law enforcement system]. Moscow. pp. 130–134.
11. Kartashov, I.I. (2016) Tsifrovye dokazatel'stva v ugolovnom protsesse [Digital evidence in criminal proceedings]. *Tsentral'nyy nauchnyy vestnik*. 1(15). pp. 23–25.
12. Chernyshov, V.N. & Loskutova, E.S. (2017) Problems of collecting and use of digital proofs. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social and Economic Phenomena and Processes*. 12(5). pp. 199–203. (In Russian).

13. Fedyukina, A.Yu. (2016) Elektronnyy nositel' informatsii kak dokazatel'stvo po ugovnym delam [Electronic information carrier as evidence in criminal cases]. *Otechestvennaya yurisprudentsiya*. 12(14). pp. 44–45.
14. Krasnova, L.B. (2013) Electronic storage media as evidence. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – News of Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 4(2). pp. 254–260. (In Russian).
15. Vasyukov, V.F. & Bulzhkin, A.V. (2016) Seizure of electronic data media in the course of crime investigation: unresolved problems of legal regulation and law enforcement. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 6. pp. 3–8. (In Russian).
16. Kozlovskiy, P.V. & Sedelnikov, P.V. (2014) Uchastie spetsialista v iz'yatii elektronnykh nositeley [Participation of a specialist in the seizure of electronic media]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 1(52). pp. 17–19.
17. Zuev, S.V. & Nikitin, E.V. (2017) Information technologies in solving criminal procedure problems. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 11(3). pp. 587–595. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).587-595
18. Dixon.ru. (n.d.) *Biokhimicheskiy analizator: vidy, vozmozhnosti i osobennosti vybora* [Biochemical analyzer: types, possibilities and features of choice]. [Online] Available from: <http://www.dixon.ru/news/useful/biokhimicheskiy-analizator-vidy-vozmozhnosti-i-osobennosti-vybora/>. (Accessed: 17.02.2019).
19. Davletov, A.A. (1991) *Osnovy ugovno-protsessual'nogo poznaniya* [Basics of criminal procedural knowledge]. Sverdlovsk: Ural State University.
20. Zhogin, N.V. (1973) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse* [Theory of evidence in the Soviet criminal process]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
21. Kachalova, O.V. & Tsvetkov, Yu.A. (2015) Electronic Criminal Case as a Tool for Development of Criminal Proceedings. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 2. pp. 95–101. (In Russian).
22. Zuev, S.V. (2019) *Tsifrovaya sreda ugovnogo sudoproizvodstva: problemy i perspektivy* [Digital environment of criminal justice: problems and prospects]. [Online] Available from: <http://www.iuaj.net/node/2614>. (Accessed: 17.02.2019).

О.В. Желева

ОГОВОР ЗАВЕДОМО НЕВИНОВНОГО ЛИЦА КАК СПОСОБ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ОБВИНЯЕМОМ СУБЪЕКТИВНЫМ ПРАВОМ

Рассматривается такая форма дачи показаний обвиняемым, как оговор заведомо невиновного лица. Данное поведение характеризуется автором с точки зрения злоупотребления субъективным правом. Отмечается, что право обвиняемого на защиту не беспредельно и не должно осуществляться в противоречии с его назначением, в ущерб третьим лицам. Отстаивается позиция, что в УК РФ требуется установить уголовную ответственность за оговор заведомо невиновного лица.

Ключевые слова: обвиняемый, право на защиту, право на дачу показаний, оговор заведомо невиновного лица, злоупотребление субъективным правом.

Процессуальный статус участников уголовного судопроизводства определяется совокупностью принадлежащих им прав и возложенных на них обязанностей. Наличие этих двух элементов взаимообусловлено, поскольку права устанавливают меру свободы личности, а обязанности указывают границы этой свободы и возлагают на личность определенную ответственность. При этом объем прав и обязанностей конкретного субъекта уголовного процесса зависит от выполняемой им функции с учетом собственных интересов и потребностей.

Необходимо отметить, что тенденцией современного уголовно-процессуального законодательства стало расширение круга прав участников уголовного судопроизводства. Особенно это коснулось обвиняемого. В связи с тем, что последний представляет собой лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, применяются меры принудительного характера, обвиняемый вправе самостоятельно выбрать тактику своей защиты и в соответствии с ней использовать любые средства, как предусмотренные, так и не запрещенные законом (ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Так, одним из прав обвиняемого является возможность давать показания, являющиеся источником доказательств, в котором содержатся сведения о произошедших событиях, совершенных им самим или другими лицами действиях, о других обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

Следует указать, что процессуальное положение обвиняемого определяет характерные черты его показаний, в отличие от показаний свидетеля или потерпевшего. Данные особенности проявляются в следующем. Во-первых, показания обвиняемого являются не только источником доказательств, но и средством защиты от предъявленного обвинения. Посредством дачи показаний лицо вправе оспаривать обоснованность предъявленного ему обвинения, сообщать и подтверждать ссылками на иные доказательства сведения, которые, по его мнению, опровергают или ставят под сомнение обвинение. При этом обвиняемому обеспечивается возможность давать показания по своему усмотрению в том объеме, в котором он посчитает необходимым. Государственные органы и должностные лица, осуществляющие расследование, не могут принуждать к даче показаний или устанавливать пределы использо-

вания данного права путем ограничения показаний интересующими их фактами. Во-вторых, непосредственно сам обвиняемый является первоначальным источником сведений об обстоятельствах совершения преступления, вменяемого ему. Отсюда содержание показаний обвиняемого, в отличие от иных участников уголовного судопроизводства, составляют те сведения, которые касаются его личности и поведения. Кроме того, он может выдвигать собственные версии произошедшего события, тем самым направляя ход расследования. Однако необходимо учитывать, что если лицо не совершало преступного деяния, то степень его осведомленности о нем будет, возможно, иной.

Вместе с тем данные особенности показаний обвиняемого подтверждают его заинтересованность в исходе дела, которая может быть связана с квалификацией деяния, законным осуществлением расследования либо с уменьшением степени своей вины или непривлечением к ответственности вовсе. В последнем случае появляется вероятность, что во время допроса обвиняемый будет использовать дачу показаний для достижения своих незаконных интересов, во вред целям расследования. Как следствие, такое осуществление права не соответствует назначению предоставленного права и причиняет вред правам и законным интересам других участников процесса, обществу и государству. В литературе данный вид поведения именуется злоупотреблением правом [1, с. 19].

В уголовно-процессуальных исследованиях, посвященных вопросам злоупотребления правом, выделяются следующие признаки этого правового явления. Во-первых, данный вид поведения связан с нарушением не правовых предписаний, а порядка реализации предоставленного субъективного права [2, с. 14]. Во-вторых, злоупотребительное поведение противоречит назначению субъективного права, а также принципам добросовестности и разумности [3, с. 36]. В-третьих, у лица имеются иные варианты достижения своих интересов, помимо злоупотребительного [4, с. 163]. В-четвертых, субъект, совершивший злоупотребление правом, осознает характер своих действий или бездействия, т.е. поступает умышленно [5, с. 79]. В-пятых, причиняется вред правам и законным интересам других участников уголовного судопроизводства, а также интересам правосудия в целом [6, с. 16].

На основании выделенных признаков следует отметить, что к числу злоупотребления правом на дачу показаний можно отнести оговор заведомо невиновного лица.

В юридической науке даются различные дефиниции понятию «оговор». М.М. Гродзинский определял оговор как показания обвиняемого, приписывающие «совершение преступления лицу, которое в действительности к этому преступлению непричастно» [7, с. 203]. Л.Е. Владимиров указывал, что оговор представляет собой не только обвинение постороннего лица в совершении преступления, но и собственное признание подсудимого [8, с. 198]. М.С. Строгович отмечал, что оговором следует считать любые «показания обвиняемого, уличающего другого обвиняемого или иных лиц» независимо от их ложности, подчеркивая, что ложность показаний можно установить не в момент дачи показаний, а только после их оценки [9, с. 427, 428].

На основе вышеизложенных позиций можно прийти к выводу, что оговор заведомо невиновного лица представляет собой показания обвиняемого, ложно изобличающие другое лицо в совершении преступления. Данный вид поведения соответствует указанным ранее признакам злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве.

Во-первых, возможность совершения оговора обусловлена наличием права обвиняемого на дачу показаний.

Во-вторых, уголовно-процессуальное законодательство не содержит прямого запрета на данную форму дачи показаний, т.е. оговор заведомо невиновного лица не является нарушением правовых предписаний.

В-третьих, оговор заведомо невиновного лица представляет собой реализацию права в противоречии с его назначением. Назначение субъективного права заключается в предоставлении индивиду юридически гарантированной возможности удовлетворить свой конкретный интерес (потребность) указанным в законе способом. При этом назначение определенных прав и свобод предопределяется общими принципами права, принципами той отрасли права, в рамках которой они предоставлены, обязанностями, которые были возложены на управомоченного субъекта [10, с. 81]. В связи с этим следует согласиться с позицией О.И. Андреевой, О.А. Зайцева, Д.В. Емельянова, согласно которой «право осуществляется в соответствии с его назначением тогда, когда соответствующее поведение совпадает с целью правовой нормы» [1, с. 20].

Некоторые ученые-процессуалисты считают, что назначением права обвиняемого на дачу показаний, в том числе посредством оговора заведомо невиновного лица, является защита от неблагоприятных последствий предъявленного ему обвинения [11, с. 157]. Так, В.Д. Адаменко отмечает, что возможность давать ложные показания соответствует процессуальному положению обвиняемого и направлена на удовлетворение такого интереса, как уклонение от уголовной ответственности и наказания [12, с. 85–86]. С.А. Касаткина указывает, что возможность давать ложные показания представляет собой субъективное право, содержательно включающееся в право давать любые показания, которые обвиняемый посчитает нужным, вследствие

отсутствия в реализации данного права общественной опасности и противоправности [13, с. 87].

Помимо этого, в Определении № 1-Д97-16 от 15 апреля 1998 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу, что заведомо ложные показания обвиняемого о совершении преступления другим лицом не образуют состав преступления – заведомо ложный донос, поскольку они были даны с целью уклониться от уголовной ответственности и являлись способом защиты от обвинения [14].

Указанная выше позиция не представляется убедительной, отсутствие у обвиняемого обязанности давать правдивые показания не может отождествляться с наличием у него субъективного права как меры свободы, иначе это противоречило бы самому духу уголовно-процессуального законодательства.

Предоставление обвиняемому права на ложь означало бы одобрение законодателем одного из способов создания препятствий для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. В то время как закон, наоборот, закрепляет средства предупреждения и пресечения поведения обвиняемого, препятствующего расследованию, одним из которых является применение к нему мер пресечения (ст. 97 УПК РФ). Необходимо отметить, что предоставление обвиняемому права на ложь не только не усилило бы его процессуального положения, а наоборот, ослабило бы его позицию в процессе. Представляется, что это подорвало бы доверие к его показаниям в целом, поколебало степень значимости показаний в системе доказательств, не позволило их учитывать в дальнейшем при решении вопроса о мере наказания. В таком случае это причинило бы вред защите законных интересов обвиняемого.

Таким образом, дача обвиняемым ложных показаний в отношении другого лица не может считаться соответствующей назначению субъективного права.

Недобросовестность оговора заведомо невиновного лица определяется характером интереса и мотивами обвиняемого, его стремлением уйти от ответственности или облегчить свое положение, переложив часть своей вины на других лиц. Совершение оговора может быть продиктовано не только тактикой защиты, предполагающей использование любых способов, в том числе незаконных, но и чувством мести или иными побуждениями. Это обуславливает необходимость проверки и оценки показаний обвиняемого с учетом характера его взаимоотношений с лицом, против которого он дает показания, а также с учетом особенностей восприятия обвиняемым обстановки и обстоятельств совершения преступления, чтобы исключить добросовестное заблуждение.

В-четвертых, умысел лица на осуществление права на дачу показаний именно в форме оговора. Понятие «заведомо» характеризует субъективную сторону оговора и означает, что, во-первых, личный интерес обвиняемого противоречит интересу, признаваемому законодателем; обвиняемый не заблуждается, а осознает ложность передаваемой информации и непричастность другого лица к совершению преступления; во-вторых, его действиями нарушаются интересы других лиц, общества и государства. Это обстоятельство обусловлено

целевой направленностью действий участника уголовного судопроизводства, который удовлетворяет собственные потребности за счет наступления негативных последствий для третьего лица. При этом обвиняемый намеренно выбирает такой способ достижения цели, который формально соответствует требованиям закона и является осуществлением права.

Волевая сторона оговора заведомо невиновного лица характеризуется тем, что управомоченный желает наступления благоприятных для себя последствий, получения определенных преимуществ в виде непривлечения к уголовной ответственности.

В-пятых, возможность участника уголовного процесса реализовывать предоставленное ему право иным правомерным способом. Обвиняемый может отказаться от дачи показаний либо давать показания таким образом, чтобы с очевидностью не нарушать права других лиц.

В-шестых, оговор создает препятствия для расследования преступления, противодействует достижению объективной истины по делу. Помимо этого, вред причиняется не только интересам предварительного расследования, но в первую очередь лицу, которое было оговорено. Действительно, как верно отмечают С. Нафиев и А. Васин, обвиняемый, «стремясь обелить себя перед следствием и судом посредством необоснованного перекладывания вины на другого человека, посягает на ряд прав и свобод, гарантированных Конституцией и законами РФ... Задевается достоинство личности, которое согласно ч. 1 ст. 21 Конституции охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления. Наряду с этим нарушается право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), а также право на защиту чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ)» [15, с. 5–7]. Общественную опасность и вредоносность оговора отметил и Конституционный Суд РФ, указав в своем Определении от 4 апреля 2013 г. № 661-О [16] на недопустимость такой реализации права на дачу показаний и соответственно, такого способа защиты обвиняемым своих интересов.

Представляется, что, учитывая серьезность, тяжесть наступающих для правосудия и отдельных лиц неблагоприятных последствий в результате оговора обвиняемым заведомо невиновного в совершении преступления, необходимо установить в УК РФ запрет такого деяния и тем самым перевести его из категории злоупотребления субъективным правом в категорию преступлений. Следует указать, что в советском законода-

тельстве в п. 11 ст. 39 УК РСФСР оговор заведомо невиновного лица был предусмотрен какотягчающее обстоятельство. А если обратиться к зарубежному законодательству, то рассматриваемое деяние уже признается преступлением, к примеру, УК Германии (§ 164 – навлечение ложного подозрения) [17, с. 313], УК Швейцарии (ст. 303 – ложное обвинение) [18, с. 266], УК Испании (ст. 456) [19, с. 142].

Стоит отметить, что возможность привлечения к ответственности обвиняемого за оговор заведомо невиновных лиц не исключается и ЕСПЧ. Так, в постановлении ЕСПЧ от 28 августа 1991 г. по делу «Брандстедтер против Австрии» сказано: «Было бы преувеличением полагать, что исходной посылкой права лиц, обвиняемых в совершении уголовного преступления, защищать себя, является идея о том, что они не должны подвергаться преследованию, когда, осуществляя это право, они умышленно вызывают ложные подозрения в подлежащем наказанию поведении в отношении свидетеля или любого другого лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство» [20, с. 252], – тем самым подчеркивается недопустимость использования обвиняемым оговора в качестве средства защиты.

На основе вышеизложенного можно прийти к выводу, что право на защиту, право на дачу показаний не являются абсолютными, они не должны осуществляться в ущерб интересам третьих лиц. Вследствие этого требуется установить законодательные пределы права на дачу любых показаний со стороны обвиняемого. Оговор заведомо невиновного лица как социально нежелательное поведение не может остаться без соответствующей реакции государства, поэтому предлагаем внести изменения в УК РФ и включить в него новый состав преступления. Меры уголовной ответственности за оговор заведомо невиновного лица станут для обвиняемого его дополнительным обременением, в том числе и в случае, когда он подлежит наказанию за «основное» деяние. В связи с этим суд на основе всех собранных доказательств должен установить следующее: служат ли сообщаемые обвиняемым сведения средством защиты его интересов, какие признаки оговора они содержат, какова субъективная сторона действий лица, не является ли оговор следствием примененных к участнику уголовного процесса неправомерных методов принуждения со стороны правоохранительных органов. Только при выяснении перечисленных обстоятельств в совокупности применение мер уголовной ответственности к обвиняемому за оговор будет законным и обоснованным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.И., Зайцев О.А., Емельянов Д.В. О злоупотреблении защитником правом на защиту и способах реагирования должностных лиц на недобросовестное поведение // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 14–19.
2. Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России. Челябинск : Цицеро, 2013. 152 с.
3. Диваев А.Б. Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 35–43.
4. Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 65–79.
5. Баев О.Я., Баев М.О. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М. : Проспект, 2014. 214 с.
6. Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Соотношение понятий «злоупотребление правом» и «уголовно-процессуальное правонарушение» // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 14–19.
7. Гродзинский М.М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1953. 232 с.

8. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Часть Общая и Особенная. СПб. : Изд. книжн. магазина «Законоведение», 1910. 391 с.
9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М. : Наука, 1968. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. 470 с.
10. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М. : Юрлитинформ, 2007. 350 с.
11. Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1955. Ч. 2: Судебное следствие в советском уголовном процессе. 248 с.
12. Адаменко В.Д. Интересы обвиняемого в уголовном деле // Известия вузов. Правоведение. 1982. № 2. С. 83–86.
13. Касаткина С.А. Признание обвиняемого. М. : Проспект, 2010. 224 с.
14. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.04.1998 № 1-Д97-16 по делу Незнамова // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 4. С. 15.
15. Васин А., Нафиев С. Право на защиту – не беспредельно // Законность. 1999. № 4. С. 5–7.
16. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Нурыяхмата Нурыхановича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2013 № 661-0 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 6.
17. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / под ред. Д.А. Шестакова. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 524 с.
18. Уголовный кодекс Швейцарии / под ред. А.В. Серебрянниковой. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 775 с.
19. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М. Решетниковой. М. : Зерцало, 1998. 218 с.
20. Гомьен Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и политика. М. : Изд-во МНИМП, 1998. 600 с.

False Accusation as a Way to Abuse the Subjective Right by the Accused

Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 70–74. DOI: 10.17223/23088451/13/13

Olga V. Zheleva, Tomsk State University (Tomsk, RF). E-mail: zheleva.olga@gmail.com

Keywords: accused, right to defense, right to testify, false accusation, abuse of subjective right.

The article studies the right of the accused to testify, the limits of the realization of this right, as well as the limits of the permissible state intervention in the conduct of a participant in criminal proceedings. The relevance of the chosen topic is due to the common practice of giving a false testimony, of slander of a knowingly innocent person on the part of the accused. In this case, the accused uses the testimony to achieve their illegal interests and to detriment the objectives of the investigation and causes damage to third parties. In this regard, the following objectives are reached in the article: (1) the testimony of the accused is characterized; (2) the notion of a false accusation is defined; (3) false accusation as a way of abuse of the subjective right by the accused is characterized; (4) ways to respond to false accusation are determined. The methods of the study include general scientific and special scientific methods of cognition: dialectical, formal logical, comparative legal, systemic, analysis and synthesis. On the basis of these methods, the article indicates the specifics of the testimony of the accused, in contrast to the testimony of the victim and the witness. Firstly, the testimony of the accused is not only a source of evidence, but also a means of defense against the accusation. Secondly, the accused is the initial source of information about the circumstances of the crime imputed to them. The definition of false accusation is formulated as the testimony of the accused, falsely exposing another person to have committed a crime. The following signs of false accusation as a way of abuse of subjective right are noted: (1) the possibility of false accusation is conditioned by the right of the accused to testify; (2) the criminal procedure legislation does not contain a direct prohibition on this form of testifying; (3) false accusation is the realization of the right in contradiction with its purpose; (4) the intent of the person to exercise the right to testify in the form of slander; (5) the ability of a participant in a criminal proceeding to exercise the right granted to him/her in another legitimate way; (6) false accusation creates obstacles to the investigation of a crime, opposes the achievement of objective truth in the case. The result of the study is the formulation of how to respond to false accusation. The conclusion is made about the need to introduce a new crime. It is noted that for the accused a measure of criminal liability for false accusation will be their additional burden, including the case when they are subject to punishment for the “main” crime.

References

1. Andreeva, O.I., Zaytsev, O.A. & Emel'yanov, D.V. (2017) On the defender's abuse of right to protect and the methods of reacting of the officers to their inequitable conduct. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 14–19. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/4
2. Darovskikh, O.I. (2013) *Zloupotreblenie pravom v уголовном sudoproizvodstve Rossii* [Abuse of right in criminal proceedings in Russia]. Chelyabinsk: Tsitsero.
3. Divaev, A.B. (2017) Abuse of rights of parties to a criminal trial under adversariality. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 35–43. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/7
4. Trubnikova, T.V. (2015) Abuse of right in criminal proceeding: Criteria and state interference limits. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 3 (17). pp. 65–79. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/17/8
5. Baev, O.Ya. & Baev, M.O. (2014) *Zloupotreblenie pravom v dosudebnom proizvodstve po уголовным delam* [Abuse of right in pre-trial criminal proceedings]. Moscow: Prospekt.
6. Azarov, V.A. & Nurbaev, D.M. (2017) Correlation of the abuse of right and criminal procedural offenses. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 10. pp. 14–19. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/3
7. Grodzinskiy, M.M. (1953) *Kassatsionnoe i nadzornoe proizvodstvo v sovetskom уголовном protsesse* [Cassation and supervisory proceedings in the Soviet criminal procedure]. Moscow: Gosyurizdat.
8. Vladimirov, L.E. (1910) *Uchenie ob уголовnykh dokazatel'stvakh. Ch. Obshchaya i Osobennaya* [The doctrine of criminal evidence. General and Special Parts]. St. Petersburg: Izd-e knizhn. magazina “Zakonovedenie”.
9. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo уголовного protsessa. V 2 t.* [The course of the Soviet criminal procedure]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

10. Malinovskiy, A.A. (2007) *Zloupotreblenie sub"ektivnym pravom (teoretiko-pravovoe issledovanie)* [Subjective right abuse (theoretical and legal research)]. Moscow: Yurlitinform.
11. Perlov, I.D. (1955) *Sudebnoe sledstvie v sovetskom ugolovnom protsesse* [Court investigation in the Soviet criminal procedure]. Pt. 2. Moscow: Gosyurizdat.
12. Adamenko, V.D. (1982) Interesy obvinyaemogo v ugolovnom dele [Interests of the accused in a criminal case]. *Izv. vuzov. Pravovedenie*. 2. pp. 83–86.
13. Kasatkina, S.A. (2010) *Priznanie obvinyaemogo* [Confession of the accused]. Moscow: Prospekt.
14. Supreme Court of the Russian Federation. (1998) *Opredelenie Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 15 aprelya 1998 g. №1-D97-16 po delu Neznamova* [Decision of the Judicial Chamber on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1-D97-16 of 15 April 1998 in the Neznamov Case]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 4.
15. Vasin, A. & Nafiev, S. (1999) *Pravo na zashchitu – ne bespredel'no* [The right to defense is not infinite]. *Zakonnost'*. 4. pp. 5-7.
16. Constitutional Court of the Russian Federation. (2013) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 04.04.2013 № 661-0 "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Shagieva Nuryakhmata Nurykhanovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniyami stat'i 306 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 661-0 of 04 April 2013 "On refusal to accept complaints of citizen Nuryahmat Shagiev for violation of his constitutional rights by the provisions of Article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation"]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 6.
17. Shestakov, D.A. (ed.) (2003) *Ugolovnyy kodeks Federativnoy Respubliki Germanii* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany]. Translated from German by N.S. Rachkov. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
18. Serebryannikova, A.V. (ed.) (2002) *Ugolovnyy kodeks Shveytsarii* [Criminal Code of Switzerland]. Translated from German by A.V. Serebryannikova. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
19. Kuznetsova, N.F. & Reshetnikova, F.M. (eds) (1998) *Ugolovnyy kodeks Ispanii* [Penal Code of Spain]. Translated from Spanish by V.P. Zyryanov, L.G. Shnayder Moscow: Zertsalo.
20. Gom'en, D. (1998) *Evropeyskaya konventsiya o pravakh cheloveka i Evropeyskaya sotsial'naya khartiya: pravo i politika* [The European Convention on Human Rights and the European Social Charter: Law and Policy]. Moscow: Izd- vo MNIMP.

А.М. Косенко

О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЕ ПОЛУЧЕНИЯ ОБЪЯСНЕНИЙ

Полномочие получения объяснений при проверке сообщения о преступлении закреплено в ч. 1 ст. 144 УПК РФ словосочетанием «следователь... вправе получать объяснения». Процедура опроса уголовно-процессуальным законом не предусмотрена, в результате чего судебная практика не всегда признает полученные объяснения доказательствами по уголовному делу. В теории уголовного процесса проблема придания объяснениям доказательственного значения также до сих пор не разрешена. Анализ научных взглядов и следственно-судебной практики приводит к выводу о возможности в ряде случаев признавать объяснения доказательствами по уголовному делу, однако для этого уголовно-процессуальный закон должен предусмотреть правила, процедуру и форму получения объяснений. В противном случае полученные объяснения могут иметь лишь ориентирующее значение.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, объяснения, опрос, доказательства.

В настоящее время уголовно-процессуальный закон предусматривает значительный перечень следственных и иных процессуальных действий, совершаемых в стадии возбуждения уголовного дела (далее именуемых «проверочные действия»), но не во всех случаях закрепляет порядок их производства, вследствие чего судебная практика не всегда признает полученные сведения надлежащими доказательствами по уголовному делу. Так, при рассмотрении уголовного дела по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, суд отказался рассматривать в качестве доказательств обвинения объяснения подсудимого Г. и протокол осмотра этих объяснений, о чем прямо указал в приговоре. Апелляционная инстанция с позицией нижестоящего суда согласилась¹. Приведенный пример свидетельствует о безусловной правоте В.С. Балакшина, указавшего, что в законе должен быть «прописан четкий, основанный на здравом смысле механизм вовлечения объяснений в сферу уголовного судопроизводства, проверки, оценки их относимости, допустимости и достоверности, как и любого другого доказательства» [1, с. 126].

Полномочие получения объяснений закреплено в ч. 1 ст. 144 УПК РФ кратким словосочетанием – при проверке сообщения о преступлении следователь вправе получать объяснения.

Процесс получения объяснений, или применяемый в практике более удачный термин «опрос», представляет собой проверочное действие, заключающееся в интервьюировании опрашиваемого лица с целью получения сведений, касающихся предмета проверки сообщения о преступлении. Опрос аналогичен по своей сущности такому следственному действию, как допрос, а объяснения – показаниям. Как справедливо отметил В.Ю. Стельмах, «различия между ними имеют скорее формально-юридический характер и обусловлены особенностями нормативной регламентации, а не содержанием» [2, с. 148].

Опрос является самым распространенным проверочным действием. Изучение материалов проверок сообщений о преступлениях и уголовных дел, а также

собственная следственная практика позволяют сделать вывод, что опрос проводится в ходе каждой проверки сообщения о преступлении, по результатам которой принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела. В материалах уголовных дел объяснения отсутствуют в редких случаях, когда признаки преступления очевидны, данные об этих признаках получены из иных источников, а проверка сообщения о преступлении, результатом которой становится возбуждение уголовного дела, фактически не производится. Так, при обнаружении 11.11.2008 г. трупов двух женщин и пятилетнего ребенка с множественными колото-резаными ранениями туловища уголовное дело по п. «а», «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ возбуждено без получения каких-либо объяснений². Не потребовалось получать объяснения и после взрыва 28.02.2016 г. в шахте «Северная» (г. Воркута, Республика Коми), унесшего жизни 5 горноспасателей и 1 шахтера. Уголовное дело по ч. 3 ст. 216 УК РФ было возбуждено незамедлительно после обнаружения и поднятия на поверхность фрагментов тел погибших³ без производства каких-либо проверочных действий.

Как правило, объяснения необходимо получить у заявителей, пострадавших, если они не являются заявителями, очевидцев, лиц, в отношении которых проводится проверка. Объяснения можно получать и у иных лиц, например, обладающих специальными познаниями.

Объяснения, полученные с согласия опрашиваемого лица и в соответствии с процессуальным порядком, облеченные в установленную процессуальную форму, не только служат данными, указывающими на признаки преступления, но также могут являться доказательствами по уголовному делу, что следует из ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ.

Вместе с тем в доктрине сложились полярные точки зрения на доказательственную силу объяснений. Одни ученые ее отрицают [3, с. 41], другие допускают. При этом среди авторов, признающих объяснения доказательством, нет единого мнения, к какому виду доказательств их следует относить. Например, О.А. Чабукиа-

¹ Уголовное дело № 1-105/2016 // Архив Няганского городского суда ХМАО-Югры.

² Уголовное дело № 2-7/2010 (2-26/2009) // Архив Суда ХМАО-Югры.

³ Уголовное дело № 11602007703000044 // В производстве ГСУ СК России.

ни полагает возможным причислить объяснения к такому виду доказательств, как показания (путем уточнения данного термина в уголовно-процессуальном законе как «сведений, сообщенных не только на допросе, но и объяснении») [4, с. 78]. Е.Б. Гришина считает объяснения самостоятельным видом доказательств, что необходимо прописать в ст. 74 УПК РФ [5, с. 36–38]. В.М. Быков отнес объяснения к иным документам [6, с. 54–55]. Судебная практика идет по последнему пути и причисляет объяснения к иным документам¹.

Изучив указанные точки зрения, можно заключить следующее. Реализация первой концепции невозможна ввиду того, что показания даются подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим и свидетелем, т.е. отсутствующими в стадии возбуждения уголовного дела участниками уголовного судопроизводства. Внедрение в УПК РФ объяснений как самостоятельного вида доказательств также невозможно, поскольку в этом случае утрачивается разница между объяснениями и показаниями.

Отнесение объяснений к иным документам представляется процессуально обоснованным решением анализируемой проблемы. При этом стоит обратить внимание, что некоторые процессуалисты критикуют данную позицию, ссылаясь на то, что иные документы должны быть изготовлены вне рамок уголовного процесса лицом, не осуществляющим уголовное судопроизводство [7, с. 333]. Такие доводы представляются несостоятельными, поскольку не основаны на нормах уголовно-процессуального законодательства. Так, из ст. 84 УПК РФ следует, что иные документы допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для уголовного дела; иные документы должны быть получены, истребованы или представлены в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ. А названный порядок предусматривает собирание доказательств следователем путем производства следственных и иных процессуальных действий. Из этого следует, что объяснения, полученные следователем путем производства процессуального действия в стадии возбуждения уголовного дела, содержат в себе все признаки иного документа, установленные законом.

Вместе с тем нельзя обойти вниманием и доктринальные условия, соблюдение которых позволит отнести объяснения к доказательствам. Такие условия целесообразно закрепить в уголовно-процессуальном законе.

Во-первых, необходима подробная регламентация процедуры опроса и закрепления его результатов. Придание опросу необходимой процессуальной формы абсолютно необходимо для получения допустимых доказательств.

Во-вторых, нужно поддержать мнение процессуалистов, указывающих на использование объяснений в качестве доказательств не в сплошном порядке, а в

определенных случаях – когда после возбуждения уголовного дела в силу ряда объективных причин отсутствует возможность допросить ранее опрошенное лицо в соответствующем процессуальном статусе [8, с. 30]. Установление данного условия необходимо во избежание массовой подмены показаний доказательствами другого рода – объяснениями.

Перечень случаев, когда объяснения могут быть допущены в качестве доказательств по уголовному делу при отсутствии показаний опрошенных лиц, представляется целесообразным позаимствовать из ст.ст. 208 и 281 УПК РФ, а именно: смерть опрошенного лица или его временное тяжелое заболевание, удостоверенное медицинским заключением, препятствующее его участию в уголовном судопроизводстве (данный случай требует оговорки – если в период предварительного расследования или рассмотрения дела судом лицо выздоровело, оно должно быть допрошено следователем или судом соответственно); отказ опрошенного лица, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову следователя на допрос; место нахождения опрошенного лица в результате принятых мер не установлено; место нахождения опрошенного лица известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует.

Данный перечень необходимо дополнить особым правилом, в соответствии с которым объяснения лица могут быть признаны доказательством в случае последующего допроса этого лица в соответствующем статусе, если в объяснениях и показаниях имеются существенные противоречия. Последнее правило обусловлено ситуациями, когда имеются основания полагать, что существенное изменение допрошенным лицом ранее сообщенных сведений вызвано воздействием со стороны иных лиц (например, преступление совершается одним членом семьи против другого, а впоследствии потерпевший мирится с обвиняемым и желает воспрепятствовать предварительному расследованию, чтобы член его семьи не понес ответственность; в случаях подкупа или запугивания потерпевшего или свидетеля и т.д.). Необходимость использования объяснений в названных случаях обосновывается также в диссертационном исследовании А.В. Белоусова [9, с. 69–71].

Как известно, первоначальные объяснения, получаемые незамедлительно после поступления сообщения о преступлении, более правдоподобны, поскольку лицо, их дающее, как правило, имеет меньше возможностей для обдумывания оправдывающей себя или другого лица версии, еще не подвержено воздействию иных лиц, склоняющих его к искажению сообщаемых сведений. Так, 19.12.2015 г. С-в в ходе конфликта со своей супругой С-вой совершил поджог хранившегося в их жилом помещении спирта. В результате пожара С-ва получила телесные повреждения в виде ожогов, также огнем было повреждено имущество соседей. В ходе опроса с применением видеосъемки С-ва пояснила, что С-в умышленно совершил поджог на почве ревности, высказывая при этом угрозу убийством. Органом предварительного следствия действия С-ва были квалифицированы по ч. 1 ст. 119, ч. 2 ст. 167 УК РФ. В дальнейшем, при допросе в качестве потерпевшей, С-ва

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 723-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского областного суда от 04.06.2013 № 22-3771/13 // СПС «КонсультантПлюс».

показала, что угроз убийством С-в ей не высказывал, а спирт воспламенился в результате его неосторожных действий, те же показания были даны С-вой в суде. Суд не принял первоначальных объяснений в качестве допустимого доказательства, в результате чего государственный обвинитель отказался от обвинения по ч. 1 ст. 119 УК РФ, действия С-ва были признаны судом неосторожными и переqualificированы по ст. 168 УК РФ¹. Таким образом, при наличии существенных противоречий в объяснениях и показаниях одного и того же лица возможность исследования объяснений в качестве доказательств по уголовному делу и их оценки в совокупности с другими доказательствами имеет важное значение для рассмотрения уголовного дела по существу.

В процессуальной литературе встречается точка зрения, согласно которой следователю надлежит в каждом случае выносить постановление о приобщении объяснения к уголовному делу в качестве «иного документа» [10, с. 217]. С такой позицией трудно согласиться, поскольку, во-первых, уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает вынесения подобного решения, во-вторых, просто нецелесообразно тратить время на вынесение не предусмотренных УПК РФ решений и загромождать уголовное дело излишними документами. Представляется, что достаточно сослаться на объяснение как иной документ в обвинительном заключении.

Процессуальное регулирование анализируемого проверочного действия ограничивается словосочетанием «вправе получать объяснения», а также общей для всех проверочных действий нормой ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, в соответствии с которой лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности и обеспечивается возможность осуществления этих прав. Вместе с тем такое важное полномочие, посредством реализации которого могут собираться доказательства по уголовному делу, требует подробного процессуального закрепления.

Поскольку опрос по существу аналогичен допросу, то и порядок его производства должен быть аналогичен порядку производства допроса. При этом меры государственного принуждения не должны применяться, что объясняется спецификой стадии возбуждения уголовного дела. В связи с изложенным не представляется возможным согласиться с мнением некоторых процессуалистов, предлагающих на законодательном уровне закрепить процессуальный порядок вызова для дачи объяснения и правовые гарантии явки граждан [11, с. 155]. По той же причине видится некорректной норма п. 4 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 28.12.2010 г. № 403 «О Следственном комитете Российской Федерации»², согласно которой сотрудник Следственного комитета вправе вызывать должностных и иных лиц для объяснений. Аналогичная норма содержится и в п. 3 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»³.

В уголовно-процессуальном законе целесообразно предусмотреть следующие правила. Опрос по общему правилу проводится с согласия опрашиваемого лица по месту производства проверки сообщения о преступлении либо по месту нахождения опрашиваемого лица. В практической деятельности граждане вызываются для опроса повестками, что противоречит добровольному характеру участия граждан в проверочных действиях. Более приемлемым было бы направление уведомления с предложением прибыть в конкретное время и место для опроса. Регулировать длительность опроса не представляется необходимым, поскольку это проверочное действие может производиться, пока опрашиваемое лицо выражает свое согласие давать объяснения. Исключением являются опросы несовершеннолетних, длительность производства которых в зависимости от возраста опрашиваемых должна соответствовать правилам ст. 191 УПК РФ, регулирующей особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетних.

Перед началом опроса следователь обязан разъяснить опрашиваемому лицу его права. Опрос проводится по правилам, установленным ст. 189 УПК РФ. Также законодательному закреплению подлежит обязанность следователя в соответствующих случаях обеспечить участие в опросе переводчика, законного представителя недееспособного или несовершеннолетнего, педагога, психолога, на что неоднократно обращалось внимание в науке [12, с. 29]. Справедливости ради необходимо отметить, что, несмотря на отсутствие законодательной регламентации участия названных лиц в проверочных действиях, в практической деятельности при возникновении необходимости следователи привлекают переводчиков, ибо в противном случае проведение опроса лица, не владеющего русским языком, просто невозможно. Также на практике участие при опросе несовершеннолетнего его законного представителя является устоявшимся правилом, которое нарушается лишь в редких случаях. Вместе с тем широкое практическое распространение названных обязанностей следователя не влияет на необходимость их закрепления в законе.

Право следователя не допустить к участию в опросе несовершеннолетнего его законного представителя и (или) представителя, если это противоречит интересам несовершеннолетнего, направлено на обеспечение прав и законных интересов опрашиваемого несовершеннолетнего и должно быть прописано в уголовно-процессуальном законе.

В настоящее время ход и результаты опроса отражаются в документах, именуемых «объяснение», «протокол объяснения», «протокол получения объяснения», «протокол опроса». В ходе изучения материалов проверок и уголовных дел было установлено не менее полутора десятков форм указанных документов. Данная правовая реальность должна быть изжита. Учитывая универсальную для уголовного судопроизводства форму протокола, последнее наименование представляется более удачным. Протокол опроса необходимо составлять по правилам ст. 190 УПК РФ.

Также необходимо отметить имеющие место в практической деятельности случаи получения объяснений,

¹ Уголовное дело № 1-191/2016 // Архив Няганского городского суда.

² Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

³ Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

оформляемых в форме справок или рапортов. Такие случаи имеют место при опросе «по телефону», когда личная встреча следователя и опрашиваемого лица невозможна вследствие нахождения последнего, например, в труднодоступной местности или отдаленном населенном пункте, когда опрашиваемое лицо дает пояснения, но не желает подписывать протокол опроса и т.д. В этих случаях следователь оформляет рапорт или справку, где отражает содержание беседы с опрашиваемым лицом, а также причины невозможности составления протокола опроса. Полученные таким образом объяснения не могут являться доказательствами, поскольку не облечены в процессуальную форму, однако могут служить данными, указывающими на наличие либо отсутствие признаков преступле-

ния. Для таких случаев справедлив тезис Е.А. Доля о том, что сведения, полученные при проверке сообщения о преступлении, предназначены для решения вопроса о наличии либо отсутствии признаков преступления, а не для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [13, с. 43–46].

Таким образом, соглашаясь с Р.С. Белкиным, разделившим информацию на доказательственную и ориентирующую [14, с. 237], необходимо констатировать, что в результате закрепления в уголовно-процессуальном законе правил, процедуры и формы опроса и их соблюдения полученные объяснения приобретают доказательственное значение, в противном случае – лишь ориентирующее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакишин В.С. Объяснение как доказательство в уголовном и административном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 124–126.
2. Стельмах В.Ю. Объяснения в уголовном судопроизводстве: правовая природа, процессуальный порядок получения, доказательственное значение // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26, вып. 5. С. 148–157.
3. Каретников А.С., Коретников С.А. Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // Законность. 2014. № 7. С. 37–42.
4. Чабукиани О.А. Получение объяснения в ходе первоначальной проверки сообщений о преступлении // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3. С. 75–81.
5. Гришина Е.Б. Роль объяснений в системе доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Наука и практика. 2015. № 2. С. 36–38.
6. Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 52–66.
7. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие. М. : Высшее образование, 2009. 344 с.
8. Кудрявцева Т.Г., Кожухарик Д.Н. О допустимости в уголовном процессе объяснений в качестве доказательств // Российский следователь. 2014. № 5. С. 28–30.
9. Белоусов А.В. Проблема фиксации доказательств в досудебных стадиях уголовного процесса России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 200 с.
10. Соколовская Н.С., Чаднова И.В. К вопросу об использовании в доказывании по уголовному делу объяснений граждан // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 214–218.
11. Стаценко В.Г. Объяснение как способ проверки сообщения о преступлении // Матрица научного сознания. 2017. № 11. С. 154–156.
12. Белоусов А.В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. М. : Юрлитинформ, 2001. 173 с.
13. Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6. С. 43–46.
14. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : Инфра-М : НОРМА, 2001. 240 с.

The Form of Action for Obtaining Explanations

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 75–79. DOI: 10.17223/23088451/13/14

Andrey M. Kosenko, Nyagan Inter-District Department of the Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Khanty-Mansi Autonomous District – Yugra (Nyagan, Russian Federation). E-mail: Kosenko_am@mail.ru

Keywords: initiation of criminal case, explanations, interviewing, evidence.

Since interviewing is essentially similar to interrogation, its procedure should be similar to the interrogation procedure. At the same time, measures of state coercion should not be applied, which is explained by the specifics of the stage of initiation of a criminal case. In the criminal procedure law, it is advisable to provide the following rules. Interviewing as a general rule is carried out with the consent of the interviewed person at the place of verification of a message about a crime or at the location of the interviewed person. In practice, citizens are summoned for interviewing, which contradicts the voluntary nature of citizens' participation in verification activities. It would be more acceptable to send a notice with a proposal to arrive for interviewing at a specific time and place. It does not seem necessary to regulate the duration of interviewing since it can last as long as the interviewed person agrees to give explanations. The exception is interviews of minors, the duration of which, depending on the age of the interviewed, must comply with the rules of Article 191 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating the peculiarities of investigative actions involving minors.

References

1. Balakshin, V.S. (2012) Explanation as evidence in criminal and administrative proceedings. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 5. pp. 124 – 126. (In Russian).
2. Stel'makh, V.Yu. (2016) Explanations in criminal proceedings: the legal nature, procedural order of receipt, evidential significance. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*. 26 (5). pp. 148 – 157. (In Russian).
3. Karetnikov, A.S. & Koretnikov, S.A. (2014) Sledstvennye deystviya kak sposoby proverki soobshcheniya o prestuplenii [Investigative actions as a means of checking a crime report]. *Zakonnost'*. 7. pp. 37–42.

4. Chabukiani, O.A. (2013) Getting representations during the Initial check of offence report. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 3. pp. 75 – 81;
5. Grishina, E.B. (2015) Rol' ob'yasneniy v sisteme dokazatel'stv na stadii возбуждения уголовного дела [The role of explanations in the system of evidence at the stage of initiating a criminal case]. *Nauka i praktika*. 2. pp. 36–38.
6. Bykov, V.M. (2006) Problemy stadii возбуждения уголовного дела [Problems of the criminal case initiation]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 7. pp. 52 – 66;
7. Lazareva, V.A. (2009) *Dokazyvanie v уголовном процессе* [Proving in the criminal procedure]. Moscow: Vysshee Obrazovanie.
8. Kudryavtseva, T.G. & Kozhukharik, D.N. (2014) On admissibility of explanations as evidence in the criminal procedure. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 5. pp. 28–30. (In Russian).
9. Belousov, A.V. (2001) *Problema fiksatsii dokazatel'stv v dosudebnykh stadiyakh уголовного процесса России* [The problem of fixing evidence in the pretrial stages of the criminal procedure in Russia]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. Sokolovskaya, N.S. & Chadnova, I.V. (2017) On the use of citizens' explanations in proving in a criminal case. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 417 pp. 214 – 218. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/417/31
11. Statsenko, V.G. (2017) Ob'yasnenie kak sposob proverki soobshcheniya o prestuplenii [Explanation as a way to verify a crime report]. *Matritsa nauchnogo soznaniya*. 11. pp. 154–156.
12. Belousov, A.V. (2001) *Protsessual'noe zakreplenie dokazatel'stv pri rassledovanii prestupleniy* [Procedural consolidation of evidence in the investigation of crimes]. Moscow: Yurlitinform. 173 s.;
13. Dolya, E.A. (2013) Osobennosti dokazyvaniya pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoy forme [Features of proof in the production of inquiries in a fast-track form]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 6. pp. 43–46.
14. Belkin, R.S. (2001) *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki* [Forensics: the problems of today. Topical issues of Russian forensics]. Moscow: Infra-M-NORMA.

Е.В. Носкова, Е.М. Шелгачев

**ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА
К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Исследованы международно-правовые и внутригосударственные нормативные предпосылки внедрения элементов восстановительного правосудия в осуществление правосудия по делам несовершеннолетних; проводится анализ научных подходов и позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации; выявляются препятствия для внедрения медиативных техник в осуществление правосудия по делам несовершеннолетних.

Ключевые слова: *восстановительное правосудие как дополнение уголовно-процессуальной формы, применение восстановительного подхода к осуществлению правосудия по делам несовершеннолетних.*

Понятие ювенальной юстиции включает в себя особый порядок, отдельную систему судов для подростков (ювенальных судов), а также совокупность идей, концепций социальной защиты и реабилитации несовершеннолетних правонарушителей [1, с. 618]. Приведенное определение неоднозначно, в нем понятие «ювенальная юстиция» ассоциируется в основном с личностью несовершеннолетнего правонарушителя, при этом из смыслового контекста как бы выпадает потерпевший.

На практике конфликтная ситуация может развиваться как между ровесниками, так и с участием несовершеннолетних и взрослых людей. Особенности психического развития, социального становления и прочие возрастные особенности несовершеннолетнего часто приводят к нарушению моральных, этических норм общества, способных перерасти впоследствии в преступления против различных объектов уголовно-правовой охраны. Преступление влечет за собой наказание, а наказание как мера воздействия на личность несовершеннолетнего правонарушителя по смыслу ст. 43 Уголовного кодекса России призвано нести воспитательное воздействие, предупреждать развитие асоциального поведения, повторное совершение преступлений. Длительный период времени отечественное судопроизводство в части применения мер ответственности несовершеннолетнего правонарушителя не предусматривало использования восстановительного подхода.

В то же время личности несовершеннолетнего правонарушителя в современном отечественном законодательстве уделялось значительное внимание. Стремление законодателя следовать рекомендациям международного сообщества наглядно демонстрирует процесс реализации Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [2]. Данный документ ориентирует на то, чтобы дела несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) по возможности не доводились до суда, а прекращались правоохранительными органами, ведущими досудебное производство.

Вопреки стремлениям к лучшему слепое заимствование зачастую приводит к худшим результатам, так как влечет нарушение принципов уголовного судопроизводства, а также вызывает чувство безнаказанности у несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых).

С.Ю. Солонина в ходе поведенного анализа отдельных проблем прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) [5, с. 74] приходит к выводу, что учет интересов участников судопроизводства сбалансирован в сторону несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). В этом случае сутью и мерилom примирения сторон в уголовном деле становится возмещение материального вреда, причиненного потерпевшему, по сути, перерастающее в сделку между сторонами конфликта, на досудебных стадиях производства по уголовному делу.

Вместе с тем, реализуя данное право, в том числе отказываясь от уголовного преследования отдельных категорий лиц, государство не должно ограничивать незыблемые конституционные права человека и гражданина, включая закрепленные в ч. 1 ст. 46, а также в ст. 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений, которые, по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, не подлежат ограничению.

Для эффективного развития идеи восстановительного правосудия в российском уголовном процессе вообще и института примирения сторон в частности необходимо, чтобы в ходе прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон должным образом соблюдались существующие принципы уголовного материального и процессуального права: принцип осуществления правосудия только судом (ст.ст. 47, 118 Конституции РФ, ст. 8 УПК РФ); презумпция невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ); свобода оценки доказательств (ст. 120 Конституции РФ, ст. 17 УПК РФ); неотвратимость уголовной ответственности (выводится посредством толкования из содержания ст. 8 УК РФ).

По нашему мнению, современные проблемы института примирения сторон коренятся в несоблюдении принципов уголовного и уголовно-процессуального права, а зачастую их исключении из процесса производства по уголовному делу. В норме, предусмотренной ст. 25 УПК РФ, не в полной мере соблюдается принцип осуществления правосудия только судом. Кроме того, если процесс примирения происходит на досудебных стадиях уголовного производства и вина обвиняемого в совершении преступления не будет доказана в порядке, предусмотренным федеральным законом, и установлена в законную силу приговором су-

да, нарушается основной принцип презумпции невиновности, в соответствии с которым обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

В этой связи Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ в УПК РФ была введена ст. 25.1, на основании которой право прекращения уголовного дела или уголовного преследования осуществляется как по инициативе суда, так и на основании ходатайства следователя, дознавателя, но только судом. Часть 2 ст. 25.1. УПК РФ допускает прекращение уголовного дела в любой момент производства по уголовному делу в связи с примирением сторон до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, если стороны до этого момента не пришли к мировому соглашению.

Аналогичный подход следовало бы распространить и на институт прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, однако законодатель на этот раз ограничился уполномочиванием суда на новую форму участия в досудебном производстве. В любом случае такой подход к распределению уголовно-процессуальных функций видится наиболее удачным, так как функция разрешения уголовного дела принадлежит именно суду, а не органам предварительного расследования, как это предусмотрено в ст. 25 УПК РФ.

При новом подходе не вызывает сомнений соблюдение принципа уголовного судопроизводства, отраженного в ст. 8 УПК РФ, в соответствии с которым «только суд уполномочен осуществлять правосудие по уголовному делу, и только по приговору суда человек может быть признан виновным в совершении преступления, а подсудимого нельзя лишить права рассмотрения его уголовного дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено УПК РФ».

Научные дискуссии по вышеприведенному принципу уголовного судопроизводства актуализируют вопрос, совместим ли процесс примирения и признания обвиняемого виновным. Ставятся в зависимость защита интересов потерпевшего и оправдательный приговор обвиняемому в случае процесса примирения.

По мнению О.В. Волколуп, «если он признан виновным, то форма реагирования понятна – необходимо применять меры уголовного наказания. Если вопрос о виновности не ставится, то очевидно, что последствий в виде уголовной репрессии быть не может и государство бессильно предпринять какие-либо меры в защиту интересов потерпевшего» [4, с. 230]. Такие опасения по поводу, какие меры предпримет государство, компенсируются тем, что действующая редакция п. 1 ст. 25.1 УПК РФ предусматривает, что если обвиняемый возместил ущерб или иным образом загладил причиненный преступлением вред, то ему назначается мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Если обвиняемый отказался от возмещения ущерба, то государство вправе отреагировать на преступление путем привлечения его к уголовной ответственности. При этом соблюдаются принципы уголовного права, в первую очередь принцип неотвратимости уголовной ответственности. В то же время возможность прекра-

щения уголовного дела в связи с примирением сторон вкупе с особенностями практики реализации уголовно-правового института освобождения от уголовной ответственности демонстрируют свою несостоятельность с точки зрения защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1. ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Об этом косвенно свидетельствует рост количества рецидивной преступности. Так, по данным МВД России, в 2003–2006 гг. удельный вес преступлений, совершенных лицами, имеющими судимость, составлял 25–30%; с 2007 г. процент увеличивался ежегодно и в 2013 г. составил 49,6%, в 2014 – 53,1%, в 2015 уже 55,1%, а в январе–апреле 2016 г. 56,2% расследованных МВД РФ преступлений совершено лицами, ранее привлеченными к уголовной ответственности [5].

При этом примечательно, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации дает разъяснение, согласно которому, если лицо ранее было освобождено от уголовной ответственности, то в случае совершения им нового преступления оно считается лицом, впервые совершившим преступление, соответственно, в отношении него можно прекратить уголовное дело и (или) преследование в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием [6]. Получается, что уголовная ответственность не будет реализована ни в форме наказания и осуждения, ни в форме применения иных мер уголовно-правового воздействия, ни судимости. Следовательно, допускается неоднократное прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Такое положение вещей, думается, совершенно не будет способствовать предупреждению совершения несовершеннолетними повторных преступлений из-за сформировавшегося чувства безнаказанности в отношении таких подозреваемых (обвиняемых).

Сложившаяся практика, на наш взгляд, не только не способствует реализации назначения уголовного судопроизводства, но и не направлена на решение задач восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних. Она не позволяет реализовать ни воспитательную, ни превентивную функции уголовного судопроизводства.

С учетом формирующейся правоприменительной практики можно в качестве компромисса предложить внести в УПК РФ положение, предписывающее в отношении несовершеннолетних правонарушителей, совершивших преступление небольшой и средней тяжести, ранее не осуждавшихся и не освобождавшихся от уголовной ответственности, использовать термин «фактически впервые» вместо толкования понятия «лицо, впервые совершившее преступление». При наличии оснований, предусмотренных в ст.ст. 25, 28 УПК РФ и ст.ст. 75, 76 УК РФ, уголовное дело и (или) уголовное преследование должны прекращаться в обязательном порядке в любой момент производства по уголовному делу до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

На несовершеннолетнего правонарушителя, фактически впервые совершившего правонарушение, в ходе судебного процесса оказывается морально-воспитательное воздействие выяснением мнения о прекраще-

нии уголовного преследования не только лично его, но и законных представителей (обвиняемого и потерпевшего). Поэтому выяснение мнения законных представителей, несовершеннолетнего обвиняемого о возможности прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям воспринимается положительно. По поводу мнения ответственных работников можно поинтересоваться в [7, с. 28].

Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, согласно ст. 25.1 УПК РФ допускается по инициативе суда, следственных органов и дознавателей с согласия прокурора при условии возмещения ущерба потерпевшему. На этом законные права потерпевшего как бы соблюдаются, а мнение потерпевшего по прекращению уголовного дела в отличие от подозреваемого или обвиняемого (ч. 2 ст. 27) не выясняется. По мнению исследователей, в частности Е.А. Артамонова, требуется законодательно закрепить согласие потерпевшего в качестве необходимого условия для прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям [8]. Думается, такое предложение позволит сбалансировать права обвиняемого и потерпевшего, что, по нашему мнению, положительно отразится на реализации восстановительного подхода к осуществлению правосудия.

На основании вышеизложенного можно сделать ряд выводов.

Во-первых, правило о возможности прекращения уголовного дела или уголовного преследования как по инициативе суда, так и на основании ходатайства следователя, дознавателя, но только судом, регламентированное в ст. 25.1 УПК РФ, следует распространить на

институт прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон.

Во-вторых, несмотря на то, что законодатель ограничился уполномочиванием суда на новую форму участия в досудебном производстве, такой подход к распределению уголовно-процессуальных функций видится наиболее удачным, так как функция разрешения уголовного дела принадлежит именно суду, а не органам предварительного расследования, как это предусмотрено в ст. 25 УПК РФ.

В-третьих, предоставление возможности прекращения уголовного дела только суду призвано способствовать реализации ряда принципов уголовного материального и процессуального права, таких как осуществление правосудия только судом, презумпция невиновности, свобода оценки доказательств, неотвратимость уголовной ответственности и др.

В-четвертых, с учетом сложившейся судебной практики можно в качестве компромисса предложить внести в УПК РФ положение, предписывающее в отношении несовершеннолетних правонарушителей, совершивших преступление небольшой и средней тяжести, ранее не осуждавшихся и не освобождавшихся от уголовной ответственности, использовать термин «фактически впервые», вместо толкования понятия «лицо, впервые совершившее преступление».

В-пятых, законодательно следует закрепить согласие потерпевшего в качестве необходимого условия для прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям. Думается, такое предложение позволит сбалансировать права обвиняемого и потерпевшего, что, по нашему мнению, положительно отразится на реализации восстановительного подхода к осуществлению правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большой юридический словарь* / под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М. : Инфра-М, 2007. 858 с.
2. *Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)* : (приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // *Международные акты о правах человека* : сб. документов. М. : НОРМА-ИНФА, 2000.
3. *Солонина С.Ю.* О некоторых дискреционных основаниях прекращения уголовного дела в отношении несовершеннолетних // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2014. Вып. 3 (30). С. 71–75.
4. *Волколуп О.В.* Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 267 с.
5. *Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации*. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/7755683/> (дата обращения: 15.04.2019).
6. *О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.09.2017).
7. *Овсянников И.В., Солонина С.Ю.* Совершенствование процессуального порядка прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием несовершеннолетних // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2015. Вып. 2 (30). С. 26–31.
8. *Артамонова Е.А.* Права потерпевшего и права обвиняемого в уголовном судопроизводстве должны быть сбалансированы // *Российская юстиция*. 2001. № 2. С. 24–28.

The Usability of a Restorative Approach to the Implementation of Criminal Proceedings

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 80–83. DOI: 10.17223/23088451/13/15

Elena V. Noskova, West-Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Egor M. Shelgachev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: restorative justice as complement to criminal procedure form, use of restorative approach to juvenile justice.

The rule about the possibility of termination of a criminal case or criminal prosecution both at the initiative of the court and on the basis of a petition by the investigator or the inquirer but only by the court should extend to the termination of the criminal case in connection

with the reconciliation of the parties. The possibility to terminate a criminal case only by the court is intended to facilitate the implementation of a number of principles of criminal substantive and procedural law: the administration of justice only by the court, the presumption of innocence, the freedom to assess evidence, the inevitability of criminal responsibility and others. Considering the prevailing court practice, as a compromise, it is possible to propose a provision in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation that would refer to minors who have committed a minor or moderate crime and who have not previously been convicted or released from criminal responsibility as “really first offender” rather than as “first offender”. The law should secure the consent of the victim as a necessary condition for the termination of the criminal case (prosecution) on non-rehabilitating grounds. Such a proposal would balance the rights of the accused and the victim, which will have a positive impact on the implementation of the restorative approach to the administration of justice.

References

1. Sukharev, A.Ya. (ed.) (2007) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Large legal dictionary]. 3rd ed. Moscow: Infra-M.
2. Kartashkin, V.A. & Lukasheva, E.A. (eds) (2000) Minimal'nye standartnye pravila Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy, kasayushchiesya otpravleniya pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh (Pekinskie pravila): (prinyaty 29.11.1985 Rezolyutsiey 40/33 na 96-m plenarnom zasedanii General'noy Assamblei OON) [United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (The Beijing Rules): (adopted on 29 November 1985 by Resolution 40/33 at the 96th plenary meeting of the UN General Assembly)]. In: *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka: sb. dokumentov* [International Acts on Human Rights: Documents]. Moscow: NORMA-INFA.
3. Solonina, S.Yu. (2014) Some grounds of discretionary termination of criminal proceedings on juvenile delinquents. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii – Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest*. 3 (30). pp. 71–75. (In Russian).
4. Volkolup, O.V. (2003) *Sistema ugovnogo sudoproizvodstva i problemy ee sovershenstvovaniya* [The system of criminal justice and the problems of its improvement]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
5. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2019) *Sostoyaniye prestupnosti* [State of crime]. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/7755683/>. (Accessed: 15.04.2019).
6. Russian Federation. (2013) *O primeneniі sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobodzheniya ot ugovnoy otvetstvennosti: postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.06.2013 № 19* [On the application by courts of laws regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of 27 June 2013]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 13.09.2017).
7. Ovsyannikov, I.V. & Solonina, S.Yu. (2015) Perfection of procedural order the termination of criminal proceedings against minors in connection with the reconciliation of the parties, or active repentance. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii – Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest*. 2 (30). pp. 26–31. (In Russian).
8. Artamonova, E.A. (2001) Prava poterpевshogo i prava obvinяемого v ugovnom sudoproizvodstve dolzhny byt' sbalansirovany [The rights of the victim and the rights of the accused in criminal proceedings must be balanced]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2. pp. 24–28.

А.А. Рукавишникова

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Рассматривается вводимый в связи с созданием окружных кассационных судов общей юрисдикции дифференцированный порядок производства в суде кассационной инстанции. Выделяются и анализируются различные виды производства в суде кассационной инстанции. Исследуются проблемы процессуальной регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве вводимой «сплошной кассации». Проводится анализ соответствия вводимых видов производства в суде кассационной инстанции обозначенным задачам реформы системы обжалования и проверки судебных решений. Поднимается проблема определения места нового производства в системе производства в суде кассационной инстанции в системе проверки и обжалования судебных решений в уголовном процессе.

Ключевые слова: *производство в суде кассационной инстанции, реформа системы обжалования и проверки судебных решений, окружные кассационные суды общей юрисдикции, дифференциация производства в суде кассационной инстанции.*

Задачами реформы системы обжалования и проверки судебных решений 2018 г. являются: во-первых, обеспечение принципа инстанционности при построении и функционировании системы обжалования и проверки судебных решений; во-вторых, создание организационно обособленных судебных инстанций в целях максимального обеспечения их независимости и самостоятельности при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб и представлений на судебные постановления, деятельность которых не будет осуществляться в том же субъекте Российской Федерации и тем более в том же суде, которым дело рассматривалось в первой инстанции, т.е. внедрение принципа экстерриториальности; в-третьих, обеспечение оптимизации в распределении нагрузки при осуществлении правосудия по первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанциям, а также при пересмотре уголовного дела по новым и вновь открывшимся обстоятельствам; в-четвертых, обеспечение экстраординарно-го характера надзорного производства [1].

В качестве задач реформы определяются также обеспечение доступности обжалования судебных решений и создание такой системы обжалования и проверки судебных решений (по аналогии с системой арбитражных судов), где один суд выполняет одну инстанцию. Отмечается, что предлагаемый закон станет важным шагом на пути совершенствования российской судебной системы, позволит обеспечить принципиально новый уровень независимости суда и эффективности правосудия. Представленные законодательные изменения приведут к существенному повышению доверия общества к суду, сделают систему судов общей юрисдикции, построенную по принципу «один суд – одна инстанция», более прозрачной и понятной для граждан и организаций [2].

Эти задачи должны быть решены путем создания окружных кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции [3]. Судебностроительные изменения потребовали системы судопроизводственных изменений, в связи с чем был принят ряд законов с отложенным действием. Не оценивая в целом производимую

реформу и возможные последствия, проанализируем лишь те изменения, которые коснулись производства в суде кассационной инстанции.

Судебностроительные изменения не реализовали идею «один суд – одна инстанция» (по аналогии с его реализацией в системе арбитражных судов). С октября месяца будут функционировать две кассационные инстанции. Новая двухуровневая система кассационных инстанций предполагает первую кассационную инстанцию – это самостоятельный специализированный окружной кассационный суд общей юрисдикции (их предусмотрено 9 согласно созданным округам), а вторая кассационная инстанция – Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ.

Судебностроительные изменения вызвали необходимость внесения изменений в уголовно-процессуальную форму, регламентирующую производство в суде кассационной инстанции.

Законодатель отказался от единого порядка производства в суде кассационной инстанции, закрепил дифференцированный порядок производства в суде кассационной инстанции и предусмотрел несколько его видов.

Первый вид можно выделить в зависимости от того, сколько кассационных инстанций предусмотрено для обжалования судебного решения. Так, для ряда решений предусмотрено последовательное обжалование в рамках двух кассационных инстанций (судебная коллегия по уголовным делам окружного кассационного суда общей юрисдикции и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ). К таким решениям относятся:

- итоговые и промежуточные решения мирового судьи;
- итоговые и промежуточные решения районного суда;
- итоговые и промежуточные решения суда субъекта (за исключением итоговых решений, вынесенных им по первой инстанции, и итоговых решений окружного апелляционного суда, вынесенных по итогам обжалования таких решений);
- итоговое и промежуточное решение окружного апелляционного суда общей юрисдикции.

Для таких решений, как итоговые решения суда субъекта, вынесенные им по первой инстанции, и итоговые решения окружного апелляционного суда, вынесенные по итогам обжалования таких решений, а также для определений судебной коллегии по уголовным делам кассационного суда общей юрисдикции предусмотрена возможность обжалования в рамках единственной кассационной инстанции – Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. Такие виды производства в суде кассационной инстанции можно назвать одноинстанционным и двухинстанционным производствами в суде кассационной инстанции.

Учитывая сложность уголовных дел, рассматриваемых по первой инстанции судами субъектов РФ, вряд ли оправданно было оставлять их без возможности проверки в кассационном порядке в рамках двух инстанций. Можно предположить, что производство в суде надзорной инстанции на практике может быть предназначено не только для выполнения исключительно собственной роли судебной инстанции, обеспечивающей единообразное применение и толкование закона, правовую определенность судебных решений и судебной практики, но и для выполнения роли второй кассационной инстанции *de facto*.

В зависимости от порядка подачи кассационных жалоб (представлений) можно выделить производство в суде кассационной инстанции, где кассационная жалоба (представление) подается через суд первой инстанции или непосредственно в суд кассационной инстанции. Установление возможности подачи кассационной жалобы (представления) через суд первой инстанции призвано обеспечить доступность кассационного производства для участников процесса в силу территориальной отдаленности нахождения кассационных окружных судов общей юрисдикции. Из-за территориальной отдаленности судебная система, в том числе и применительно к проверочным судебным инстанциям, становится менее доступной, а право на обжалование судебного решения – фактически необеспеченным и иллюзорным.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ (в редакции ФЗ № 361-ФЗ) кассационные жалобы (представления) на приговор или иное итоговое судебное решение мирового судьи, районного суда, суда субъекта, вынесенное в апелляционном порядке, – если указанные судебные решения обжалуются в судебную коллегию по уголовным делам соответствующего кассационного суда общей юрисдикции, итоговое судебное решение суда субъекта, вынесенное им по первой инстанции, а также итоговое решение апелляционного окружного суда, вынесенное по итогам обжалования такого решения, – если указанные судебные решения обжалуются в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ, подаются через суд первой инстанции.

Таким образом, через суд первой инстанции подаются кассационные жалобы (представления) на итоговые судебные решения, которые обжалуются в судебную коллегию по уголовным делам кассационного окружного суда общей юрисдикции (как первую кассационную инстанцию), и кассационные жалобы (пред-

ставления) на итоговые судебные решения, для которых предусмотрена единственная кассационная инстанция – Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ.

В ст. 401.7 УПК РФ (в редакции ФЗ № 361-ФЗ) предусмотрен ряд полномочий, которые выполняет суд первой инстанции при поступлении кассационных жалоб (представлений). Так, суд первой инстанции извещает о поступивших кассационных жалобах (представлениях) лиц, интересы которых затрагиваются такими жалобами (представлениями), с разъяснением права подачи на эти жалобы (представления) возражений в письменном виде с указанием срока их подачи и направляет им копии жалобы, представления, а также возражений на них (возражения, поступившие на жалобу (представление), которые приобщаются к материалам уголовного дела); разрешает ходатайства лиц, связанные с их участием в судебном заседании суда кассационной инстанции; после выполнения вышеперечисленных действий направляет уголовное дело с поступившими кассационными жалобой (представлением) и возражениями на них в суд кассационной инстанции, о чем сообщается сторонам.

Возникает вопрос об обжаловании действий суда первой инстанции, действующего как бы в рамках производства в суде кассационной инстанции и выполняющего полномочия, предусмотренные ст. 401.7 УК РФ (в редакции ФЗ № 361-ФЗ). Положения Федерального закона № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» не содержат никаких указаний по этому поводу [4]. В теории и практике предлагается закрепить апелляционный порядок обжалования таких действий (бездействия) и решений суда первой инстанции.

Выполняя требования ст. 401.7 УПК РФ (в редакции ФЗ № 361-ФЗ), суд осуществляет отдельные процессуальные действия по подготовке судебного заседания суда кассационной инстанции, которые отнесены к компетенции суда первой инстанции. Обжалование таких действий суда первой инстанции в апелляционном порядке нарушает принцип инстанционности (нижестоящий суд в апелляционном порядке проверяет решение суда, действующего от имени вышестоящего). Такая ситуация способна породить существование множества проверочных параллельных производств (апелляционных и кассационных) и негативно сказаться на правовой определенности.

Все промежуточные судебные решения, итоговые решения мирового судьи, районного суда, суда субъекта, вынесенные в апелляционном порядке, определения судебной коллегии по уголовным делам окружного кассационного суда, вынесенные по итогам обжалования таких решений, если они обжалуются в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ, подаются непосредственно в суд кассационной инстанции (ч. 3 ст. 401.3 УПК РФ в редакции ФЗ № 361-ФЗ).

Анализ положений процессуального закона показывает, что обозначенная доступность кассационного обжалования обеспечивается исключительно при обжаловании итоговых решений и исключительно применительно к первой кассационной инстанции. Представля-

ется, что для обычного гражданина, участвующего в уголовном процессе, достаточно сложно разобраться в таких нюансах подачи кассационной жалобы и реализовать свое право на обжалование неправосудного судебного решения. Нарушение правил подачи кассационных жалоб влечет их возвращение и повторную подачу в нужном порядке (УПК РФ содержит такое основание возвращения, как нарушение правил подсудности, указанной в ст. 401.3 УПК РФ; в редакции ФЗ № 361-ФЗ эта статья предусматривает дифференцированный порядок подачи кассационных обращений), что затягивает своевременность восстановления нарушенного права неправосудным решением.

Возможно, в законе для подачи кассационных жалоб необходимо предусмотреть альтернативный способ их подачи (через суд первой инстанции или непосредственно в суд кассационной инстанции), учитывая, что для этих решений (кассационные жалобы или представления подаются через суд первой инстанции) предусматривается «сплошная кассация», и каждая кассационная жалоба, формально отвечающая правилам УПК РФ, передается на рассмотрение по существу в судебном заседании суда кассационной инстанции. Кроме того, представляется, что в условиях начавшейся цифровизации уголовного судопроизводства могла бы быть предусмотрена возможность (как альтернатива бумажной форме) подачи кассационных жалоб в электронной форме через сайт суда первой либо кассационной инстанции.

В зависимости от наличия института предварительного изучения кассационной жалобы (представления) при производстве в конкретном суде кассационной инстанции предусмотрено два вида производства в суде кассационной инстанции.

Во-первых, «сплошная кассация». Такой термин используется в связи с тем, что полномочия суда первой инстанции, через который подаются кассационные жалобы (представления), предусмотрены ст. 401.7 УПК РФ (в редакции ФЗ № 361-ФЗ), и полномочия суда кассационной инстанции при поступлении уголовного дела с кассационными жалобой (представлением), предусмотренные ст. 401.8 УПК РФ (в редакции ФЗ № 361-ФЗ), предполагают лишь проверку соблюдения формальных условий для подачи кассационных обращений и не предполагают их изучения по существу. В связи с этим любая кассационная жалоба (представление) при условии соблюдения формальных условий ее подачи будет передана на рассмотрение по существу в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Закрепленная законодателем «сплошная кассация» еще больше обострила проблему определения места производства в суде кассационной инстанции в системе проверки и обжалования судебных решений. Предметом проверки производства в суде кассационной инстанции продолжает оставаться судебное решение, вступившее в законную силу. В то же время такой важный институт, как предварительное изучение кассационной жалобы (представления), который выступал определенным фильтром и обеспечивал законную силу судебного решения, при обжаловании большинства судебных решений в кассационном порядке сейчас от-

сутствует. В связи с этим возникает вопрос о возвращении производства в суде кассационной инстанции в систему обычных способов проверки судебных решений, не вступивших в законную силу.

Во-вторых, «обычная кассация», которая предполагает наличие этапа предварительного изучения кассационной жалобы (представления) судьей суда кассационной инстанции и принятия по ней решения. В рамках данного этапа кассационная жалоба (представление) изучается по существу на предмет наличия или отсутствия кассационных оснований.

Так, в соответствии со ст. 401.10 УПК РФ (в редакции ФЗ № 361-ФЗ) при обжаловании промежуточных судебных решений, итоговых судебных решений мирового судьи, районного суда, итоговых судебных решений суда субъекта, вынесенных в апелляционном порядке, определения судебной коллегии по уголовным делам кассационного суда общей юрисдикции, вынесенного по результатам пересмотра судебных решений, перечисленных в настоящем пункте, если указанные судебные решения обжалуются в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, – предусмотрено предварительное изучение кассационной жалобы (представления) по существу и принятие одного из следующих решений: об отказе в передаче кассационной жалобы (представления) для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, если отсутствуют основания для пересмотра судебных решений в кассационном порядке (при этом кассационная жалоба (представление) и копии обжалуемых судебных постановлений остаются в суде кассационной инстанции); о передаче кассационной жалобы (представления) с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Таким образом, предварительный этап рассмотрения кассационных жалоб (представлений) предусмотрен для производства в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, в случае если предметом проверки выступают решения, которые уже были рассмотрены в кассационном порядке судебной коллегией по уголовным делам окружного кассационного суда (первой кассационной инстанции), а также решения, вынесенные самим окружным кассационным судом по итогам проверки этих решений в качестве суда первой кассационной инстанции.

Выделенные и рассмотренные виды производств в суде кассационной инстанции перекрещиваются между собой, образуя новые виды.

Так, реализация положений «сплошной кассации» как вида не связывается исключительно с кассационным производством в судебной коллегии по уголовным делам кассационного окружного суда, а предусмотрена также и для судебных решений, которые обжалуются в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ как единственную кассационную инстанцию.

В завершение хотелось бы отметить, что апелляционные округа, по принципу которых созданы апелляционные окружные суды общей юрисдикции, территориально не совпадают с кассационными округами, по принципу которых созданы кассационные окружные суды общей юрисдикции, что не удивительно, учиты-

вая разную их численность. В связи с этим решения одной апелляционной инстанции – апелляционного окружного суда – могут стать предметом рассмотрения различных кассационных инстанций – кассационных окружных судов общей юрисдикции.

Так, в частности, в соответствии со ст.ст. 23.1, 23.9 Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» решения пятого окружного апелляционного суда общей

юрисдикции (место нахождения г. Новосибирск) будут предметом проверки в кассационном порядке одновременно двух кассационных судов общей юрисдикции: восьмого (место нахождения г. Кемерово) и девятого (место нахождения г. Владивосток) [1]. В связи с этим не исключена ситуация, когда по однотипным решениям одного суда апелляционной инстанции будут вынесены различные решения кассационных судов общей юрисдикции. Подобная ситуация может негативно отразиться на выполнении судами кассационной инстанции такой задачи, как обеспечение единства судебной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»* // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 18.03.2019).
2. *Стенограмма заседания Государственной Думы РФ от 17.07.2018 года (третье чтение) о проекте федерального конституционного закона № 374020-7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»*: Выступление д.ю.н, профессора В.В. Момотова. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/374020-7> (дата обращения: 19.03.2019).
3. *О внесении изменений в Федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции* : Федеральный конституционный закон // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 18.03.2019).
4. *О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* : Федеральный закон от 11.10.2018 г. № 361-ФЗ // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2019. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 18.03.2019).

Differentiation of Proceedings in a Court of Cassation: Problems and Prospects

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 84–88. DOI: 10.17223/23088451/13/16

Anastasia A. Rukavishnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: proceedings in court of cassation, reform of system of appeal and verification of court decisions, district cassation courts of general jurisdiction, differentiation of proceedings in court of cassation.

In connection with the creation of cassation courts of general jurisdiction, the procedural form of the proceedings at the cassation court has lost its unified character. Thus, in accordance with Federal Law No. 361-FZ of 11 October 2018 “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”, the following types of proceedings are provided in the court of cassation: (1) depending on the number of cassation instances, cassation proceedings can be distinguished that are represented by two cassation instances (the Judicial Chamber on Criminal Cases of the District Cassation Court of General Jurisdiction and the Judicial Chamber on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation) and by one cassation instance (the Judicial Chamber on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation); (2) depending on the procedure for filing cassation appeals (applications), proceedings at the cassation court are distinguished in which cassation appeals (applications) are filed through the court of first instance or directly to the cassation court; (3) depending on the presence of preliminary examination of cassation appeals (applications) during the proceeding in a specific cassation court, “complete cassation” and “ordinary cassation” are distinguished. It is noted that the consolidation of a differentiated procedure of proceedings in a cassation court does not always ensure the accessibility of the right to appeal and complicates its implementation for an ordinary citizen. It is substantiated that the law for cassation appeals could provide for an alternative method of filing them. In addition, it seems that in the conditions of the growing digitalization of criminal proceedings it would be possible to provide (as an alternative to the paper form) the filing of cassation appeals in electronic form through websites of courts of first or cassation instances.

References

1. Russian Federation. (2019) *Poyasnitel'naya zapiska k proektu Federal'nogo konstitutsionnogo zakona “O vnesenii izmeneniy v Federal'nye konstitutsionnye zakony v svyazi s sozdaniem kassatsionnykh sudov obshchey yurisdiktsii i apellyatsionnykh sudov obshchey yurisdiktsii”* [Explanatory note to the draft federal constitutional law “On Amendments to the Federal Constitutional Laws in Connection with the Creation of Cassation Courts of General Jurisdiction and Appellate Courts of General Jurisdiction”]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
2. Russian Federation. (2018) *Stenogramma zasedaniya Gosudarstvennoy Dumy RF ot 17.07.2018 goda (tret'e chtenie) O proekte federal'nogo konstitutsionnogo zakona № 374020-7 “O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy konstitutsionnyy zakon “O sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii” i otdel'nye federal'nye konstitutsionnye zakony v svyazi s sozdaniem kassatsionnykh sudov obshchey yurisdiktsii i apellyatsionnykh sudov obshchey yurisdiktsii”*: *Vystuplenie d.yu.n, professora V.V. Momotova* [Transcript of the meeting of the State Duma of the Russian Federation of 17 July 2018 (third reading) on draft federal constitutional law No. 374020-7 “On Amendments to the Federal Constitutional Law “On the Judicial System of the Russian Federation” and Certain Federal Constitutional Laws in Connection with the Creation of Cassation Courts of General Jurisdiction and Appellate Courts of General

- Jurisdiction”: Speech by Doctor of Law, Professor V.V. Momotov]. [Online] Available from: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/374020-7>. (Accessed: 19.03.2019).
3. Russian Federation. (2019) *Federal’nyy konstitutsionnyy zakon “O vnesenii izmeneniy v Federal’nye konstitutsionnye zakony v svyazi s sozdaniem kassatsionnykh sudov obshchey yurisdiktsii i apellyatsionnykh sudov obshchey yurisdiktsii”* [Federal constitutional law “On Amendments to the Federal Constitutional Laws in Connection with the Creation of Cassation Courts of General Jurisdiction and Appellate Courts of General Jurisdiction”]. Moscow: Konsul’tantPlyus.
 4. Russian Federation. (2019) *Federal’nyy zakon ot 11 oktyabrya 2018 goda № 361-FZ “O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual’nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii”* [Federal Law No. 361-FZ of 11 October 2018 “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”]. Moscow: Konsul’tantPlyus.

И.Г. Смирнова, М.И. Казарина, Г.А. Гуджабидзе

КОНСТИТУЦИОННЫЕ НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

Дается оценка основных тенденций развития современной уголовно-процессуальной политики через призму ее соответствия провозглашенному в ст. 2 Конституции РФ приоритету прав и свобод личности и закреплению их в качестве высшей ценности. Авторы останавливаются на особенностях развития уголовно-процессуального регулирования таких вопросов, как недопустимость поворота к худшему, а также на изменениях законодательства в части реформирования действующей судебной системы, а именно – судов общей юрисдикции и инстанционного характера их деятельности. В результате проведенного исследования формулируются выводы о том, что как в первоначальной редакции УПК РФ, так и в ныне действующей прослеживается формальное соответствие процессуальной формы Конституции РФ. Однако приоритет публичного начала и публичного интереса не позволяет в должной мере обеспечить фактическое соблюдение прав личности в сфере уголовного преследования.

Ключевые слова: Конституция РФ, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная политика, права личности, публичность.

Конституция РФ была принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием. Двадцатипятилетний юбилей ее действия обуславливает необходимость анализа сложившихся подходов к реализации отдельных конституционных предписаний, регламентирующих права и свободы личности. В рамках борьбы с преступностью именно данный ракурс исследования представляется крайне актуальным и значимым, поскольку в сфере уголовного судопроизводства наиболее остро стоит вопрос о возможности достижения баланса частных и публичных интересов и выборе соответствующего инструментария для этого [1, 2].

Итак, ст. 2 Конституции РФ закрепляет приоритет прав и свобод личности, их признание в качестве высшей ценности в государстве, что предопределяет и основной вектор реализации современной уголовно-процессуальной политики. В частности, имеет место полное соответствие ст. 6 УПК РФ конституционным положениям, направленным на защиту прав личности; получило свое закрепление и развитие судебное санкционирование; развивается судебный контроль; реформируется судебная система со ссылкой на необходимость обеспечения реального доступа к правосудию и т.п.

Вместе с тем возникает резонный вопрос: насколько перечисленные и иные объективно существующие тенденции в сфере уголовно-процессуального регулирования и правоприменения действительно направлены на защиту частного интереса?

Во-первых, хотелось бы еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что до сих пор ст. 6 УПК РФ является ценностным оценочным суждением [3, с. 41–42], но не оценкой-констатацией, а оценкой-предпочтением, которая связана с выбором должного и желаемого, с фиксацией не того, что уже сложилось и существует, а того, в чем нуждается общество [4, с. 127].

Более того, наличие такой нормы в УПК РФ является ярким проявлением рефлексивного варианта развития уголовно-процессуального законодательства, который характеризуется спонтанным реагированием на сложившуюся ситуацию [5, с. 59]. И такое положение проявляется не только применительно к ст. 6 УПК РФ,

но и в иных случаях. Например, явно конъюнктурный характер носят перечень оснований для возбуждения уголовного дела (ст. 140 УПК РФ), который периодически подвергается корректировке, круг лиц, наделенных свидетельским иммунитетом (ч. 3 ст. 56 УПК РФ) и т.п.

Во-вторых, заложенное сущностное противоречие в содержании ст. 6 УПК РФ в части защиты и обеспечения прав ключевых участников уголовного судопроизводства, чьи интересы преимущественно вступают в конфликт друг с другом, закономерно приводит к балансированию как самого законодателя, так и Конституционного Суда РФ между ними, что влечет перманентное изменение уголовно-процессуального закона, признание отдельных норм УПК РФ не соответствующими Конституции РФ. Это привело к кардинальному изменению парадигмы уголовного судопроизводства, проявлению ретроградных тенденций в его развитии.

Данный тезис в полной мере может быть проиллюстрирован на примере принципа недопустимости поворота к худшему. Как известно, в первоначальной редакции УПК РФ этот принцип носил неопровержимый характер. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ и ст. 6 УПК РФ в целях защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, действовал запрет возвращения уголовного дела с судебных стадий процесса в досудебное производство для устранения неполноты проведенного расследования; исключительно предъявленным обвинением очерчивались пределы прав суда первой инстанции при осуществлении правосудия; действовал запрет на пересмотр приговора, вступившего в законную силу, в сторону ухудшения положения лица; возобновление производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств рассматривалось как инструмент восстановления справедливости всякий раз, как появляются обстоятельства, устраняющие преступность и наказуемость деяния.

Вместе с тем более чем пятнадцатилетний период реализации обновляемого уголовно-процессуального законодательства привел к концептуальному пересмотру позиции законодателя.

Так, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда», устранен запрет возвращения уголовного дела с судебных стадий процесса в досудебное производство: «Возвращение уголовного дела прокурору в случае нарушения требований данного Кодекса при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления может иметь место по ходатайству стороны или инициативе самого суда, если это необходимо для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, при подтверждении сделанного в судебном заседании заявления обвиняемого или потерпевшего, а также их представителей о допущенных на досудебных стадиях нарушениях, которые невозможно устранить в ходе судебного разбирательства» [6].

Конечно, предложенный уголовно-процессуальный механизм не является традиционным возвращением уголовного дела для производства дополнительного расследования, однако содержит отказ на ранее существовавший состязательный сущностный элемент в уголовном судопроизводстве, который предусматривал роль суда как арбитра в споре сторон. Победа публичного начала уголовного судопроизводства в виде такого решения является несомненной.

Не менее значимо и решение Конституционного Суда РФ, которым ст. 405 УПК РФ была признана не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она не допускала поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, что, по мнению Конституционного Суда РФ, не позволяло устранить допущенные в предшествующем разбирательстве нарушения [7]. Если ранее возобновление производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств рассматривалось как инструмент восстановления справедливости всякий раз, как появляются обстоятельства, устранившие преступность и наказуемость деяния, то решением Конституционного Суда РФ пересмотр дела в порядке надзора по обстоятельствам, ухудшающим положение подсудимого, был явно переоценен в пользу публичного интереса.

Внимательное изучение перечисленных актов Конституционного Суда РФ позволяет с уверенностью утверждать, что правовые позиции Конституционного Суда РФ сформулированы в соответствии со ст. 2 Конституции РФ. Так, одновременно в постановлении присутствуют тезисы о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанностью государства. Аналогичным образом право каждого на судебную защиту рассматривается через призму ст. 2 Конституции РФ: «По смыслу статей 1 (часть 1), 2, 4 (часть 2), 15, 17, 19, 118 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции РФ право каждого на судебную защиту предполагает обеспечение всем субъектам права свободного и равного доступа к правосудию, осуществ-

ляемому независимым и беспристрастным судом на основе состязательности и равноправия сторон...» [6, 8].

Не менее интересные тенденции прослеживаются и в части реформирования органов судебной власти по пути обеспечения, с одной стороны, единообразия в принципах формирования судов на территории Российской Федерации, а с другой стороны, для реального доступа граждан к правосудию. Как справедливо утверждает В.В. Ершов, система органов государственной власти должна поддерживаться в состоянии подвижного равновесия, саморегулирования [9, с. 49]. Поэтому в свете очередного витка судебной реформы повышенный интерес к суду представляется вполне обоснованным и закономерным [10–13].

Так, к осени 2019 г. должно быть завершено создание отдельных апелляционных и кассационных судов, расширяющих свою юрисдикцию одновременно на несколько субъектов РФ. Идеями, послужившими стимулами к изменению сложившейся институциональной системы судов РФ, стали: максимальное обеспечение независимости и самостоятельности судов при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб и представлений, деятельность которых не будет осуществляться в том же субъекте Российской Федерации и тем более в том же суде; оптимизация в распределении нагрузки при осуществлении правосудия по первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанциям.

Однако рядом ученых высказываются гипотезы относительно появления проблем, связанных с соблюдением прав и свобод граждан при реализации реформы. Так, развивающим положением признания человека, его прав и свобод высшей ценностью является, в соответствии с Конституцией РФ, обязанность государства обеспечить доступ к правосудию. Конституционный Суд РФ отмечал, что доступ к суду следует понимать в том смысле, что заинтересованное лицо должно иметь возможность добиться рассмотрения своего дела в суде, и ему не должны помешать чрезмерные правовые или практические препятствия [14]. Следует согласиться с позицией А.А. Рукавишниковой, предполагающей, что в условиях экстерриториальности апелляционных судов проблематично гарантировать непосредственное исследование доказательств (вызов и допрос свидетелей, экспертов, специалистов и т.д.) [15, с. 105].

Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения могут быть достижимы только при наличии независимости судей [16, 17]. Именно такая цель преследуется проводимой реформой, тем не менее результаты проведенного К.Д. Титаевым исследования арбитражных судов (которые имеют схожую с предлагаемой реформой систему судов) показали, что «сорасположение в одном регионе суда апелляционной, кассационной и первой инстанций каким-либо значимым образом не влияет на поведение этих судов», однако «меняются технические приемы отстаивания своих интересов — стороны реже приезжают на заседание в апелляцию, когда она географически удалена» [18, с. 12].

Таким образом, на сегодняшний день приоритет публичного начала, формирующий уголовно-процес-

суальную политику, не позволяет в должной мере нивелировать декларативный характер провозглашенного приоритета прав личности в сфере уголовного преследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 135 с.
2. Зайцев О.А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник Тверского государственного университета. Право. 2013. № 35. С. 92–99.
3. Манджян К.Х. Введение в социальную философию : учеб. пособие. М. : Высш. шк. : КД Университет, 1997. 448 с.
4. Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2012. 517 с.
5. Клейменов М.П., Пронников А.В. Понятие и цели уголовно-правовой политики // Российская юстиция. 2006. № 12. С. 58–59.
6. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 6.
7. По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 г. № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.
8. Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 77–81.
9. Еришов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М. : РГУП, 2018. 625 с.
10. Кириллова Н.П., Смирнова И.Г. Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 116–127.
11. Смолькова И.В., Вилкова Т.Ю., Мазюк Р.В., Насонов С.А., Ничипоренко А.А. Перспективы совершенствования механизма судебной защиты в российском уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 3. С. 387–395.
12. Смолькова И.В. Соотношение частных и публичных начал в уголовном процессе – методологическая основа определения оснований и пределов вмешательства правоохранительных органов и суда в охраняемые законом тайны // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия : материалы науч.-практ. конф. (13–17 мая 1998 г.). Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. С. 77–79.
13. Смолькова И.В. Гласность – важнейшее условие судебного разбирательства // Итоги и перспективы развития судебной реформы в Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Вост.-Сиб. ФГБОУВПО «РАП», 2012. С. 9–13.
14. По жалобам граждан Евдокимова Дениса Викторовича, Мирошникова Максима Эдуардовича и Резанова Артема Сергеевича на нарушение их конституционных прав положениями статьи 333.36 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 89 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 13.06.2006 № 272-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 6.
15. Рукавишников А.А. Возможные перспективы развития системы обжалования и проверки судебных решений в уголовном процессе при реализации проекта Федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 103–107.
16. Буфетова М.Ш., Катрухина Т.Н. Проблемы защиты прав и законных интересов потерпевшего в уголовном процессе // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2014. С. 53–57.
17. Принципы современного российского уголовного судопроизводства / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. М. : Юрлитинформ, 2015. 384 с.
18. Туманов К.Д. Суды разных инстанций в одном городе: есть ли взаимное влияние? : препринт. СПб. : ИПП при Европейском университете в СПб, 2018. 20 с.

Constitutional Principles of the Modern Criminal Procedure Policy: Interim Results

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 89–93. DOI: 10.17223/23088451/13/17

Irina G. Smirnova, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: smirnova-ig@mail.ru

Marina I. Kazarina, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: kazarinami@yandex.ru

Georgiy A. Gudzhabidze, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: gg@gio.ru

Keywords: Constitution of the Russian Federation, criminal proceedings, criminal procedure policy, rights of person, publicity.

The aim of the study is to assess the main trends in the development of the modern criminal procedure policy through the prism of its compliance with the priority of individual rights and freedoms proclaimed in Article 2 of the Constitution of the Russian Federation and securing them as the highest value. This article enshrines the priority of individual rights and freedoms, their recognition as the highest value in the state, which, it would seem, predetermines the main vector of the implementation of the modern criminal procedure policy. At the same time, a reasonable question arises: what is the extent to which the listed and other objectively existing tendencies in the sphere of criminal procedure regulation and enforcement are really aimed at when protecting private interest? The study of acts of the Constitutional Court of the Russian Federation reflecting the vector of the criminal procedure policy showed that its legal positions are formulated in accordance with Article 2 of the Constitution of the Russian Federation: they contain provisions that rights and freedoms are the highest value, indicate the right of everyone to judicial protection and ensuring of a free and equal access to justice. However, these same acts of the Constitutional Court of the Russian Federation revalue the balance of private and public principles in favor of public ones. Thus, it is now possible to return the criminal case to the prosecutor in case of violation of the requirements of the Code of

Criminal Procedure of the Russian Federation both at the request of the party and at the initiative of the court itself, which, in fact, is a waiver of the pre-existing adversary essential element in criminal proceedings, which provided for the court as an independent arbitrator in a dispute between the parties. Another decision of the Constitutional Court of the Russian Federation made it possible to review the case by way of supervision in circumstances aggravating the position of the defendant, which clearly indicates a shift in the vector of the criminal procedure policy towards public interest. The initiated reform of the judiciary to ensure uniformity in the principles of the formation of courts on the territory of the Russian Federation, proclaiming its goal of ensuring citizens' access to justice, raises concerns among a number of scholars for the reform can create obstacles to the possibility of hearing one's case in court, and the planned extraterritoriality of appellate courts is unlikely to guarantee direct examination of evidence. In other words, scholars hypothesize the emergence of problems related to the observance of the rights and freedoms of citizens. As a result, the authors conclude that both in the original and current editions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation a formal compliance of the procedural form with the Constitution of the Russian Federation can be traced. The modern criminal procedure policy has changed its course towards the protection of public interest, thereby not allowing to adequately ensure the actual protection of the proclaimed priority of individual rights in the field of criminal prosecution.

References

1. Andreeva, O.I. (2004) *Sootnoshenie prav i obyazannostey gosudarstva i lichnosti v pravovom gosudarstve i spetsifika ego proyavleniya v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva (teoreticheskiy aspekt)* [The ratio of the rights and obligations of the state and the individual in a legal state and the specificity of its manifestation in the field of criminal proceedings (theoretical aspect)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Zaytsev, O.A. (2013) Criminal procedure policy of the Russian Federation: the content and guidelines. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of TvSU. Series: Law*. 35. pp. 92–99. (In Russian).
3. Mandzhyan, K.Kh. (1997) *Vvedenie v sotsial'nuyu filosofiyu* [Introduction to social philosophy]. Moscow: Vyssh. shk.: KD Universitet.
4. Smirnova, I.G. (2012) *Sotsial'naya tsennost' rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [The social value of the Russian criminal proceedings]. Law Dr. Diss. Tomsk.
5. Kleymenov, M.P. & Pronnikov, A.V. (2006) Ponyatie i tseli ugolovno-pravovoy politiki [The concept and objectives of the criminal law policy]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 12. pp. 58–59.
6. Constitutional Court of the Russian Federation. (2013) Po delu o provere konstitutsionnosti polozheniy chasti pervoy stat'i 237 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina respubliki Uzbekistan B.T. Gadaeva i zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.07.2013 № 16-P [On the verification of the constitutionality of the provisions of Part 1 of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen of the Republic of Uzbekistan B.T. Gadaev and the request of the Kurgan Regional Court: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of 02 July 2013]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 6.
7. Constitutional Court of the Russian Federation. (2005) Po delu o provere konstitutsionnosti stat'i 405 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda, zhalobami Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii, proizvodstvenno-tekhnicheskogo kooperativa "Sodeystvie", obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Kareliya" i ryada grazhdan: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 11 maya 2005 g. № 5-P [On the verification of the constitutionality of Article 405 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Kurgan Regional Court, complaints of the Ombudsman in the Russian Federation, the production and technical cooperative "Sodeystvie", the limited liability company "Karelia" and a number of citizens: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-P of 11 May 2005]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 4.
8. Zaytsev, O.A. (2006) Conception of State Defense of Criminal Legal Procedure Participants in the Russian Federation. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*. 3 (53). pp. 77–81. (In Russian).
9. Ershov, V.V. (2018) *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy* [Legal and individual regulation of public relations]. Moscow: Russian State University of Justice.
10. Kirillova, N.P. & Smirnova, I.G. (2018) Key scripts of contemporary criminal procedure policy. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (1). pp. 116–127. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).116-127
11. Smol'kova, I.V. et al. (2018) Prospects of improving the mechanism of judicial protection in Russian criminal proceedings: Issues of theory and practice. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (3). pp. 387–395. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(3).387-395
12. Smol'kova, I.V. (1998) [The correlation of private and public principles in the criminal procedure as the methodological basis for determining the grounds and limits for law enforcement agencies and the court to protect secrets protected by law]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye problemy Vostochno-Sibirskogo regiona na poroge tret'ego tysyacheletiya* [Socio-economic and legal problems of the East Siberian region at the threshold of the third millennium]. Proceedings of the Conference. 13–17 May 1998. Irkutsk: Izd-vo IGEA. pp. 77–79. (In Russian).
13. Smol'kova, I.V. (2012) [Glasnost as the most important condition of the court proceedings]. *Itogi i perspektivy razvitiya sudebnoy reformy v Rossiyskoy Federatsii* [Results and prospects for the development of judicial reform in the Russian Federation]. Proceedings of the All-Russian Conference. Irkutsk: Vost.-Sib. FGBOUVPO "RAP". pp. 9–13. (In Russian).
14. Constitutional Court of the Russian Federation. (2006) Po zhalobam grazhdan Evdokimova Denisa Viktorovicha, Miroshnikova Maksima Eduardovicha i Rezanova Artema Sergeevich na narushenie ikh konstitutsionnykh prav polozheniyami stat'i 333.36 Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i stat'i 89 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 13.06.2006 № 272-O [On the complaints of citizens Denis Evdokimov, Maxim Miroshnikov and Artem Rezanov about the violation of their constitutional rights by the provisions of Article 333.36 of the Tax Code of the Russian Federation and Article 89 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 272-O of 13 June 2006]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 6.
15. Rukavishnikova, A.A. (2018) Possible prospects of the development of the system of appeal and verification of court decisions in the criminal procedure under the implementation of the draft federal constitutional law "On Amendments to the Federal

- Constitutional Laws in Connection with the Creation of Cassation Courts of General Jurisdiction and Appellate Courts of General Jurisdiction". *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 11. pp. 103–107. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/11/20
16. Bufetova, M.Sh. & Katrukhina, T.N. (2014) [Problems of protecting the rights and legitimate interests of the victim in the criminal trial]. *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie sredstva obespecheniya effektivnosti ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal procedure and forensic means of ensuring the effectiveness of criminal proceedings]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law. pp. 53–57. (In Russian).
 17. Mazyuk, R.V. (ed.) (2015) *Printsipy sovremennogo rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Principles of modern Russian criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
 18. Titaev, K.D. (2018) *Sudy raznykh instantsiy v odnom gorode: est' li vzaimnoe vliyaniye?: preprint* [Courts of different instances in the same city: is there a mutual influence?: preprint]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.

М.С. Спиридонов

**О ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ СУДА КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

Анализируются законодательные изменения, касающиеся этапа подготовки уголовного дела к разбирательству в суде кассационной инстанции при обжаловании итогового судебного решения. Рассматриваются подготовительные действия суда кассационной инстанции. Высказываются предложения о применении норм уголовно-процессуального закона и совершенствовании законодательства.

Ключевые слова: кассационное обжалование, итоговое судебное решение, суд кассационной инстанции, суд первой инстанции, кассационная жалоба.

Внесенные в главу 47.1 УПК РФ Федеральным законом № 361-ФЗ от 11.10.2018 г. [1] изменения предусматривают различный порядок кассационного обжалования вступивших в законную силу итоговых и промежуточных судебных решений. Так, жалобы на итоговые судебные решения подаются через суд первой инстанции и при отсутствии оснований для их возврата подлежат обязательному рассмотрению в судебном заседании суда кассационной инстанции. В отношении промежуточных судебных решений сохранен существующий порядок: жалобы подаются непосредственно в суд кассационной инстанции и рассматриваются судьей суда кассационной инстанции, который принимает решение об отказе или о передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции [2, с. 46–53].

Закон предъявляет к кассационной жалобе как средству правовой защиты интересов участников процесса формальные требования (ст. 401.4 УПК РФ). Как верно отмечено А.С. Омаровой, «соблюдение требований к содержанию жалобы, представления делает понятной позицию заявителя не только для судьи суда кассационной инстанции, судьи-докладчика, суда кассационной инстанции, но и для процессуальных “оппонентов” заявителя» [3, с. 89]. Заслуживает поддержки также позиция Н.А. Колоколова о том, что институт «качества» жалобы в условиях состязательного производства подталкивает стороны к активному участию в процессе и ограждает суд от инициации производств, наличие которых не обосновано конкретным процессуальным интересом [4, с. 29–33].

Невыполнение любого из перечисленных в ч. 1 ст. 401.5 УПК РФ условий влечет возвращение кассационной жалобы на итоговое судебное решение без рассмотрения. В отличие от положений ч. 4 ст. 389.6 УПК РФ, которыми предусмотрена возможность устранения недостатков апелляционной жалобы посредством ее возвращения заявителю для пересоставления, положения ст. 401.5 УПК РФ позволяют суду только вернуть кассационную жалобу без рассмотрения.

Этот законодательный пробел в определенной мере компенсируется содержащимися в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2014 г. № 2 [5] разъяснениями о том, что лицо вправе вновь обратиться в суд кассационной инстанции после устранения препятствий, послуживших основа-

нием для возвращения кассационной жалобы без рассмотрения. Хотя эти разъяснения даны в отношении одного основания для возврата кассационной жалобы – несоответствия требованиям ст. 401.4 УПК РФ, – на наш взгляд, они в равной мере распространяются на все случаи возврата жалобы.

Отсутствие в законе указания о возможности устранения недостатков кассационной жалобы во многом обусловлено тем, что кассационное обжалование не ограничено никаким сроком и сторона самостоятельно определяет, нужно ли ей устранять недостатки жалобы и повторно обращаться в суд кассационной инстанции [6, с. 97–101].

Однако в условиях рассмотрения всех кассационных жалоб на итоговые судебные решения по уголовным делам в судебном заседании прежний подход к проверке соблюдения формальных требований, предъявляемых к кассационной жалобе, на наш взгляд, неприемлем. Это вызвано двумя причинами: 1) к моменту поступления уголовного дела с жалобой в суд кассационной инстанции по делу выполнен ряд подготовительных действий судом первой инстанции, которые в случае возврата жалобы окажутся бесполезными; 2) возможность устранить недостатки жалобы позволяет продолжить кассационное производство без существенного ущерба процессуальным срокам.

Следует согласиться с А.С. Омаровой, что в число задач суда кассационной инстанции должно входить обеспечение права каждого на судебную защиту путем предоставления возможности для исправления ненадлежаще оформленной жалобы [7, с. 40–42]. Думается, что обновленная процедура кассационного обжалования итоговых судебных решений по уголовным делам значительно приблизилась к апелляционному обжалованию, поскольку жалоба также подается через суд первой инстанции, который рассылает ее копии сторонам, в суд вышестоящей инстанции жалоба поступает одновременно с уголовным делом, все жалобы подлежат рассмотрению только в судебном заседании. При таком порядке в законе должна быть предусмотрена возможность оставления кассационной жалобы на итоговое судебное решение без движения до момента устранения ее недостатков, т.е. аналогично положению ч. 4 ст. 389.6 УПК РФ.

Институт оставления кассационной жалобы без движения известен уголовно-процессуальному законо-

дательству Грузии (ч. 1 ст. 303 УПК) [8], Эстонии (ч. 1 ст. 350 УПК) [9], Украины (ч. 1, 2 ст. 429 УПК) [10], Азербайджана (ст. 418.3 УПК) [11], где предусмотрены оставление жалобы без движения при несоответствии ее формальным требованиям, установление срока для устранения недостатков жалобы, а если это заявителем не выполнено, то жалоба оставляется без рассмотрения. Думается, что такое правовое регулирование в большей мере отвечает задаче обеспечения доступа к правосудию и принципу состязательности сторон, а потому заслуживает внимания отечественного законодателя.

Еще до принятия Федерального закона № 361-ФЗ от 11.10.2018 г. в научной литературе высказывались не лишние смыслы опасения относительно перегруженности судов кассационной инстанции в случае, если любая поданная кассационная жалоба будет передаваться вместе с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании [12, с. 85]. В настоящее время это стало уже реальностью, а потому необходимо определить оптимальную процедуру кассационного обжалования, которая позволит кассационным судам общей юрисдикции в разумные сроки и без ущерба для качества отправлять правосудие.

Ключевой вопрос, на наш взгляд, состоит в том, на каком этапе кассационного производства следует проверять кассационную жалобу на соответствие формальным требованиям и при наличии оснований принимать решение об оставлении ее без движения или о возвращении без рассмотрения.

В законе проверка содержания жалобы на предмет соответствия формальным требованиям и принятие решения о ее возврате по-прежнему остаются прерогативой суда кассационной инстанции. При условии, что до начала действия кассационных судов общей юрисдикции закон не претерпит никаких существенных изменений и порядок подачи кассационной жалобы через суд первой инстанции сохранится, полагаем, что наделение суда кассационной инстанции полномочиями по проверке кассационной жалобы на соответствие формальным требованиям и по ее возврату имеет ряд недостатков.

Первый из них заключается в том, что не соответствующая формальным требованиям кассационная жалоба, например не содержащая подписи заявителя или его данных, будет разослана судом первой инстанции сторонам, а в ответ на нее могут поступить возражения другой стороны. Не вдаваясь в подробности того, что сама рассылка жалоб и возражений влечет немалые судебные расходы, отметим лишь, что вручение «некачественной» жалобы сторонам противоречит смыслу уголовно-процессуального закона.

Второй недостаток состоит в том, что выполнение судом первой инстанции всех необходимых подготовительных действий по делу, к числу которых относятся извещение о принесенной жалобе, вручение ее копии противной стороне, разрешение ходатайств, связанных с участием сторон в судебном заседании, не гарантирует, что их не придется выполнять вновь в том случае, если жалоба будет возвращена заявителю.

В ст. 401.5 УПК РФ никак не решен вопрос о том, как надлежит поступить с уголовным делом в случае

принятия решения о возврате жалобы без рассмотрения. Поскольку, как отмечено выше, закон не содержит требований об оставлении жалобы без движения и предоставлении стороне срока для ее пересоставления, то очевидно, что при возвращении жалобы без рассмотрения материалы уголовного дела должны быть возвращены в суд первой инстанции. Если жалоба поступит вновь, то всю подготовку по делу придется начать сначала.

Представляется, что такая процедура подготовки дела к рассмотрению судом кассационной инстанции не отвечает требованиям разумности сроков уголовного судопроизводства, а потому требует корректировки.

Поскольку согласно новой редакции главы 47.1 УПК РФ все кассационные жалобы на итоговые судебные решения будут рассматриваться в судебном заседании, то возврат кассационной жалобы без рассмотрения приобретает новое значение и заключается в том, чтобы судебному рассмотрению подлежали только допустимые и надлежащим образом оформленные жалобы. Поэтому наиболее целесообразно, чтобы в суд кассационной инстанции поступали те уголовные дела, по которым этап проверки соответствия жалобы формальным требованиям уже пройден в суде первой инстанции.

Согласно положениям Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (с учетом позднейших изменений) каждая кассационная жалоба в Кассационном Департаменте Правительствующего Сената рассматривалась предварительно в распорядительном заседании, где принималось решение о ее отклонении либо о передаче к слушанию в Присутствии Департамента или его отделений [13, с. 859]. Следует отметить существенные особенности данной процедуры кассационного производства, которые естественным образом ограничивали число кассационных обращений: наличие срока на подачу кассационной жалобы, ограничение права на кассационное обжалование в зависимости от участия в апелляционном обжаловании, обязательный залог, вносимый при подаче жалобы [14, с. 626–631].

М.В. Духовской писал, что предварительное обсуждение судом кассационной инстанции формальной стороны жалобы и решение вопроса о том, следует ли дать ей ход, являются более правильными в сравнении с порядком, при котором суд первой инстанции обсуждает допустимость жалобы с формальной стороны [15, с. 448]. Однако обновленная редакция главы 47.1 УПК РФ вообще не предусматривает полномочий суда по ограничению передачи кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании; оценке подлежит только формальная сторона жалобы. В этом случае решение суда первой инстанции, который установит несоответствие жалобы формальным требованиям и вернет ее заявителю для устранения недостатков, не только не ограничит доступ к правосудию, но, напротив, будет направлено на достижение целей уголовного судопроизводства – скорое и правильное разрешение дела.

В современном уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран вопрос о проверке кассационной жалобы на соответствие формальным требованиям решен различным образом. Так, в Грузии, Эстонии, Украине, Германии [16, с. 302] эту проверку осу-

ществляет судья суда кассационной инстанции, что обусловлено существованием этапа предварительного изучения жалобы на предмет наличия оснований для кассационного пересмотра.

Согласно ст. 418.2.5 УПК Азербайджана, если кассационная жалоба соответствует формальным требованиям, то она подлежит обязательному кассационному рассмотрению в судебном заседании, что наиболее близко положениям обновленной редакции главы 47.1 УПК РФ. Стоит отметить, что в УПК Азербайджана хорошо продуман первоначальный этап кассационного обжалования. Так, судья, предварительно изучающий кассационную жалобу, сначала проверяет, соответствует ли она формальным требованиям, при необходимости оставляет жалобу без движения для устранения ее недостатков заявителем и только потом истребует уголовное дело, изучает его и подготавливает заключение по доводам кассационной жалобы, которое вместе с делом направляет для рассмотрения в судебном заседании соответствующей коллегии. Данная процедура, на наш взгляд, оптимальна и для отечественного кассационного обжалования. В этом случае можно избежать приведенных выше недостатков: сторонам будут направляться копии только надлежаще оформленных кассационных жалоб, а суд первой инстанции будет избавлен от необходимости повторного выполнения подготовительных действий по делу.

Вторым вариантом модернизации процедуры кассационного обжалования может быть применение существующей в апелляционном производстве модели подготовки уголовного дела к разбирательству его вышестоящим судом, когда судья суда первой инстанции проверяет содержание жалобы и в случае ее несоответствия требованиям закона принимает мотивированное решение о ее возврате, устанавливая при этом срок для устранения недостатков; в случае своевременного устранения заявителем недостатков жалоба рассылается сторонам, которым дается время для подачи возражений, после чего дело с жалобой и возражениями направляется в суд вышестоящей инстанции.

Согласно новой редакции ч. 1 ст. 401.8 УПК РФ подготовку уголовного дела к разбирательству в суде кассационной инстанции при обжаловании итогового судебного решения осуществляет «судья суда кассационной инстанции», который изучает кассационную жалобу вместе с поступившим уголовным делом. Данные изменения закона следует оценить положительно, поскольку они прямо указывают, кто должен изучать жалобу и принимать решения на подготовительном этапе кассационного производства, чем устраняют имеющийся в ст. 401.5 УПК РФ пробел, который вызывал обоснованную критику в юридической литературе [17, с. 11–13]. Здесь стоит заметить, что высказанные в науке справедливые замечания относительно непоследовательности изложения норм в главе 47.1 УПК РФ, а именно что сначала идут нормы о возврате жалобы без рассмотрения и только потом нормы об изучении жалобы [3, с. 97], до сих пор не нашли отклика в законодательстве.

Представляется, что с учетом сложившейся практики работы судов апелляционной инстанции подготовка

уголовного дела к судебному разбирательству в суде кассационной инстанции должна быть поручена тому судье, который будет непосредственно изучать дело и готовить по нему доклад.

Алгоритм действий судьи первой инстанции при изучении поступившего к нему для рассмотрения по существу уголовного дела в ч. 1 ст. 228 УПК РФ прописан достаточно подробно и имеет строгую логическую структуру. То есть, решая указанные вопросы в предусмотренной законом последовательности, при подготовке дела к судебному разбирательству судья обоснованно приходит к одному из решений согласно ч. 1 ст. 227 УПК РФ [18]. Между тем алгоритм действий судьи кассационной инстанции при подготовке дела к судебному разбирательству последовательно не отличается. Так, в первую очередь судья должен проверить, отвечает ли жалоба требованиям ст. 401.4 УПК РФ и подана ли она уполномоченным лицом, и только потом проверить – не отозвана ли она заявителем и соблюдены ли правила кассационной подсудности.

Представляется, что порядок должен быть обратным, а именно судье кассационной инстанции следует проверить:

- 1) не отозвана ли жалоба заявителем;
- 2) соблюдены ли правила кассационной подсудности;
- 3) подана ли она уполномоченным лицом;
- 4) соблюден ли срок обжалования при повороте к худшему;
- 5) отвечает ли жалоба требованиям ст. 401.4 УПК РФ.

При такой последовательности проверка соответствия требованиям ст. 401.4 УПК РФ необходима только по тем жалобам, которые отвечают всем предшествующим условиям.

Как отмечалось в юридической литературе, в отличие от положений ч. 4 ст. 389.6 УПК РФ нормы ст. 401.5 УПК РФ не содержат требования о том, чтобы выявленные недостатки жалобы объективно препятствовали рассмотрению дела в вышестоящем суде [19, с. 26–30]. Это не способствует единству судебной практики по вопросу о том, какие из недостатков жалобы считать существенными для принятия решения о ее возврате без рассмотрения [20, с. 80–84].

На наш взгляд, к существенным недостаткам кассационной жалобы, которые объективно препятствуют рассмотрению дела в вышестоящем суде и поэтому влекут ее безусловный возврат, следует отнести перечисленные в п. 2–5 ч. 1 ст. 401.5 УПК РФ. Что касается п. 1 ч. 1 ст. 401.5 УПК РФ, то здесь следует исходить из буквального содержания нормы закона, согласно которой жалоба возвращается без рассмотрения если не отвечает **требованиям** ст. 401.4 УПК РФ. То есть несоответствие жалобы лишь одному из требований ст. 401.4 УПК РФ не может быть достаточным основанием для ее возврата.

В юридической литературе уже отмечалось низкое качество жалоб на итоговые вступившие в законную силу судебные решения по уголовным делам, что обусловлено их составлением осужденными, которые не обладают специальными познаниями в области права [21]. В большинстве случаев судьи снисходительно

относятся к соблюдению таких формальных требований к составленной осужденным кассационной жалобе, как, например, указание наименования суда, в который она подается, данные о лице, подавшем жалобу, с указанием его места жительства или места нахождения, процессуального положения, указание на суды, рассматривавшие уголовное дело в первой, апелляционной или кассационной инстанции, и содержание принятых ими решений, указание на судебные решения, которые обжалуются. Эта особенность кассационной судебной практики имеет давние корни и отмечалась еще И.Я. Фойницким [22, с. 660].

В силу того, что кассационная жалоба теперь будет поступать в суд кассационной инстанции вместе с уголовным делом, должно утратить свое значение указанное в ч. 5 ст. 401.4 УПК РФ требование прилагать к жалобе заверенные соответствующим судом копии судебных решений, принятых по данному уголовному делу. В указанной части закон также может быть скорректирован.

Следует заметить, что порядок возврата кассационной жалобы в новой редакции главы 47.1 УПК РФ не конкретизирован. Можно поддержать предложение А.С. Омаровой о том, что такое решение должно быть принято в форме постановления, в котором необходимо изложить мотивы возврата жалобы согласно указанной выше норме закона [3, с. 99–101]. Тем более это полностью соответствует сложившейся судебной практике. Копия постановления должна быть направлена заявителю, а оригинал – приобщен к делу. В этом случае при повторном обращении с кассационной жалобой у суда кассационной инстанции будет возможность проверить, устранил ли заявитель ранее выявленные недостатки.

Предусмотренный ч. 2 ст. 401.5 УПК РФ срок полностью совпадает со сроком, предусмотренным ч. 1 ст. 401.8 УПК РФ, и имеет двойное значение: 1) устанавливает время для принятия судьей решения о возврате жалобы; 2) устанавливает срок для принятия судьей решения о назначении судебного заседания.

Применительно к возврату жалобы этот срок нельзя считать пресекательным, так как при наличии оснований для возврата жалоба должна быть возвращена в любом случае даже по истечении указанного срока. Так, уже после назначения судебного заседания суду кассационной инстанции может стать известно, что жалоба подана неуполномоченным лицом, либо она может быть отозвана заявителем. Как верно пишет В.Д. Потапов, в этом случае суд кассационной инстанции будет вынужден прекратить кассационное производство и вернуть жалобу [6, с. 97–101].

В действующем Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2014 г. № 2 в п. 16 указано, что отзыв жалобы (представления) до принятия решения о ее передаче с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции влечет возвращение ее заявителю, а отзыв после принятия решения о передаче жалобы (представления) влечет вынесение постановления (определения) о прекращении кассационного производства. Следует ожидать, что данные разъяснения в ближайшее время будут скорректированы с учетом изменений главы 47.1 УПК РФ.

Требования к постановлению о назначении судебного заседания в целом такие же, как для апелляционного порядка рассмотрения дела. Отличие состоит в том, что законом не предусмотрен вызов сторон, а также вызов свидетелей, экспертов и других лиц в судебное заседание. Также предусмотрен иной срок для извещения — не позднее 14 суток до дня судебного заседания.

Этап подготовки дела к судебному разбирательству в суде кассационной инстанции заканчивается моментом начала судебного заседания. До этого момента суд может выполнить дополнительные действия по извещению сторон, направлению копий жалоб, разрешению ходатайств об участии в судебном заседании. В случае отложения судебного разбирательства подготовительные действия возобновляются со стадии извещения о дате судебного заседания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Собрание законодательства РФ*. 2018. № 42 (ч. II). Ст. 6375.
2. *Червоткин А.С.* Новый порядок пересмотра судебных решений: что изменится в апелляции и кассации // *Уголовный процесс*. 2018. № 9. С. 46–53.
3. *Омарова А.С.* Кассационное производство как форма юридической проверки законности судебных актов : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 242 с.
4. *Колоколов Н.А.* Глубокая модернизация «советской» судебной системы // *Российская юстиция*. 2011. № 4. С. 29–33.
5. *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2014. № 4.
6. *Потапов В.* Возвращение кассационной и надзорной жалобы / представления без их рассмотрения по существу: основания и порядок // *Уголовное право*. 2012. № 2. С. 97–101.
7. *Омарова А.С.* О некоторых промежуточных решениях в новом порядке кассационного производства // *Российский судья*. 2014. № 1. С. 40–42.
8. *Уголовно-процессуальный кодекс Грузии*. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=101> (дата обращения: 13.01.2019).
9. *Rigi Teataja*. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/130122014009> (дата обращения: 11.01.2019).
10. *Уголовно-процессуальный кодекс Украины*. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/zakon/UPK_Ukraini_2012.htm (дата обращения: 11.01.2019).
11. *Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики*. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280#pos=4570;-57 (дата обращения: 14.01.2019).
12. *Нехороших М.Е.* Кассационное производство: сущность, задачи и направления совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2018. 288 с.
13. *Устав уголовного судопроизводства*. С позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра Юстиции / сост.: В.П. Ширков, М.П. Шрамченко. 4-е изд., пересмотр. и доп. СПб. : Изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова, 1909. 1192 с.

14. Щегловитов С.Г. Судебные уставы Императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1913. 948 с.
15. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1902. 492 с.
16. Головенков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия : научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам, 2012. 404 с.
17. Колоколов Н. Уплотнение ныне в моде. Комментарий к изменениям, внесенным в уголовно-процессуальное законодательство РФ // Юридическая газета. 2011. № 7. С. 11–13.
18. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Ч. 2: Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики : практ. пособие / под ред. В.М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2016. 395 с.
19. Ковтун Н.Н. Кассационное производство: насколько оправданы лапидарные разъяснения пленума // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 26–30.
20. Колмаков П., Обухов И. Возвращение надзорных жалоб и представлений ввиду их несоответствия требованиям ст. 375 УПК РФ // Уголовное право. 2010. № 3. С. 80–84.
21. Колоколов Н.А. Производство в суде надзорной инстанции: проблемы остаются // Юрист. 2005. № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Курс русского уголовного судопроизводства, составленный по лекциям профессора СПб. университета И.Я. Фойницкого и изданный в руководство слушателям 1884–1885 года. СПб. : Я. Кудрицкий и Д. Богословский, 1884–1885. Т. 2. 785 с.

Preparatory Actions of a Court of Cassation on a Criminal Case

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 94–99. DOI: 10.17223/23088451/13/18

Mikhail S. Spiridonov, Stavropol Regional Court (Stavropol, Russian Federation). E-mail: mishok84@mail.ru

Keywords: cassation appeal, final court decision, cassation court, court of first instance, cassation appeal.

Federal Law No. 361-FZ of 11 October 2018 introduced a new procedure for the consideration of all cassation appeals against final court decisions at court hearings. This raised an urgent problem in the criminal procedure science: the role of the court of cassation in preparing a criminal case for a cassation trial, the optimal procedure for checking the compliance of cassation appeals with formal requirements and the possibility of eliminating the shortcomings of appeals. The updated version of Chapter 47.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation contains significant gaps in the regulation of the preparatory actions of the court of cassation, which requires adjustment. The object of the research is criminal procedure relations that are formed in the implementation of the norms of criminal procedure law governing cassation proceedings in the criminal procedure. The subject of the research is the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the generally accepted principles and norms of international law, the provisions of the science of the criminal procedure, the totality of criminal procedure rules governing cassation proceedings. The aim of the study is to identify the essence of the introduced legislative changes relating to the stage of preparation of a criminal case for cassation proceedings, to determine the objectives of the court of cassation at this stage and its terms of reference. Methods of analysis, synthesis and comparison were used to determine the role of the court of first instance in preparing a case for cassation proceedings. Historical legal and comparative legal methods were used to study national historical forms and foreign forms of cassation proceedings. The formal legal method was used to analyze the content of texts of legal acts regulating cassation proceedings. The absence of legal provisions on no progress on a cassation appeal for the applicant to eliminate its shortcomings does not correspond to the objectives of the new cassation appeal procedure against the final court decisions. The procedure for returning a cassation appeal by the cassation court envisages a repetition of preparatory actions by the court of first instance, which contradicts the requirements of reasonableness of the terms of criminal proceedings. The requirements for the content of a cassation appeal need to be changed, taking into account the essence of the new cassation appeal procedure of the final court decisions.

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2018) 15 October. 42 (II). Art. 6375. (In Russian).
2. Chervotkin, A.S. (2018) Novyy poryadok peresmotra sudebnykh resheniy: chto izmenitsya v apellyatsii i kassatsii [New order of revision of court decisions: What will change in appeal and cassation]. *Ugolovnyy protsess*. 9. pp. 46–53.
3. Omarova, A.S. (2015) *Kassatsionnoe proizvodstvo kak forma yuridicheskoy proverki zakonnosti sudebnykh aktov* [Cassation proceedings as a form of legal verification of the legality of court acts]. Law Cand. Diss. Volgograd.
4. Kolokolov, N.A. (2011) Glubokaya modernizatsiya “sovetskoy” sudebnoy sistemy [Deep modernization of the “Soviet” judicial system]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 4. pp. 29–33.
5. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2014) 4.
6. Potapov, V. (2012) Returning of the cassation and supervising claims/adductions without their consideration in the essence: The bases and the order. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 97–101. (In Russian).
7. Omarova, A.S. (2014) O nekotorykh promezhutochnykh resheniyakh v novom poryadke kassatsionnogo proizvodstva [On some intermediate decisions in the new cassation proceedings]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 1. pp. 40–42.
8. Georgia. (2009) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Gruzii* [The Criminal Procedure Code of Georgia]. [Online] Available from: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=101>. (Accessed: 13.01.2019).
9. Rigi Teataja. (2015) *The Code of Criminal Procedure*. [Online] Available from: <https://www.riigiteataja.ee/akt/130122014009>. (Accessed: 11.01.2019). (In Estonian).
10. Ukraine. (2012) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Ukrainy* [The Criminal Procedure Code of Ukraine]. [Online] Available from: http://kalinovsky-k.narod.ru/zakon/UPK_Ukraini_2012.htm. (Accessed: 11.01.2019).
11. Republic of Azerbaijan. (2000) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Azerbaydzhanskoy Respubliki* [The Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280#pos=4570;-57. (Accessed: 14.01.2019).
12. Nekhoroshikh, M.E. (2018) *Kassatsionnoe proizvodstvo: sushchnost', zadachi i napravleniya sovershenstvovaniya* [Cassation proceedings: the essence, objectives and fields of improvement]. Law Cand. Diss. Tomsk.

13. Shirkov, V.P. & Shramchenko M.P. (1909) *Ustav ugovnogo sudoproizvodstva. S pozdneymimi uzakoneniymi, zakonodatel'nymi motivami, raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego Senata i tsirkulyarami Ministra Yustitsii* [Charter of criminal proceedings. With later laws, legislative motives, explanations of the Governing Senate and circulars of the Minister of Justice]. 4th ed. St. Petersburg: Izd. yurid. kn. magazina N.K. Martynova.
14. Shcheglovitov, S.G. (1913) *Sudebnye ustavy Imperatora Aleksandra II s zakonodatel'nymi motivami i raz'yasneniyami. Ustav ugovnogo sudoproizvodstva* [Judicial statutes of Emperor Alexander II with legislative motives and explanations. Charter of criminal proceedings]. St. Petersburg: [s.n.].
15. Dukhovskoy, M.V. (1902) *Russkiy Ugolovnyy protsess* [Russian Criminal Procedure]. Moscow: Univ. tip.
16. Golovnenkov, P. & Spitsa, N. (2012) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya. Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona* [The Code of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany. Scientific and practical commentary and translation of the text of the law]. University of Potsdam.
17. Kolokolov, N. (2011) Uplotnenie nynche v mode. Kommentariy k izmeneniyam, vnesennym v ugovno-protsessual'noe zakonodatel'stvo RF [Condensation is now trendy. Commentary to the changes made to the criminal procedure laws of the Russian Federation]. *Yuridicheskaya gazeta*. 7. pp. 11–13.
18. Lebedev, V.M. (ed.) (2016) *Praktika primeneniya Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii. Chast' 2. Aktual'nye voprosy sudebnoy praktiki, rekomendatsii sudey Verkhovnogo Suda RF po primeneniyu ugovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva na osnove noveyshey sudebnoy praktiki* [The practice of application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Part 2. Topical issues of court practice, recommendations of judges of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of criminal procedure laws based on the latest court practice]. 7th ed. Moscow: Yurayt.
19. Kovtun, N.N. (2014) Cassational proceeding: to what extent the lapidary explanations of the plenum are justified. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 2. pp. 26–30. (In Russian).
20. Kolmakov, P. & Obukhov, I. (2010) Vozvrashchenie nadzornyykh zhalob i predstavleniy vвиду ikh nesootvetstviya trebovaniyam st. 375 UPK RF [Return of supervisory complaints and applications due to their non-compliance with the requirements of Art. 375 of the RF Code of Criminal Procedure]. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 80–84.
21. Kolokolov, N.A. (2005) Proizvodstvo v sude nadzornoj instantsii: problemy ostayutsya [Proceedings in the court of the supervisory instance: there remain problems]. *“ezh – YuRIST”*. 29.
22. Foinitskiy, I.Ya. (1884–1885) *Kurs russkogo ugovnogo sudoproizvodstva, sostavlenyy po lektsiyam professora S.P.-burgskogo universiteta I.Ya. Foinitskogo i izdannyy v rukovodstvo slushatelyam 1884-1885 goda* [The course of Russian criminal proceedings compiled from the lectures of I.Ya. Foinitsky, Professor of St. Petersburg University and published as a guide to the students of 1884–1885]. Vol. 2. St. Peterburg: Ya. Kudritskiy i D. Bogoslovskiy.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.268

DOI: 10.17223/23088451/13/19

А.В. Васеловская

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТРУДОВОЙ ТЕРАПИИ В ПРОЦЕССЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Раскрываются проблемные аспекты нормативно-правового регулирования вовлечения лиц, находящихся на принудительном лечении, в трудовую деятельность в условиях психиатрического стационара. Проводится анализ положений о лечебно-производственных (трудовых) мастерских как одной из основных форм организации трудовой терапии за период со второй половины XX в. по настоящее время, на основе которого делается вывод о современных тенденциях развития правовой базы в области применения трудовой терапии.

Ключевые слова: трудовая терапия, принудительные меры медицинского характера, труд психически больных.

Несмотря на практическое применение трудовой терапии в процессе исполнения принудительных мер медицинского характера, о «лечении трудом», т.е. направленном вовлечении больных в трудовую деятельность, в научной литературе, да и на практике, говорится совсем редко и мало. Вместе с тем следует отметить, что проблематика применения к психически больным методов трудовой терапии носит сложный комплексный характер и стоит на стыке не только нескольких юридических наук (административное, уголовное, трудовое право), но и разных отраслей научного знания (юриспруденция, медицина). С позиций правовой науки особый интерес и практическую значимость приобретают вопросы правовой природы отношений, связанных с вовлечением больных в трудовые процессы, нормативной регламентации данной деятельности, а также отраслевой принадлежности правовых норм, закрепляющих порядок привлечения психически больных к труду.

В связи с большим массивом вопросов, входящих в сферу регулирования труда лиц, находящихся на принудительном лечении, и требующих каждый в отдельности детального изучения, не претендуя на всеобъемлющее и окончательное решение данных вопросов, в настоящей статье рассмотрим лишь один из проблемных аспектов в сфере регламентации трудовой терапии, а именно вопрос об определении правовых основ применения трудовой терапии в условиях психиатрического стационара и возможные формы ее реализации.

Следует отметить, что анализ правовых основ применения трудовой терапии в настоящей статье не ограничивается современным состоянием дел в данной области. Для анализа выбран несколько расширенный временной период – с середины XX в. по настоящее время. Выбор данного временного отрезка не случаен, поскольку сравнительный анализ нормативно-правовых актов за указанный период позволит не только показать текущее состояние дел, но и отразить основной вектор изменений, происходящих в данной области, а также возможные причины этих изменений.

О необходимости развития методов трудовой терапии и об их эффективности в лечении психических

заболеваний говорится уже не одно десятилетие. В советский период данным вопросам уделялось особое внимание, в связи с чем предпринимались попытки разработки нормативной базы для урегулирования отношений, связанных с применением трудотерапии.

Так, еще в 1959 г. Министерством здравоохранения СССР был издан приказ «О мероприятиях по дальнейшему развитию трудовой терапии в психоневрологических и психиатрических лечебных учреждениях» [1].

В названном приказе были выделены следующие возможные формы организации труда психически больных:

- надомная трудовая терапия;
- трудовая терапия в условиях отделения;
- трудовая терапия в лечебно-производственных мастерских;
- трудовая терапия в сельском хозяйстве (на базе подсобных сельских хозяйств).

Особая роль отводилась последним двум формам организации труда, в связи с чем министерствам здравоохранения союзных республик было дано указание в течение 1959–1960 гг. организовать при всех психоневрологических и психиатрических учреждениях лечебно-производственные (трудовые) мастерские (ЛПТМ), а при всех загородных психоневрологических и психиатрических учреждениях – подсобные сельские хозяйства, и впредь при введении в эксплуатацию новых психоневрологических и психиатрических учреждений предусматривать обязательную организацию в их составе указанных звеньев.

Приказ Минздрава СССР 1959 г. позволяет оценить размах применения трудовой терапии в психиатрических лечебных учреждениях середины XX в. В течение относительно короткого промежутка времени после издания приказа практически при каждом таком лечебном учреждении были организованы разные по специализации, размеру и видам ЛПТМ (пасеки, свинофермы, пилорамы, коровники и телятники, сады и овощеводческие подворья). Масштабная деятельность по созданию лечебно-трудовых мастерских сопровождалась провозглашением особого места труда в лечебном процессе, при котором «успех лечения всецело зависит от правильности организации труда» [Там же].

В 1964 г., спустя пять лет с момента издания приказа об обязательности организации ЛПТМ при каждом лечебном учреждении психиатрического профиля, Министерство здравоохранения СССР издает *Положение о лечебно-производственных (трудовых) мастерских при психоневрологических и психиатрических учреждениях* [2]. Основные характеристики правового статуса ЛПТМ, а также лиц, привлеченных к трудовой терапии на базе таких ЛПТМ, по Положению 1964 г. могут быть сведены к следующему:

1. ЛПТМ организуются в качестве подсобных предприятий при психиатрических (психоневрологических) учреждениях.

2. Лечебно-трудовые мастерские состоят в ведении психиатрического (психоневрологического) учреждения и работают под непосредственным руководством главного врача такого учреждения.

3. С финансово-хозяйственной точки зрения ЛПТМ «действуют на основе полного хозяйственного расчета, имеют самостоятельный баланс, заключают договоры, выдают обязательства» [Там же]. Пределы ответственности ЛПТМ и лечебного учреждения определены следующим образом: ЛПТМ, состоящие на хозрасчете, не отвечают по долгам лечебного учреждения; лечебное учреждение не отвечает по долгам ЛПТМ, состоящих на хозрасчете.

4. Порядок распределения прибыли от деятельности лечебно-трудовых мастерских регулируется посредством указания направлений (целей), на которые может быть израсходована полученная прибыль: улучшение культурного обслуживания больных, работающих в ЛПТМ, приобретение оборудования, строительство помещений для мастерских, бесплатная выдача медикаментов психически больным, находящимся на амбулаторном лечении и работающим в мастерских этих учреждений, организация одноразового питания для указанных больных.

5. Принципиально важным в аспекте определения правового статуса лиц, привлеченных к трудовой терапии, является содержание п. 23 Положения 1964 г., регулирующего вопросы выплаты вознаграждения за труд.

Согласно указанному пункту больным, участвующим в производстве, выплачивается вознаграждение в соответствии с количеством вырабатываемой продукции по действующим положениям об оплате труда рабочих соответствующих производств. Выплата вознаграждения производится два раза в месяц. Вознаграждение за труд начисляется каждому больному, участвующему в выработке продукции, переводится на сберкнижку, которая вручается больному или в установленном порядке его родственникам при выписке из стационара. Больные, проходящие трудовую терапию в надомных условиях и в условиях дневного стационара, получают вознаграждение за труд на уровне вознаграждения амбулаторных больных, занятых в лечебно-производственных (трудовых) мастерских.

Несмотря на то, что трудовая терапия рассматривалась законодателем как метод лечения, сам труд больных оценивался с экономических позиций. И поскольку труд лиц, находящихся на принудительном лечении, был направлен на производство определенного блага,

реализуемого вовне, за такой труд следовала выплата вознаграждения.

Таким образом, первое из рассмотренных положений, регламентирующих вопросы применения трудовой терапии, предусматривало такую форму ее организации, как лечебно-производственные (трудовые) мастерские. Данная форма основывалась на принципе организационной подчиненности руководству психиатрического учреждения при сохранении относительной хозяйственной (финансовой) самостоятельности. Привлечение лиц, находящихся в психиатрическом стационаре на принудительном лечении, к труду осуществлялось с применением отдельных элементов механизма правового регулирования трудовых отношений (например, выплата вознаграждения за труд в соответствии с количеством вырабатываемой продукции). Вопрос относительно документального оформления отношений по вовлечению в трудовую деятельность (в частности, необходимость заключения трудового договора, оформления трудовых книжек) названное Положение не регулировало. Указанное Положение фактически сохраняло свое действие вплоть до изменения законодательной базы в условиях вновь созданного государства после распада Советского Союза.

Развитие законодательства о трудовой терапии в постсоветский период начинается с принятия в 1992 г. Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (далее – Закон) [3]. Словосочетание «трудовая терапия» встречается в нем один раз. В ст. 16 Закона среди прочих обязательств государства, направленных на обеспечение граждан психиатрической помощью и социальной поддержкой, указаны и обязательства по созданию лечебно-производственных предприятий для трудовой терапии, профессионального обучения и трудоустройства на этих предприятиях лиц, страдающих психическими расстройствами.

Относительно вопроса привлечения к труду лиц, страдающих психическими расстройствами, Закон содержит в себе еще одно очень важное положение. Статья 37 Закона, устанавливающая перечень прав пациентов, находящихся в медицинских организациях, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях, закрепляет за пациентами право получать наравне с другими гражданами вознаграждение за труд в соответствии с его количеством и качеством, если пациент участвует в производительном труде. Указанное право в равной степени распространяется и на лиц, находящихся в медицинской организации на принудительном лечении (ст. 13 Закона).

Вместе с тем необходимо отметить, что согласно ст. 13 Закона лица, находящиеся на принудительном лечении, признаются нетрудоспособными на весь период пребывания в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. Признание лица нетрудоспособным на весь период его пребывания в психиатрическом стационаре никак не коррелирует с возможностью вовлечения таких лиц в трудовые процессы, в связи с чем указанная норма требует уточнения в части возможности привлечения лица к труду с учетом медицинских показаний в рамках трудовой терапии.

В развитие положений Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в 1994 г. на федеральном уровне был принят подзаконный нормативно-правовой акт – Постановление Правительства РФ от 25.05.1994 г. № 522 «О мерах по обеспечению психиатрической помощью и социальной защите лиц, страдающих психическими расстройствами» [4], в качестве приложения к которому утверждено *Положение о лечебно-производственных государственных предприятиях для проведения трудовой терапии, обучения новым профессиям и трудоустройства на этих предприятиях лиц, страдающих психическими расстройствами, включая инвалидов* (Положение 1994 г.).

Начиная со второй половины XX в. это был второй документ, после Положения о ЛПТМ 1964 г., который детально регламентировал деятельность учреждений по проведению трудовой терапии.

Выделим основные характеристики организации трудовой терапии на базе лечебно-производственных государственных предприятий по Положению 1994 г.

1. Две формы организации лечебно-производственного предприятия: как самостоятельное юридическое лицо либо как структурное подразделение государственного или муниципального учреждения, оказывающего психиатрическую помощь.

2. Основной массив правовых норм касается предприятий, образованных в качестве самостоятельных юридических лиц. Такое предприятие находится на самостоятельном балансе, имеет расчетный счет в учреждении банка, работает на принципах самоокупаемости.

3. Взаимоотношения предприятия (самостоятельного юридического лица) и учреждения, оказывающего психиатрическую помощь, определяются договором о совместной деятельности. Предприятие не отвечает по обязательствам медицинского учреждения, а учреждение – по обязательствам предприятия.

4. Среди целей деятельности предприятия предусмотрено, в числе других, получение прибыли. Основные направления расходования прибыли: улучшение условий труда и быта работающих лиц, их дополнительное питание, приобретение медицинского оборудования и лекарственных средств.

5. Положением предусмотрено два возможных варианта привлечения психически больных к труду: по трудовому договору и без заключения такового.

6. Для работы на предприятии лицу выдается направление учреждением, оказывающим психиатрическую помощь.

При наличии направления от медицинской организации и заявления о приеме на работу с лицом заключается трудовой договор. На указанных лиц заводятся трудовые книжки, им выплачивается заработная плата, предоставляется ежегодный оплачиваемый отпуск, время работы на предприятии включается в общий трудовой стаж, они подлежат государственному социальному страхованию.

7. Лицам, страдающим психическими расстройствами, которым учреждением, оказывающим психиатрическую помощь, не рекомендовано выполнение работы по трудовому договору, но которым необходи-

ма по медицинским показаниям трудовая терапия, наравне с другими лицами выплачивается вознаграждение за труд в соответствии с его количеством и качеством.

Таким образом, в отличие от ранее действовавшего Положения 1964 г. Положением о лечебно-производственных государственных предприятиях 1994 г. предусматривалась практически полная организационная и финансовая самостоятельность названных предприятий. Деятельность предприятий рассматривалась в основном как деятельность самостоятельных юридических лиц, а правовое положение психически больных, привлеченных к труду на указанных предприятиях, по своей правовой конструкции было максимально приближено к правовому положению работника в рамках трудовых правоотношений.

Однако данная концепция не получила практического развития. Дело в том, что в советский период постоянным и основным (а зачастую единственным) поставщиком сырья и одновременно заказчиком готовой продукции ЛПТМ выступало государство. В условиях перехода государства на рельсы рыночной экономики абсолютное большинство ЛПТМ оказалось в весьма убыточном состоянии.

В связи с повсеместным значительным уменьшением объемов и видов производства ЛПТМ в 1999 г. Министерством здравоохранения РФ было издано письмо, в котором Минздрав России предложил включить ЛПТМ в качестве структурных подразделений в состав психоневрологических и психиатрических учреждений [5].

Таким образом, предполагавшиеся к созданию по Положению 1994 г. лечебно-производственные государственные предприятия в условиях перестройки экономической системы так и не были созданы. К началу XXI в. объем выпускаемой ЛПТМ продукции был значительно сокращен, а сами лечебно-трудовые мастерские либо полностью закрыты, либо включены в качестве структурных подразделений в состав психиатрических больниц.

В 2012 г. Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации был утвержден Порядок оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения [6], а вместе с ним новые *Правила организации деятельности лечебно-производственных (трудовых) мастерских психоневрологического диспансера (психиатрической больницы)*.

Как и в предыдущих случаях, укажем основные моменты, характеризующие порядок организации трудовой терапии психически больных на базе ЛПТМ в соответствии с Правилами 2012 г.

1. В отличие от ранее действовавших правовых актов Правила 2012 г. закрепляют только одну возможную форму организации деятельности ЛПТМ – в качестве структурного подразделения психоневрологического диспансера (психиатрической больницы).

2. На первое место выдвинуты цели медико-социальной реабилитации, поддерживающего лечения, т.е. именно лечебные цели. Цель «извлечение прибыли» не названа.

3. Организационная структура и штатная численность напрямую поставлены в зависимость от объемов

осуществляемой лечебно-диагностической помощи и проводимой медико-социо-реабилитационной работы.

4. Названы исключительно лечебные функции ЛПТМ, такие как поддерживающее лечение пациентов в состоянии ремиссии, проведение психотерапевтических методов лечения и психологической коррекции, психосоциальной терапии и психосоциальной реабилитации, сохранение и восстановление трудоспособности пациентов, осуществление трудотерапии в ходе реализации лечебно-реабилитационной программы.

5. Нормы о заключении трудовых договоров, выплате вознаграждения за труд отсутствуют.

Правила организации деятельности ЛПТМ 2012 г. действуют по настоящее время. В них, в отличие от ранее действовавших положений, главный акцент сделан именно на лечебной составляющей процесса трудовой терапии. Нормы, регламентирующие характер труда, выплату вознаграждения, порядок документального оформления фактов привлечения к труду, в Правилах 2012 г. отсутствуют.

Подводя итог проведенному анализу правовых основ применения трудовой терапии в отношении психически больных, находящихся на принудительном лечении, можно сделать следующие основные выводы:

1) на сегодняшний день организация трудовой терапии сводится к двум основным формам: работа внутри отделения (например, помощь медперсоналу в уборке отделения) и трудовая терапия на базе лечебно-трудовых мастерских. Первая из указанных форм организации трудотерапии не регламентирована на законодательном и подзаконном уровнях. Вторая форма регламентирована изданными в 2012 г. Правилами организации ЛПТМ;

2) в правовом регулировании деятельности ЛПТМ к настоящему времени обозначились в качестве преобладающих следующие тенденции:

– переход от концепции полной хозяйственной (экономической) самостоятельности ЛПТМ как самостоятельных юридических лиц к их включению в структуру лечебных учреждений;

– изменение основного вектора регулирования организации трудотерапии: переход от концепции правоотношений, максимально приближенных к трудовым, при которой определяющим в ТРУДОВОЙ терапии являлось указание именно на трудовой характер данной деятельности, к медицинской концепции, при которой основной акцент в трудовой ТЕРАПИИ сделан на лечебную составляющую;

– результатом вышеуказанных изменений стало уменьшение объема нормативного регулирования правового положения лиц, привлекаемых к труду. Практически весь процесс организации трудовой терапии в лечебном учреждении отнесен к исключительной компетенции медиков. Как следствие, отсутствуют нормы о порядке документального оформления привлечения к труду (необходимо ли осуществлять прием на работу, заключать трудовой договор, вносить запись в трудовые книжки и т.д.), выплате вознаграждения за труд, обеспечении безопасных условий труда, видах работ, на которых допустимо применение трудовой терапии, и т.д.

В заключение следует отметить, что результат проведенного исследования, в том числе анализ ранее действовавших концепций правового регулирования применения трудовой терапии, указывает на необходимость дополнения действующих Правил об организации ЛПТМ правовыми нормами, регламентирующими сам процесс привлечения психически больных к труду (порядок привлечения к труду, создание и обеспечение безопасных условий труда, виды работ, на которых допустимо применение трудотерапии, и т.д.), с целью создания необходимых социальных гарантий и соблюдения прав указанных лиц при их участии в производительном труде.

ЛИТЕРАТУРА

1. О мероприятиях по дальнейшему развитию трудовой терапии в психоневрологических и психиатрических лечебных учреждениях : Приказ Министерства здравоохранения СССР от 30.04.1959 № 225 // СПС «КонсультантПлюс»: Версия Проф., сетевая, электрон. дан. (дата обращения: 15.03.2019).
2. Об утверждении Положения о лечебно-производственных (трудовых) мастерских при психоневрологических и психиатрических учреждениях : Приказ Министерства здравоохранения СССР от 16.01.1964 № 20 // СПС «КонсультантПлюс»: Версия Проф., сетевая, электрон. дан. (дата обращения: 21.03.2019).
3. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : Закон Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 19.07.2018) // СПС «КонсультантПлюс»: Версия Проф., сетевая, электрон. дан. (дата обращения: 01.04.2019).
4. О мерах по обеспечению психиатрической помощью и социальной защите лиц, страдающих психическими расстройствами : Постановление Правительства РФ от 25.05.1994 № 522 (ред. от 24.11.2014) // СПС «КонсультантПлюс»: Версия Проф., сетевая, электрон. дан. (дата обращения: 21.03.2019).
5. К вопросу о реорганизации лечебно-производственных (трудовых) мастерских (ЛПТМ) при психоневрологических и психиатрических учреждениях : Письмо Минздрава России от 30.07.1999 № 2510/8506-99-25 // СПС «КонсультантПлюс»: Версия Проф., сетевая, электрон. дан. (дата обращения: 19.03.2019).
6. Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения : Приказ Минздрава России от 17.05.2012 № 566н (ред. от 13.09.2018) // СПС «КонсультантПлюс»: Версия Проф., сетевая, электрон. дан. (дата обращения: 28.03.2019).

The Legal Basis of Using Occupational Therapy in the Execution of Compulsory Measures of a Medical Nature

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 100–104. DOI: 10.17223/23088451/13/19

Aleksandra V. Vaselovskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vaselovskaya.a@mail.ru

Keywords: occupational therapy, compulsory measures of medical nature, work of the mentally ill.

The article considers the legal regulation of the use of occupational therapy in relation to persons under compulsory treatment in a psychiatric hospital. The analysis of legal acts issued from the mid-twentieth century to the present shows several organizational forms

of occupational therapy; the main one is based on occupational therapy workshops. On the basis of the study the author has conducted, it is concluded that at the present stage the legal regulation of the involvement of the mentally ill in work has reduced. The nature of the activities of occupational therapy workshops has changed: their economic independence has been replaced by their complete subordination to the medical institution. These changes make it necessary to supplement the existing Rules on the Organization of Occupational Therapy Workshops with legal norms regulating the very process of involving the mentally ill in work (the procedure for involving in work, creating and ensuring safe working conditions, types of work suitable for occupational therapy, etc.).

References

1. Ministry of Health of the USSR. (1959) *Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya SSSR ot 30.04.1959 g. № 225 "O meropriyatiyakh po dal'neyshemu razvitiyu trudovoy terapii v psikhonevrologicheskikh i psikhiatricheskikh lechebnykh uchrezhdeniyakh"* [Order of the Ministry of Health of the USSR No. 225 of 30 April 1959 "On measures for the further development of occupational therapy in psycho-neurological and psychiatric medical institutions"]. Moscow: SPS "Konsul'tantplyus".
2. Ministry of Health of the USSR. (1964) *Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya SSSR ot 16.01.1964 g. № 20 "Ob utverzhdenii Polozheniya o lechebno-proizvodstvennykh (trudovykh) masterskikh pri psikhonevrologicheskikh i psikhiatricheskikh uchrezhdeniyakh"* [Order of the Ministry of Health of the USSR No. 20 of 16 January 1964 "On Approval of the Provision on Medical and Production (Labor) Workshops at Psychoneurological and Psychiatric Institutions"]. Moscow: SPS "Konsul'tantplyus".
3. Russian Federation. (2018) *Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 02.07.1992 g. № 3185-1 "O psikhiatricheskoy pomoshchi i garantiyakh prav grazhdan pri ee okazanii"* (red. ot 19.07.2018) [The Law of the Russian Federation No. 3185-1 of 02 July 1992 "On Psychiatric Assistance and Guarantees of the Rights of Citizens When It Is Provided" (as amended on 19 July 2018)]. Moscow: SPS "Konsul'tantplyus".
4. Russian Federation. (2014) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 25.05.1994 № 522 "O merakh po obespecheniyu psikhiatricheskoy pomoshchi i sotsial'noy zashchite lits, stradayushchikh psikhicheskimi rasstroystvami"* (red. ot 24.11.2014) [Decree of the Government of the Russian Federation No. 522 of 05 May 1994 "On measures to ensure mental health care and social protection of persons suffering from mental disorders" (as amended on 24 November 2014)]. Moscow: SPS "Konsul'tantplyus".
5. Ministry of Health of the Russian Federation. (1999) *Pis'mo Minzdrava Rossii ot 30.07.1999 g. № 2510/8506-99-25 "K voprosu o reorganizatsii lechebno-proizvodstvennykh (trudovykh) masterskikh (LPTM) pri psikhonevrologicheskikh i psikhiatricheskikh uchrezhdeniyakh"* [Letter of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 2510/8506-99-25 of 30 July 30 1999 "On the issue of reorganization of occupational workshops at psycho-neurological and psychiatric institutions"]. Moscow: SPS "Konsul'tantplyus".
6. Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation. (2018) *Prikaz Minzdravsotsrazvitiya Rossii ot 17.05.2012 № 566n "Ob utverzhdenii Poryadka okazaniya meditsinskoy pomoshchi pri psikhicheskikh rasstroystvakh i rasstroystvakh povedeniya"* (red. ot 13.09.2018) [Order of Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation No. 566n of 17 May 2012 "On approval of the procedure for rendering medical assistance for mental disorders and behavioral disorders" (as amended on 13 September 2018)]. Moscow: SPS "Konsul'tantplyus".

УДК 343.8

DOI: 10.17223/23088451/13/20

Е.Е. Новиков

СУБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИХ СОСТАВА И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В НОРМАХ ПРАВА

Рассматривается проблема определения представителями уголовно-исполнительного права субъектного состава уголовно-исполнительных правоотношений. На основе полученной информации сделан вывод о том, кто будет являться субъектом рассматриваемых правовых связей. Представлены конкретные предложения, направленные на совершенствование правового регулирования участия субъектов права в уголовно-исполнительных правоотношениях.

Ключевые слова: учреждения и органы, исполняющие наказания, уголовно-исполнительные правоотношения, осужденный.

Проблемы правоотношений привлекают внимание как ученых, изучающих общую теорию права, так и представителей самостоятельных отраслей права, в том числе уголовно-исполнительного. Наибольшее количество вопросов возникает при определении понятия правоотношений, изучении объекта правовых связей и их содержания, исследовании юридических фактов и т.д. Кроме того, для уголовно-исполнительной науки актуальным является ответ на вопрос о том, кого следует относить к субъектам уголовно-исполнительных правоотношений.

Анализ специальной юридической литературы позволил выделить различные позиции, касающиеся субъектного состава правовых связей, возникающих, изменяющихся или прекращающихся в связи с исполнением и отбыванием уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера (далее – меры). Так, ряд авторов [1, с. 214–220; 2, с. 163] не относят к субъектам уголовно-исполнительных правоотношений, например, родственников осужденного или общественность, так как они, имея определенные полномочия по исправлению осужденных, не являются субъектом материальных уголовно-исполнительных правоотношений, а считаются только субъектом процедурных отношений по обеспечению организации исполнения наказания и применения мер уголовно-исполнительного воздействия, направленного на организационно-правовые стороны деятельности учреждений и органов, исполняющих наказание.

Мнение В.Е. Южанина [3, с. 303–304] схоже с вышеуказанной позицией. Однако ученый полагает, что к участникам уголовно-исполнительных правоотношений также относятся субъекты, обладающие властными исполнительно-распорядительными полномочиями по отношению к осужденным (например, начальник территориального органа ФСИН России).

Немалое количество представителей уголовно-исполнительного права полагают, что в отдельных случаях субъектами рассматриваемых правоотношений могут являться все участники, выступающие «носителями прав и обязанностей» [4, с. 5; 5, с. 288].

Нельзя обойти стороной существенно отличающееся от «классических» позиций спорное мнение В.М. Орбеца и Н.И. Полищука [6, с. 100], которые считают, что субъектами рассматриваемых правовых

связей будут являться лица, уполномоченные применять правовые нормы, регулирующие «...исполнение уголовного наказания или меры процессуального принуждения (курсив мой. – Н.Е.)». Исходя из сказанного следует, что участниками уголовно-исполнительных правоотношений будут являться как администрация учреждений и органов, исполняющих наказания, так и, например, орган дознания, дознаватель, следователь, которые имеют право принять меру процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого (см., напр., ч. 1 ст. 91 УПК РФ). При этом было бы неправильным не обозначить, что в дальнейшем в некоторых своих работах Н.И. Полищук склоняется к доктринальной точке зрения, касающейся субъектного состава уголовно-исполнительных правоотношений [7, с. 294].

Интересен взгляд О.В. Борисовой [8, с. 5–6], которая отмечает, что будет «методологически неверным» называть учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, субъектами уголовно-исполнительных правоотношений. В процессе аргументации своей точки зрения автор приходит к выводу, что субъекты уголовных и уголовно-исполнительных правоотношений должны совпадать. А поскольку субъектами уголовных отношений являются государство и преступник, то в качестве субъектов интересующих нас связей должны выступать осужденный и государство, которое реализует свою волю через соответствующую группу учреждений и органов. О.В. Борисова, так же как ряд других ученых-юристов, считает, что к субъектам уголовно-исполнительных правоотношений следует отнести *всех лиц*, участвующих в рассматриваемых правовых связях.

Представленный выше краткий анализ специальной юридической литературы показал, что вопрос о том, кого следует относить к субъектам уголовно-исполнительных правоотношений, остается до конца не решенным. Склоняемся к мнению, что субъектами уголовно-исполнительных правоотношений будут являться все участники, деяние которых порождает, изменяет или прекращает уголовно-исполнительные правоотношения (отметим, что понятия «субъект правоотношения» и «участник правоотношения» здесь и далее по тексту исследования будут использованы как синонимы).

Продолжая рассматривать интересующий нас вопрос, выделим три группы субъектов уголовно-

исполнительных правоотношений. К *первой группе* относятся субъекты, *исполняющие* уголовные наказания.

Перечень учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания (меры), закреплен в ст. 16 УИК РФ. Исходя из содержания статьи, можно выделить *два вида* данных участников уголовно-исполнительных правоотношений: учреждения уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) и учреждения и органы, не входящие в УИС.

1. *Учреждения УИС*: уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ), учреждения, исполняющие наказания (как срочные, так и бессрочные) в виде лишения свободы (ИК, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения, СИЗО) и смертной казни.

Акцентируем внимание на некоторых правовых проблемах, касающихся закрепления в ст. 16 УИК РФ рассматриваемой группы субъектов уголовно-исполнительных правоотношений.

Так, исходя из смысла ч. 14 ст. 16 УИК РФ, УИИ является учреждением, входящим в УИС в связи с исполнением наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ и ограничения свободы. В указанной норме законодатель *не упоминает* о том, что УИИ будет являться учреждением УИС в случае исполнения наказания в виде *лишения права* занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью либо в результате осуществления контроля за поведением всеми категориями осужденных, к которым применена *иная мера уголовно-правового характера*. Полагаем, что данный вопрос потеряет свою актуальность в результате изменения рассматриваемой отсылочной нормы (ч. 14 ст. 16 УИК РФ) и включения в ее содержание указанного наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Кроме того, в ст. 16 УИК РФ не зафиксировано, что УИИ является учреждением, контролирующим осужденных, наказание которых отсрочено в соответствии со ст. 82 («Отсрочка отбывания наказания») и ст. 82.1 («Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией») УК РФ. Данная ситуация становится еще более нелогичной на фоне постоянного увеличения численности указанной категории лиц. Например, в 2015 г. количество осужденных, которым наказание было отсрочено в соответствии со ст. 82 УК РФ, составило 6 486 чел., в 2016 г. – 6 666 чел., а в 2017 г. – 6 970 чел.

Отдельно следует обратить внимание на то, что в ст. 16 УИК РФ *не определен* субъект, участвующий в уголовно-исполнительных правоотношениях, функционирующих в сфере реализации наказания в виде смертной казни. В ч. 11 ст. 16 УИК РФ лишь сказано, что «...наказание в виде смертной казни исполняется *учреждениями уголовно-исполнительной системы* (курсив мой. – Н.Е.)». Отсюда следует, что *de jure* любое из вышеперечисленных учреждений УИС, в том числе УИИ или ВК, может являться субъектом исследуемых правоотношений.

Полагаем, что в ч. 11 ст. 16 УИК РФ должен быть указан участник соответствующих правоотношений. Считаем возможным обязанность по исполнению наказания в виде смертной казни делегировать *тюрьмам*.

2. *Учреждения и органы, не входящие в УИС*. К ним относятся судебные приставы-исполнители, суд, ко-

мандование воинских частей, гауптфакты и дисциплинарные воинские части. Коротко уделим внимание каждому субъекту.

Суд как субъект уголовно-исполнительных правоотношений является органом судебной власти. Следует согласиться с К.А. Орловой [9] в том, что в нормативном плане судебная власть представлена совокупностью органов, т.е. судов, образующих судебную систему. Именно этим термином оперирует законодатель, например, в ст. 10, п. «г» ст. 71 Конституции РФ; ст.ст. 1, 18, 19, 23 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ст. 19 Федерального конституционного закона от 17.12.1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» и др.

В соответствии с ч. 3 ст. 16 УИК РФ суд является субъектом, исполняющим уголовное наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград.

В научной литературе не первый год муссируется идея о нецелесообразности закрепления суда в качестве органа, исполняющего соответствующее наказание. Обойдя стороной дискуссию по этому поводу, склонимся к позиции В.Н. Орлова [10, с. 324], который считает возможным в ч. 3 ст. 16 УИК РФ закрепить положение о том, что наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград должно исполняться судебным приставом-исполнителем по месту жительства (работы) осужденного. Но, по нашему мнению, предложение В.Н. Орлова имеет смысл лишь в случае назначения такого наказания в качестве основного. Однако если наказание в виде исполнения лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград было назначено в качестве дополнительного *к лишению свободы*, то субъектом исполнения должно выступать исправительное учреждение, а не судебные приставы-исполнители.

Судебные приставы-исполнители исполняют уголовное наказание в виде штрафа. Вопреки мнению [Там же, с. 336], превалирующему в специальной юридической литературе, указанный субъект рассматриваемых правоотношений *не относится ни к учреждениям, ни к органам*.

Во-первых, исходя из содержания ст. 5 Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и смысла Указа Президента РФ от 09.03.2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» органом являются не судебные приставы-исполнители, а Федеральная служба судебных приставов. В соответствии с ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» судебный пристав-исполнитель является «...*должностным лицом*, состоящим на государственной службе (курсив мой. – Н.Е.)».

Во-вторых, судебным приставам-исполнителям не свойственны признаки, присущие органам государства, такие как наличие своей структуры, внутреннего устройства, наличие в органе иерархической подчиненности, собственной материальной базы, т.е. финансирования из бюджета [11] и т.д.

Таким образом, субъектом, исполняющим уголовное наказание в виде штрафа, будет являться *должностное лицо* в лице судебного пристава-исполнителя.

Командование воинской части является еще одним участником уголовно-исполнительных правоотношений. В данном контексте отметим, что анализ уголовно-правовых, уголовно-исполнительных норм права и предписаний Министерства обороны Российской Федерации не представляет возможным ответить на вопрос: *командование воинской части* – это орган или учреждение, исполняющее наказание в виде ограничения по воинской службе?

Полагаем, что отвечать на поставленный вопрос нет необходимости, так как *de facto* наказание в виде ограничения по воинской службе исполняет не командование, а *командир воинской части, являющийся должностным лицом*, на которое возложена обязанность руководства частью. Так, анализ главы 18 УИК РФ и раздела II Приказа Министра обороны РФ от 20.10.2016 г. № 680 «Об утверждении Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими» (далее – Приказ № 680) показал, что в них *не упоминается* командование воинской части как субъект, исполняющий наказание. По сути, законодатель делегирует соответствующие полномочия *исключительно командиру* воинской части, который, например:

- издает приказ, в котором объявляется, на каком основании и в течение какого срока осужденный военнослужащий не представляется к повышению в должности и присвоению воинского звания, какой срок ему не засчитывается в срок выслуги лет для присвоения очередного воинского звания (ч. 1 ст. 143 УИК РФ, п. 7 Приказа № 680);

- извещает суд, вынесший приговор, о поступлении приговора (ч. 2 ст. 143 УИК РФ, п. 7 Приказа № 680);

- решает вопрос о перемещении осужденного на другую должность в пределах воинской части (п. 8 Приказа № 680) и т.д.

Рассматривая указанный вопрос, отметим ч. 13 ст. 16 УИК РФ, которая регламентирует, что за «...условно осужденными военнослужащими контроль осуществляется командованием воинских частей». Однако в п. 66 раздела V Приказа № 680 («Осуществление контроля за условно осужденными военнослужащими») функция по контролю за поведением условно осужденных военнослужащих фактически возложена на командира воинской части.

Приведенная выше информация дает возможность сделать следующие выводы:

- 1) в связи с тем, что исполнение уголовных наказаний в виде штрафа и ограничения по воинской службе, а также контроль за поведением условно осужденных военнослужащих осуществляют *должностные лица*, ст. 16 УИК РФ должна называться следующим образом: «Учреждения, органы и *должностные лица*, исполняющие наказания (курсив мой. – Н.Е.)»;

- 2) в ч. 12 ст. 16 УИК РФ в качестве субъекта, исполняющего уголовное наказание в виде ограничения по воинской службе, должен быть указан командир воинской части, а не командование. Кроме того, в ч. 13 ст. 16 УИК РФ функцию по контролю за поведением

условно осужденных военнослужащих следует передать командиру воинской части.

Далее отметим, что, исходя из содержания ч. 12 УИК РФ, п. 197 Указа Президента РФ от 25.03.2015 г. № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» и иных нормативных правовых актов Министерства обороны Российской Федерации в отношении военнослужащих, уголовные наказания исполняются военной полицией Вооруженных Сил Российской Федерации, а именно гауптвахтами и дисциплинарными воинскими частями.

Принимая во внимание анализ специальной литературы [12, с. 183–190], а также то, что в юридических документах военная полиция представлена как совокупность органов (ч. 4 ст. 25.1 Федерального закона от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», ч. 8 Устава военной полиции ВС РФ и др.), считаем, что гауптвахты и дисциплинарные воинские части можно отнести к *органам*, исполняющим уголовные наказания.

Осужденные являются *второй группой* субъектов уголовно-исполнительных правоотношений.

Понятие «осужденный» содержится в ч. 2 ст. 47 УПК РФ, где сказано, что «обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным». Данное законодателем понятие является спорным, так как уголовно-исполнительные правоотношения возникают после вступления обвинительного приговора в *законную силу*. Соответственно, называть лицо осужденным до возникновения соответствующей группы общественных отношений неверно.

Анализ уголовно-процессуальных норм стран ближнего зарубежья позволил выявить две позиции по данному вопросу. Так, например, законы Казахстана (ч. 3 ст. 65 УПК РК [13]) и Узбекистана (ст. 34 УПК РУ [14]) содержат мнение, которого придерживается и законодатель Российской Федерации.

Исходя из содержания другой позиции, осужденным в уголовном производстве следует признавать лицо, в отношении которого обвинительный приговор суда *вступил* в законную силу. Указанный положительный опыт содержится, например, в ч. 2 ст. 43 УПК Украины [15] и ч. 2 ст. 47 УПК Республики Таджикистан [16].

Обосновывая данную точку зрения, предьявим справедливую позицию Ю.А. Головастовой [17, с. 48], которая отметила, что вступивший в законную силу приговор суда является одним из основных признаков, характеризующих осужденного как субъекта уголовно-исполнительных правоотношений.

Полагаем, что осужденным следует считать лицо, в отношении которого обвинительный приговор суда вступил в законную силу. Сформулированный вывод диктует необходимость изменения содержания ч. 2 ст. 47 УПК РФ и представления указанной нормы в следующей редакции: «Осужденным признается обвиняемый, в отношении которого обвинительный приговор суда вступил в законную силу».

Помимо осужденных и учреждений и органов, исполняющих наказания (меры), к субъектам уголовно-исполнительных правоотношений следует отнести иных их

участников (*третья группа* субъектов). Автор статьи взял за основу перечень субъектов, представленный О.В. Борисовой [8, с. 9–10]), которые действуют не во всех, а только в отдельных уголовно-исполнительных отношениях:

1) субъекты, *входящие в УИС*. К ним относятся руководитель федерального органа исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний (ФСИН), территориальный орган ФСИН и его начальник. Например, руководитель ФСИН либо начальник территориального органа ФСИН имеют право принимать решения о введении режима особых условий в ИУ на срок до 30 суток (ч. 3 ст. 75 УИК РФ); в соответствии с ч. 2 ст. 60.2, ч. 1 ст. 75.1 УИК РФ территориальный орган ФСИН вступает в правовые связи с осужденным в случае его самостоятельного направления для отбывания уголовного наказания (меры) в исправительный центр или колонию-поселение;

2) субъекты, осуществляющие деятельность, *вытекающую из содержания приговора суда, и ряд функций, связанных с исполнением приговора*. Например, администрации организаций, в которых работают осужденные к наказаниям в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 2 ст. 16, ч. 3 ст. 33, ст. 34 УИК РФ), обязательных (ст. 28 УИК РФ) и исправительных работ (ч. 1 ст. 43 УИК РФ), являются субъектами уголовно-исполнительных правоотношений, когда они исполняют требования, содержащиеся в обвинительном приговоре суда или в нормах уголовно-исполнительного законодательства;

3) субъекты, *контролирующие* процесс исполнения уголовных наказаний. Особенность данной группы субъектов состоит в том, что они, находясь вне процесса исполнения наказания, могут оказывать существенное влияние на возникновение, изменение (приостановление) или прекращение уголовно-исполнительных правоотношений. К указанной группе участников могут быть отнесены внутригосударственные органы, осуществляющие государственный контроль, в том числе судебный и ведомственный, должностные лица (например, Уполномоченный по правам человека), прокуратура, осуществляющая надзор, общественные объединения;

4) субъекты, *оказывающие помощь как учреждению (органу), так и осужденному в исполнении и отбывании уголовного наказания (меры)*. К ним относятся образовательные и медицинские организации, лица, оказывающие осужденному психологическую юридическую помощь, религиозные объединения и священнослужители как их представители, общественные объединения (попечительские советы, фонды), родственники осужденного и иные лица, которые поддерживают с ним социально полезные связи, представители средств массовой информации, сотрудники полиции (ч. 3 ст. 49 УИК РФ);

5) в качестве дополнительного субъекта автор счел возможным отдельно выделить *суд*, деятельность которого оказывает существенное влияние на уголовно-исполнительные отношения. Например, когда он решает вопросы о продлении сроков задержания злостно уклоняющихся от отбывания наказания осужденных, местонахождение которых неизвестно (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 4 ст. 46 УИК РФ), об изменении объема правоограничений мер государственного принуждения (ч. 7 ст. 44, ч. 1 ст. 54 УИК РФ), оставлении осужденного в СИЗО (ч. 2 ст. 77.1 УИК РФ), изменении вида исправительного учреждения (ч. 2.2 ст. 78 УИК РФ).

Вышеизложенное позволяет сделать краткий вывод о том, что уголовно-исполнительное законодательство содержит разнообразный круг иных (дополнительных) субъектов уголовно-исполнительных отношений, влияющих в своей совокупности на возникновение, изменение (приостановление), прекращение уголовно-исполнительных правоотношений. Игнорирование указанного факта, отношения роли дополнительных субъектов права к второстепенным могут отрицательно сказаться как на уголовно-исполнительных отношениях в частности, так и на механизме уголовно-исполнительного регулирования в целом.

В заключение данной статьи следует сделать следующие выводы:

1. Вопрос о том, кого следует относить к субъектам уголовно-исполнительных правоотношений, остается до конца не решенным. Полагаем, что субъектами анализируемых правовых связей будут являться *все* участники, деяние которых порождает, изменяет (приостанавливает) или прекращает уголовно-исполнительные правоотношения.

2. В УИК РФ должно быть отражено, что уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера исполняют не только учреждения и органы, но и должностные лица.

3. С целью совершенствования правового регулирования участия субъектов права в уголовно-исполнительных правоотношениях необходимо:

– в ч. 14 ст. 16 УИК РФ закрепить УИИ как субъект, исполняющий наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и контролирующей поведение осужденных, к которым применена иная мера уголовно-правового характера;

– указать командира воинской части в качестве субъекта, исполняющего уголовное наказание в виде ограничения по воинской службе, а также контролирующего поведение условно осужденных военнослужащих;

– определить субъект, исполняющий наказание в виде смертной казни;

– делегировать обязанность исполнения наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград судебным приставам-исполнителям и ИУ;

– считать осужденным лицо, в отношении которого обвинительный приговор суда вступил в законную силу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова О.В. Субъектный состав уголовно-исполнительного правоотношения // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Естественные, общественные науки. 2017. № 1. С. 5–11.

2. Головастова Ю.А. Осужденный как субъект уголовно-исполнительных правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 86–91.
3. Михайлов И.А. Советское исправительно-трудовое право. Общая часть / под ред. Н.А. Стручкова, И.В. Шмарова, И.А. Сперанского. М., 1977. 352 с.
4. Орлов В.Н. Применение и отбывание уголовного наказания : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 605 с.
5. Оробец В.М., Полищук Н.И. Юридический факт и уголовно-исполнительное правоотношение // Юридическая мысль. 2008. № 2 (46). С. 94–100.
6. Полищук Н.И. Понятие и виды уголовно-исполнительного отношения // Курс уголовно-исполнительного права : учебник : в 3 т. Т. 1: Общая часть / Ю.М. Антонян, С.Л. Бабаян, С.В. Бошно и др. ; под общ. ред. Г.А. Корниенко ; под науч. ред. А.В. Быкова. М. : Криминологическая библиотека; Российский криминологический взгляд, 2017. С. 183–190.
7. Севрюгин А.С. Исправительно-трудовые правоотношения : учеб. пособие. Рязань : Изд-во РВШ МВД СССР, 1988. 37 с.
8. Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. В.И. Селиверстова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА-М, 2014. 544 с.
9. Стручков Н.А. Советское исправительно-трудовое право. Общая часть. Рязань, 1987. 351 с.
10. Сурин В.В. Иные органы, исполняющие уголовные наказания // Курс уголовно-исполнительного права : учебник : в 3 т. Т. 1: Общая часть / Ю.М. Антонян, С.Л. Бабаян, С.В. Бошно и др. ; под общ. ред. Г.А. Корниенко ; под науч. ред. А.В. Быкова. М. : Криминологическая библиотека ; Российский криминологический взгляд, 2017. С. 183–190.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 г. № 231-V. URL: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575852#sub_id=650 (дата обращения: 19.11.2018).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 г. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30594304#pos=563;-58 (дата обращения: 19.11.2018).
13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2013-XII). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101#pos=985;-54 (дата обращения: 19.11.2018).
14. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 г. № 4651-VI. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178#pos=5;-250 (дата обращения: 19.11.2018).
15. Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М. : ЮрИнфоР-Пресс, 2007. 335 с.
16. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации : учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М. : Статут, 2017. 624 с.
17. Российский курс уголовно-исполнительного права : учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть / Е.А. Антонян, Ю.М. Антонян, С.А. Борсученко и др. ; под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. М. : МГЮА имени О.Е. Кутафина ; Элит, 2012. 696 с.

Subjects of Penal Relations: Theoretical Issues of Determining Their Composition and Legal Problems of Consolidation in the Law

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 105–110. DOI: 10.17223/23088451/13/20

Egor E. Novikov, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: mavr-85@mail.ru

Keywords: correctional facilities and agencies, penal relations, convict.

The article discusses the positions of representatives of the penal law relating to subjects of penal legal relations. Based on the information received, the author determines their range. He notes that in order to improve the legal regulation of the participation of legal subjects in penal legal relations, it is necessary (1) to indicate the commander of the military unit as a subject that carries out criminal punishment in the form of restrictions on military service and supervises over the behavior of convicted servicemen on probation; (2) to identify the subject to perform the death penalty; (3) to delegate the obligation to execute the punishment in the form of deprivation of a special, military or honorary title, class rank and state awards to bailiffs and correctional facilities; (4) to consider a person convicted when their conviction has entered into legal force.

References

1. Borisova, O.V. (2017) Subject composition of the penitentiary legal relationship. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye, obshchestvennye nauki – Ivanovo State University Bulletin. Series: Natural, Social Sciences*. 1. pp. 5–11. (In Russian).
2. Golovastova, Yu.A. (2006) *Osuzhdennyy kak sub'ekt ugovolno-ispolnitel'nykh pravootnosheniy* [The convict as a subject of penal relations]. Law Cand. Diss. Ryazan. pp. 86–91.
3. Mikhaylov, I.A. (1977) *Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo. Obshchaya chast'* [Soviet correctional labor law. General part]. Moscow: Yurid. lit.
4. Orlov, V.N. (2015) *Primenenie i otbyvanie ugovolnogo nakazaniya* [The enforcement and serving of criminal punishment]. Law Dr. Diss. Moscow.
5. Orobets, V.M. & Polishchuk, N.I. (2008) Yuridicheskiy fakt i ugovolno-ispolnitel'noe pravootnoshenie [Legal fact and penal legal relations]. *Yuridicheskaya mysl'*. 2 (46). pp. 94–100.
6. Polishchuk, N.I. (2017) Ponyatie i vidy ugovolno-ispolnitel'nogo otnosheniya [The concept and types of penal relations]. In: Antonyan, Yu.M. et al. *Kurs ugovolno-ispolnitel'nogo prava. V 3-kh t.* [A course of penal law. In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Kriminologicheskaya biblioteka; Rossiyskiy kriminologicheskii vzglyad.
7. Sevryugin, A.S. (1988) *Ispravitel'no-trudovye pravootnosheniya* [Corrective work relations]. Ryazan: Izd-vo RVSh MVD SSSR.
8. Seliverstov, V.I. (2014) Ugolovno-ispolnitel'nye pravootnosheniya [Corrective work legal relations]. In: Seliverstov, V.I. (ed.) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii* [Penal law of Russia]. 6th ed. Moscow: NORMA-M.
9. Struchkov, N.A. (1987) *Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo. Obshchaya chast'* [Soviet correctional labor law. General part]. Ryazan: RVSh MVD SSSR.
10. Surin, V.V. (2017) Inye organy, ispolnyayushchie ugovolnye nakazaniya [Other agencies that execute criminal penalties]. In: Antonyan, Yu.M. et al. *Kurs ugovolno-ispolnitel'nogo prava. V 3-kh t.* [A course of penal law. In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Kriminologicheskaya biblioteka; Rossiyskiy kriminologicheskii vzglyad.

11. Republic of Kazakhstan. (2014) *Uglovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231-V* [Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan No. 231-V of 4 July 2014]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575852#sub_id=650. (Accessed: 19.11.2018).
12. Republic of Tajikistan. (2009) *Uglovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Tadjikistan ot 3 dekabrya 2009 goda* [Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan of 3 December 2009]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30594304#pos=563;-58. (Accessed: 19.11.2018).
13. Republic of Uzbekistan. (1994) *Uglovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Uzbekistan (utverzhden Zakonom Respubliki Uzbekistan ot 22 sentyabrya 1994 goda № 2013-XII)* [Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan (approved by the Law of the Republic of Uzbekistan No. 2013-XII of 22 September 1994)]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101#pos=985;-54. (Accessed: 19.11.2018).
14. Ukraine. (2012) *Uglovnyy protsessual'nyy kodeks Ukrainy ot 13 aprelya 2012 goda № 4651-VI* [Criminal Procedure Code of Ukraine No. 4651-VI of 13 April 2012]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178#pos=5;-250. (Accessed: 19.11.2018).
15. Filimonov, V.D. & Filimonov, O.V. (2007) *Pravootnosheniya. Uglovnye pravootnosheniya. Uglovno-ispolnitel'nye pravootnosheniya* [Legal relations. Criminal relations. Penal relations]. Moscow: YurInfoR-Press.
16. Shakh-ray, S.M. (2017) *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation]. 4th ed. Moscow: Statut, SPS "Konsul'tant plus".
17. Antonyan, Yu.M. et al. (2012) *Rossiyskiy kurs uglovno-ispolnitel'nogo prava. V 2-kh t.* [The Russian course of penal law. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: MGYuA imeni O.E. Kutafina; OOO "Izdatel'stvo "Elit".

Д.А. Никитин

**КРИМИНОГЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ВИКТИМИЗАЦИЮ
ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ ОСУЖДЕННЫХ**

Рассматривается проблема применения насилия в местах лишения свободы в отношении ВИЧ-инфицированных, осужденных к наказанию в виде лишения свободы. Особое внимание уделяется отсутствию специальных условий содержания ВИЧ-инфицированных осужденных в исправительных колониях.

Ключевые слова: *ВИЧ-инфекция, преступление, осужденный, наказание, исправительное учреждение, уголовно-исполнительный.*

Очевидно, что содержание осужденного в исправительном учреждении под опекой государства не должно содержать риски для его здоровья. Тем не менее нельзя отрицать, что в настоящее время такие последствия для отбывающего наказание не редкость.

Закономерно возникает вопрос, существует ли сегодня возможность создать здоровую «среду обитания» в исправительном учреждении в целях обеспечения личной безопасности и исключить криминогенные факторы совершения преступлений, что, в свою очередь, и представляет основу прав лиц, содержащихся в местах принудительной изоляции.

Ответ на указанный вопрос очень непростой с позиции практической реализации исполнения наказания в виде лишения свободы. Лица, содержащиеся в местах лишения свободы, наделены правом, гарантированным международными соглашениями и договорами, – правом на необходимое медицинское обеспечение, что включает в себя безусловное право на защиту от заражения в местах лишения свободы инфекционным заболеванием. Исследуемая тема является многоаспектной, так как сегодня нет системы практической реализации указанного права во вредных для здоровья условиях мест лишения свободы.

Основу, определяющую политику в области общественного здравоохранения, составляет обеспечение оптимальных условий для сохранения здоровья каждого члена общества, с тем чтобы все члены общества были здоровы, но в то же время осужденные и заключенные под стражу выпадают из этой формулы.

В Российской Федерации число лиц, содержащихся в местах лишения свободы, в настоящее время составляет почти 600 тыс. человек, ротация составляет не менее 250 тыс. человек в год, поскольку многие осужденные и заключенные под стражу длительное время содержатся в следственных изоляторах. Это является одной из основных причин высокой концентрации лиц, страдающих социально-значимыми заболеваниями, в первую очередь ВИЧ-инфицированных. Количество лиц, инфицированных ВИЧ, находящихся в местах лишения свободы, составляет сегодня свыше 55 тыс., учитывая, что общее количество осужденных к реальному лишению свободы снижается. Этот статистический показатель показывает, что около 20% всех инфицированных россиян содержатся в местах принудительной изоляции.

Осужденные поступают в следственные изоляторы и исправительные учреждения и покидают их, они освобождаются в случае признания их невиновности, выезжают за пределы учреждения во время расследования и суда. Кроме того, по большому количеству причин осужденных и заключенных под стражу часто переводят в другие учреждения. Содержащиеся в местах лишения свободы постоянно находятся в контакте с лицами, каждый день посещающими исправительное учреждение, персоналом учреждения, медицинскими работниками, а также рабочими, членами своих семей и адвокатами, – все эти лица ежедневно бывают на территории исправительного учреждения.

По этим причинам эффективное решение таких проблем общественного здравоохранения, как борьба с туберкулезом или ВИЧ-инфекцией, представляется невозможным в условиях содержания в местах лишения свободы, и если оставлять без внимания охрану здоровья лиц, находящихся в местах лишения свободы, то это существенно осложняет криминогенную ситуацию.

На сегодняшний день федеральным законодательством не предусмотрено раздельное содержание ВИЧ-инфицированных и здоровых осужденных в исправительных учреждениях, что существенно осложняет работу по предупреждению совершения правонарушений данной категорией осужденных [1, с. 140].

Федеральный закон от 9 марта 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» [2] отменил изоляцию ВИЧ-инфицированных осужденных.

Положение ВИЧ-инфицированных осужденных во время отбывания наказания указанные изменения не улучшили, напротив, они осложнили взаимоотношения со здоровыми осужденными. Наличие рядом осужденных, инфицированных ВИЧ, вызвало острую обеспокоенность и пренебрежение у неинфицированных осужденных, результатом чего стали случаи совершения насильственных преступлений как ВИЧ-инфицированными осужденными, так и против них, когда они становились жертвами преступлений.

Не секрет, что насилие является неотъемлемой частью повседневной жизни в исправительных учрежде-

ниях. В местах принудительной изоляции насилие и различного рода принуждения во взаимоотношениях среди содержащихся под стражей напрямую ведут к возникновению серьезной опасности для здоровья и провоцируют совершение насильственных преступлений.

Случаи физического причинения вреда здоровью и даже причинения смерти имеют место в исправительных колониях и следственных изоляторах. Факты насильственных действий среди лиц, содержащихся в местах лишения свободы, как правило, утаиваются исходя из неформальных правил осужденных. Насилие в местах лишения свободы обусловлено многими причинами. Конфликты между осужденными или заключенными под стражу часто происходят на этнической почве или вследствие принадлежности к разным категориям неформальной стратификации осужденных.

Нахождение в замкнутой среде, часто в условиях большой «скученности», также является причиной возникновения враждебных отношений среди осужденных. Сама атмосфера исправительного учреждения ввиду невозможности чем-либо занять себя и отсутствия физической работы, скука только усугубляют ситуацию и создают напряженность. Подобная обстановка способствует совершению таких связанных с повышенным риском действий, как употребление наркотиков, половые сношения мужчин с мужчинами, нанесение татуировок. Таким образом осужденные находят избавление от скуки. В то же время некоторые осужденные нередко бывают вовлеченными в указанные занятия и вынуждены принимать в них участие, оказываясь в ситуации боязни потерять свой неформальный статус либо из соображений материальной выгоды. Такой сопряженный с повышенным риском образ жизни становится причиной передачи болезней от одних осужденных другим и, безусловно, представляет серьезную угрозу здоровью всего населения страны.

В результате насилия в местах лишения свободы становится возможным незащищенный контакт с человеческой кровью. По официальным данным количество случаев заражения ВИЧ через контакт с открытыми ранами чрезвычайно мало. Реальную опасность представляют половые сношения без применения средств защиты, связанные с передачей партнерами друг другу потенциально заразных выделений человеческого организма. Проникающие половые сношения по принуждению, имеющие место между осужденными, не всегда обязательно означают изнасилование, напротив – в ситуации возможного применения насилия, нередко складывающейся в исправительных учреждениях, многие осужденные, относящиеся к категории «отверженных» соглашаются вступать в половые сношения, которых, безусловно, в других условиях они бы всячески избегали.

Мужеложство, отвержение в исправительной колонии, кроме самой неприглядности таких действий, опасны совершением на этой почве преступлений. Так, согласно данным некоторых исследований значительное количество убийств и случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в исправительных учреждениях совершается без предварительной подготовки. Более двух третей из них происходит в результате оскорблений, избиений, краж личных вещей и

продуктов питания, мужеложства, неуплаты проигрыша в азартных играх и т.д. В исправительном учреждении такую группу формируют «отверженные» [3, с. 35]. Именно эта ситуация ставит в зависимое положение осужденных, находящихся на низшей ступени иерархии, в результате чего в самых неблагоприятных случаях многие из них становятся жертвами преступлений или сами совершают преступления.

Таким образом, зеркальным отражением криминальной ситуации в местах лишения свободы становится виктимогенная ситуация, в которой оказываются и ВИЧ-инфицированные осужденные.

Исследуемые насильственные действия, совершаемые ВИЧ-инфицированными осужденными, содержат признаки состава преступления, предусмотренного ст. 122 УК РФ «Заражение ВИЧ-инфекцией». Однако практики привлечения к уголовной ответственности за такие действия осужденных, отбывающих лишение свободы, нет. Указанное обстоятельство можно объяснить множеством факторов, в первую очередь нежеланием администрации исправительного учреждения регистрировать подобные случаи.

Заражение в местах лишения свободы какой бы то ни было болезнью не входит в число наказаний, предусмотренных вынесенным приговором суда. Этот постулат приобретает особую актуальность, когда речь идет о потенциально смертельном заболевании и требует от персонала исправительных учреждений обеспечения защиты от физического насилия.

Уместно будет сделать вывод о том, что в настоящее время условия отбывания наказания в виде лишения свободы в отношении ВИЧ-инфицированных осужденных не способны в полной мере обеспечить абсолютную охрану здоровья их самих и других осужденных.

В современных условиях нельзя не учитывать ситуацию прироста больных такими заболеваниями в обществе в процессе реализации уголовной политики государства. Сегодня многими учеными и практиками активно обсуждается вопрос об эффективности применения лишения свободы за ненасильственные преступления в отношении ВИЧ-инфицированных осужденных. Остро назрела необходимость разработки и принятия изменений в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, касающихся особенностей назначения и отбывания наказаний лицами, страдающими социально-значимыми заболеваниями, в том числе за преступления против здоровья.

ВИЧ-инфицированным осужденным на законодательном уровне должен быть придан отдельный правовой статус. В исправительных учреждениях ФСИН России должны быть созданы условия, исключающие распространение ВИЧ-инфекции, обеспечив изолированное содержание осужденных, у которых выявлено это заболевание, отдельно от других лиц.

Условия, в которых сегодня данная категория осужденных отбывает наказание, не позволяют добиться этого, что становится проявлением отвержения. Такие условия могут обеспечить только лечебные исправительные учреждения, ибо даже использовавшиеся ранее (до 2001 г.) изолированные участки при исправи-

тельных колониях не обеспечивали их, так как столовые, производственные зоны, места проведения досуговых мероприятий были общими и ВИЧ-инфицированные осужденные постоянно контактировали со здоровыми осужденными.

Кроме того, это даст возможность на более высоком уровне следить за состоянием здоровья ВИЧ-инфицированных и оказывать им медицинскую помощь, ведь, изолируя осужденного от общества и помещая его в специально созданные для этого исправительные

учреждения, государство обязано не только исполнять наказание, но и сохранять его здоровье. Медико-санитарное обеспечение осужденных к лишению свободы является одной из важнейших составляющих микросоциальных условий отбывания наказания.

Таким образом, противодействие рассматриваемой угрозе требует долговременных усилий со стороны государства и общества. Эти усилия должны выражаться в осуществлении целой системы мер социально-экономического содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин Д.А. К вопросу о введении специальных условий содержания ВИЧ-инфицированных осужденных // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1 (68). С. 138–146.
2. О внесении изменений и дополнений в УК РФ, УПК РСФСР, УИК РФ и другие законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 09.03.2001 № 25-ФЗ // Российская газета. 2001. 14 марта.
3. Кривцова, Т.Н. К проблеме отвержения некоторых категорий осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 2 (08). С. 33–36.

The Criminogenic Influence of Violent Attacks in Detention Facilities on the Criminal Conduct and Victimization of HIV-Infected Convicts

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 111–113. DOI: 10.17223/23088451/13/21

Dmitriy A. Nikitin, Pskov Branch of the Academy of Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Pskov, Russian Federation). E-mail: dima60-62@yandex.ru

Keywords: HIV, crime, convict, punishment, correctional facility, penal.

The article deals with the problem of using violence in detention facilities against HIV-infected convicts. Special attention is paid to the absence of special conditions for the maintenance of HIV-infected convicts in correctional colonies. The author concludes that the life of convicts in a correctional facility under the care of the state should not bear risks to their health. The question naturally arises whether today there is an opportunity to create a healthy “habitat” in a correctional facility in order to secure convicts’ personal safety and to exclude criminogenic factors of crimes, which in turn represents the basis of the rights of persons in prisons. As a result of violence in prisons, unprotected contact with human blood becomes possible. According to official data, the number of HIV infection cases through contact with open wounds is extremely small. Unprotected sexual intercourse associated with an exchange of potentially infectious body fluids is a real danger. Countering the threat in question requires long-term efforts on the part of the state and society. These efforts should be expressed in the implementation of a whole system of socio-economic measures.

References

1. Nikitin, D.A. (2010) Introduction of special conditions for the treatment of HIV-infected prisoners. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: Crime and Punishment*. 1 (68). pp. 138–146.
2. Rossiyskaya gazeta. (2001) O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v UK RF, UPK RSFSR, UIK RF i drugie zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: Feder. zakon ot 9 marta 2001 g. № 25-FZ [On introducing amendments and addendums to the Criminal Code of the Russian Federation, the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, the Penal Code of the Russian Federation and other legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 25-FZ of March 9, 2001]. *Rossiyskaya gazeta*. 14 March.
3. Krivtsova, T.N. (2009) K probleme otverzheniya nekotorykh kategoriy osuzhdennykh [On rejecting certain categories of convicts]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2 (08). pp. 33–36.

О.Н. Уваров

О ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПРИ ОТБЫВАНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Осужденный к исправительным работам как работник, выполняющий определенную трудовую функцию, связан с работодателем трудовым договором и находится с ним в трудовых отношениях. Этот же осужденный находится с государством в уголовно-исполнительных правоотношениях по поводу наказания в виде исправительных работ на основании обвинительного приговора суда. При этом указанные отношения существуют самостоятельно и никоим образом не взаимосвязаны. Таким образом, внесение в трудовой договор ограничений либо обязанностей, связанных с исполнением наказания в виде исправительных работ, представляется не только не обоснованным, но и не соответствующим требованиям действующего законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовные наказания, исправительные работы, труд осужденных, принудительный труд.

В практике исполнения наказания в виде исправительных работ в течение последних лет появилось и стало утверждаться мнение о том, что ограничения, связанные с этим наказанием, возлагаемые на осужденного, должны отражаться в трудовом договоре либо дополнительном соглашении к нему. В частности, к таким ограничениям относят требования ч. 3, 6 ст. 40 УИК РФ о том, что в период отбывания исправительных работ осужденному запрещается увольнение с работы по собственному желанию и, соответственно, что в этот же период ежегодный оплачиваемый отпуск осужденному может предоставляться продолжительностью не более 18 рабочих дней без разрешения в первом случае, а во втором – по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией.

Отметим, что осужденные к исправительным работам должны работать на основании трудового договора, которым, кроме прочего, определяются условия оплаты труда и режим рабочего времени (ст. 57 ТК РФ). Исходя из объема выполняемой работы, трудовые договоры подразделяются на договоры об основной работе и договоры о работе с неполным ее объемом (например, по совместительству)¹. Осужденные к исправительным работам должны работать по трудовому договору об основной работе. При этом в трудовом договоре указываются²:

- фамилия, имя, отчество работника и наименование работодателя (фамилия, имя, отчество работодателя – физического лица), заключивших трудовой договор;
- сведения о документах, удостоверяющих личность работника и работодателя – физического лица;
- идентификационный номер налогоплательщика (для работодателей, за исключением работодателей – физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями);
- сведения о представителе работодателя, подписавшем трудовой договор, и основание, в силу которого он наделен соответствующими полномочиями;
- место и дата заключения трудового договора.

Обязательными для включения в трудовой договор являются следующие условия:

- место работы, а в случае, когда работник принимается для работы в филиале, представительстве или ином обособленном структурном подразделении организации, расположенном в другой местности, – место работы с указанием обособленного структурного подразделения и его местонахождения;
- трудовая функция (работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы);
- дата начала работы, а в случае, когда заключается срочный трудовой договор, – также срок его действия и обстоятельства (причины), послужившие основанием для заключения срочного трудового договора в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации или иным федеральным законом;
- условия оплаты труда (в том числе размер тарифной ставки или оклада (должностного оклада) работника, доплаты, надбавки и поощрительные выплаты);
- режим рабочего времени и времени отдыха (если для данного работника он отличается от общих правил, действующих у данного работодателя);
- гарантии и компенсации за работу с вредными и (или) опасными условиями труда, если работник принимается на работу в соответствующих условиях, с указанием характеристик условий труда на рабочем месте;
- условия, определяющие в необходимых случаях характер работы (подвижной, разъездной, в пути, другой характер работы);
- условия труда на рабочем месте;
- условие об обязательном социальном страховании работника в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации и иными федеральными законами;
- другие условия в случаях, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

Итак, следует отметить, что в рассматриваемом нами аспекте перечень обязательных условий, указываемых в трудовом договоре, является исчерпывающим. Такой вывод обусловливается тем обстоятельством, что ни приговор суда, ни УИК РФ, ни какие-либо нормативные правовые акты, регламентирующие исполнение наказания в виде исправительных работ, не могут быть отнесены к трудовому законодательству либо иным нормативным правовым актам, содержащим нормы трудового права.

¹ См., напр.: [1, 2].

² См. ст. 57 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 27.12.2018).

Возможно предположить, что внесение в трудовой договор особенностей труда работника при отбывании им наказания в виде исправительных работ связано с теми разделами трудового договора, где определяются, во-первых, условия оплаты труда (это, например, можно связать с удержаниями в доход государства), во-вторых, режим рабочего времени и время отдыха (это связывается с размером отпуска осужденного) и, в-третьих, условия, определяющие характер работы (сюда можно отнести невозможность осужденного уволиться по собственному желанию). Однако внесение в трудовой договор процента удержаний в доход государства осужденному к исправительным работам сторонниками рассматриваемой «новеллы» вовсе не предлагается. Кроме того, ст. 40 УИК РФ включает в себя и ряд иных обязанностей и ограничений, налагаемых на осужденного к исправительным работам. Например, помимо обязанности добросовестно относиться к труду, что, собственно, включается в трудовые отношения, обязанности соблюдать порядок и условия отбывания наказания и являться в уголовно-исполнительную инспекцию по ее вызову (ч. 1 ст. 40 УИК РФ) возлагаются наказанием в виде исправительных работ. Помимо этого, осужденный не вправе отказываться от предложенной ему работы (ч. 4 ст. 40 УИК РФ) и обязан сообщать в уголовно-исполнительную инспекцию об изменении своего места работы и жительства в течение 10 дней (ч. 5 ст. 40 УИК РФ). Эти обязанности и ограничения для внесения в трудовой договор не предлагаются, очевидно, в связи с тем, что помимо трудовых отношений, на которые так или иначе оказывает влияние наказание в виде исправительных работ, возникают и уголовно-исполнительные правоотношения, к которым и относятся не включаемые в трудовой договор обязанности и ограничения. С таким подходом нельзя не согласиться, однако вызывает сомнение не наличие определенных трудовых и уголовно-исполнительных отношений при исполнении (отбывании) наказания в виде исправительных работ, а возникновение каких-либо новых трудовых отношений при назначении этого наказания.

Общеизвестно, что трудовые отношения – это отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, согла-

шениями, локальными нормативными актами, трудовым договором. Трудовые отношения возникают между работником и работодателем на основании трудового договора, заключаемого ими в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации (см. ст.ст. 15–16 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 27.12.2018)).

Предметом же уголовно-исполнительного права является совокупность общественных отношений, возникающая в процессе, по поводу и в целях исполнения (отбывания) уголовных наказаний и реализации иных мер уголовной ответственности, применения к осужденным некарательных мер воспитательно-предупредительного характера и выражающая особенности положения осужденных как лиц, подвергнутых уголовному наказанию (уголовной ответственности) [3, с. 9–11]. Иными словами, уголовно-исправительные правоотношения, в нашем случае между осужденным к исправительным работам и государством, возникают с момента вступления в силу обвинительного приговора суда, содержание этих отношений обуславливается непосредственно приговором, УИК РФ и ведомственными нормативными правовыми актами, регламентирующими исполнение наказания в виде исправительных работ.

Таким образом, осужденный к исправительным работам как работник, выполняющий определенную трудовую функцию, связан с работодателем трудовым договором и находится с ним в трудовых отношениях. Этот же осужденный находится с государством в уголовно-исполнительных правоотношениях по поводу наказания в виде исправительных работ на основании обвинительного приговора суда. При этом указанные отношения существуют самостоятельно и никоим образом не взаимосвязаны. Такой вывод обуславливается еще и теми обстоятельствами, что трудовой договор определяет перечень прав, обязанностей и льгот работника при выполнении им определенной трудовой функции, которые распространяются на период действия трудового договора. Наказание в виде исправительных работ заключается в ограничении ряда прав осужденного при выполнении им трудовой функции в соответствии с трудовым договором, и его действие распространяется на срок, определенный приговором суда. При этом данные ограничения либо обязанности не связаны с трудовыми отношениями осужденного, а составляют карательное либо воспитательно-профилактическое содержание наказания, т.е. имеют с трудовыми отношениями различную правовую природу. Таким образом, внесение в трудовой договор ограничений либо обязанностей, связанных с исполнением наказания в виде исправительных работ, представляется не только не обоснованным, но и не соответствующим требованиям действующего законодательства Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев В.М., Агашев Д.В., Белинин А.А. Трудовое право : учебник для студентов вузов / под ред. В.М. Лебедева. М. : НОРМА, 2011. 463 с.
2. Агашев Д.В., Аракчеев В.С. Трудовое право : учебно-методический комплекс. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 148 с.
3. Уткин В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Общая часть. Томск : Том. гос. ун-т, 1995. 108 с.

On Labor Relations When Serving Corrective Work

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 114–116. DOI: 10.17223/23088451/13/22

Oleg N. Uvarov, Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: criminal penalties, corrective work, work of convicts, compulsory work.

Persons sentenced to corrective work as employees performing a certain labor function are connected with their employers by an employment contract and are in an employment relationship with them. Such convicts are in a penal relationship with the state: their corrective work is based on a court conviction. These relationships exist independently and are not interconnected. The employment contract determines the list of rights, duties and benefits of employees when they perform a certain labor function, which apply to the period of the contract's validity. Punishment in the form of corrective work consists in restricting a number of convicts' rights in the performance of their labor function under employment contracts, and restrictions are valid for a period determined by a court sentence. These restrictions or duties are not related to the convicts' employment relationship, but constitute punitive or educational preventive content of the punishment, that is, they have a legal nature different from an employment relationship. Thus, the introduction into an employment contract of restrictions or obligations related to the execution of punishment in the form of corrective work is not only unjustified, but also inadequate to the requirements of the current legislation of the Russian Federation.

References

1. Lebedev, V.M., Agashev, D.V. & Belinin, A.A. (2011) *Trudovoe pravo* [Labor law]. Moskva: NORMA.
2. Agashev, D.V. & Arakcheev, V.S. (2013) *Trudovoe pravo. Uchebno-metodicheskiy kompleks* [Labor law. Teaching materials]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Utkin, V. A. (1995) *Kurs lektsiy po ugolovno-ispolnitel'nomu pravu. Obshchaya chast'* [A course of lectures on penal law. The general part]. Tomsk: Tomsk State University.

Р.З. Усеев

**ЗЛОСТНОЕ НЕПОВИНОВЕНИЕ ТРЕБОВАНИЯМ АДМИНИСТРАЦИИ
ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ,
ОТВЕТСТВЕННОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Отдельные субъекты уголовно-исполнительных правоотношений, обеспечивающие исполнение наказаний в виде лишения свободы, выступают с инициативой рассмотреть вопрос о предложениях по внесению дополнений и изменений в действующий УК РФ. Данные изменения должны предусматривать уголовную ответственность за злостное неповиновение законным требованиям администрации исправительного учреждения со стороны осужденного, если это лицо за нарушение требований режима отбывания наказания подвергалось в течение года взысканию в виде перевода в помещение камерного типа (одиночную камеру), единое помещение камерного типа или переводилось в тюрьму. Автор на основе анализа ранее действующего уголовного (ст. 188.3 УК РСФСР), исправительно-трудового законодательства и практики их применения оценивает данные отношения, выделяет проблемы, а также рассматривает перспективы применения уголовной ответственности за злостное неповиновение законным требованиям администрации исправительного учреждения.

Ключевые слова: *злостное неповиновение, законные требования, исправительное учреждение, злостное нарушение, осужденный.*

Общественные отношения по поводу и в процессе исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы наполнены разнообразными механизмами, изменяющими правовой статус осужденного как в пределах одного исправительного учреждения (далее – ИУ), так и в рамках всего наказания. В процессе своего развития прогрессивная система исполнения наказаний выстроила ступенчатый переход от одного правового статуса осужденного к другому во время отбывания им наказания в виде лишения свободы. Во многом это соотносится с реагированием на правонарушения, совершаемые в условиях изоляции личности, и управлением поведением осужденного.

По закону ответ правонарушителю определен двояко: пределами ИУ – путем наложения на осужденного дисциплинарных взысканий, предусмотренных ст. 115 УИК РФ, а также системой мест лишения свободы – в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 78 УИК РФ, когда осужденный может быть переведен в другой вид ИУ, имеющий более широкий круг правоограничений и иную степень изоляции.

На повестке дня вновь появляются вопросы об ужесточении ответственности осужденных, не повинующихся и не выполняющих законные требования персонала ИУ. 17 декабря 2018 г. ФСИН России провела с подведомственными территориальными органами совещание в режиме видеоконференцсвязи, где в рамках обсуждения проекта Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2030 г. рассматривался вопрос о противодействии осужденным отрицательной направленности и стабилизации обстановки в ИУ. В результате складывающейся оперативной обстановки в ИУ рядом территориальных органов ФСИН России были предложены отдельные меры. Так, УФСИН России по Кировской области, учитывая опыт 80–90-х гг. XX в., считает целесообразным рассмотреть вопрос о предложениях по внесению дополнений и изменений в действующий УК РФ. Эти изменения должны предусматривать уголовную ответственность за злостное

неповиновение законным требованиям администрации ИУ либо иное противодействие администрации в осуществлении ее функций лицом, отбывающим наказание в местах лишения свободы, если это лицо за нарушение требований режима отбывания наказания подвергалось в течение года взысканию в виде перевода в помещение камерного типа (одиночную камеру), единое помещение камерного типа или переводилось в тюрьму [1]. То есть речь идет о фактическом реанимировании ст. 188.3 УК РСФСР «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения», введенной в уголовный закон с 1984 г. Каковы же возможные перспективы предлагаемой меры принуждения, а также возникающие в связи с этим проблемы ее интерпретации, ответственности и безопасности в местах лишения свободы? Попробуем разобраться.

Формально на протяжении 13 лет (с 1984 по 1996 г.) рассматриваемая норма уголовного закона РСФСР находила применение. Однако отдельные практические работники УИС, которые непосредственно сталкивались с применением данной нормы, отмечают, что ее «запала» фактически хватило только до начала 90-х гг. XX в. Копившееся десятилетиями недовольство осужденных по поводу режимных требований в ИУ (не всегда обоснованных) вкупе с трендом на гласность и смягчение карательных начал стало основанием к восприятию администрацией мест лишения свободы уголовной ответственности за рассматриваемый вид неповиновения как излишнего раздражителя в отношении изолированных лиц. И без такой меры ответственности к началу 90-х гг. в ИУ страны хватало различных эксцессов и чрезвычайных происшествий (захватов заложников, беспорядков и массовых неповиновений) [2, с. 543].

Последнее десятилетие XX в. во многом изменило отношение к человеку, прежде всего с позиции гуманизма. Нормы о злостном неповиновении осужденного «нашли приют» в определенно трансформированном

виде в уголовно-исполнительном законодательстве РФ. Причем формально само выражение о злостном неповиновении осужденного не соотносится с применением той или иной санкции (уголовной, дисциплинарной), указанной в законе. Сегодня это выражение является лишь основанием применения мер безопасности (физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия). Закон, устанавливая основания применения мер безопасности к осужденным за злостное неповиновение законным требованиям персонала ИУ в виде материальной нормы (ч. 1 ст. 86 УИК РФ), в процессуальных нормах вовсе обходит данную форму неповиновения (ст.ст. 29, 30, 31.2 Закона РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 (ред. от 19.07.2018) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»). В последнем законе выражение «злостное неповиновение законным требованиям администрации ИУ» определяется законодателем как синоним понятиям «нападение», «неповиновение», «противодействие законным требованиям» и т.д.

По своему смысловому значению выражение «злостное неповиновение законным требованиям администрации ИУ» нуждается в безусловной интерпретации, поскольку по крайней мере юристы должны понимать, что имеют в виду правовые акты, а толкователь должен знать язык автора текста [3, с. 66, 67]. К сожалению, сегодня уголовно-исполнительное законодательство РФ весьма скудно на интерпретацию ключевых понятий и категорий (кроме определений, данных в ст.ст. 9, 82 УИК РФ).

Более 30 лет назад постановление Пленума Верховного Суда СССР от 05.04.1985 г. № 4 (ред. от 02.03.1989) «О практике применения судами законодательства об ответственности за злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения» определило злостное неповиновение как открытый отказ от исполнения обращенного к конкретному осужденному требования представителя администрации, который в силу своего должностного положения имел право предъявить данное требование, а осужденный был обязан и мог его выполнить, но умышленно не выполнил (отказ от работы по неуважительным причинам, невыполнение требования о прекращении грубого нарушения режима отбывания наказания и т.п.) [4].

Конечно, такая трактовка злостного неповиновения Верховным Судом СССР отвечала духу того времени, складывавшимся общественным отношениям в местах лишения свободы и относительно свободным интерпретациям текста уголовного закона со стороны судебного корпуса. Однако определенное Верховным Судом СССР понятие злостного неповиновения для сегодняшнего дня представляется не совсем правильным, поскольку открытый отказ осужденного можно определять как его словесное несогласие, что с позиций объективной стороны преступления – деяния, представит в несколько размытом виде. Поэтому целесообразнее было бы вести речь в условиях нарастающего противоречия (например, между сотрудником и осужденным) о бездействии как волевом пассивном поведении осужденного. Однако практически пассивное поведение осужденного может сопровождаться в том числе и

сопротивлением – активными действиями осужденного (отталкиваниями от сотрудника, освобождением от задержаний, удержанием руками и ногами за различные предметы и вещи: кровати, дверные проемы, трубы и т.д.) [5, с. 139].

Указанные выше признаки, собственно, попадают под неповиновение осужденного. Что же тогда является неповиновением, но злостным? То же постановление Пленума Верховного Суда СССР не дает трактовку понятию «злостное». Очевидно, что выражение «злостное» предстает в виде необходимого условия – совершения осужденным нарушения режима отбывания наказания, в результате которого ему было назначено взыскание в виде перевода в помещение камерного типа, одиночную камеру или тюрьму (ст. 53 ИТК РСФСР). Причем такое нарушение должно быть совершено не позднее одного года после отбытия указанных взысканий.

В настоящее время неповиновение (без приставки «злостное») представителям администрации ИУ предстает в системе злостных нарушений режима, совершенных осужденными (ч. 1 ст. 116 УИК РФ). Данная форма злостного нарушения коррелирует с требованиями ч. 3 ст. 11 УИК РФ, в соответствии с которыми осужденные обязаны выполнять законные требования администрации учреждений и органов, исполняющих наказания. При этом выражение «неповиновение представителям администрации исправительного учреждения», во-первых, исключает с лексической точки зрения признак законности действий представителей администрации, ибо дословная интерпретация нормы закона позволяет сделать вывод, что требования администрации ИУ могут быть и не основанными на законе и волюнтаристскими. Во-вторых, в сферу рассматриваемых общественных отношений попадают лишь представители администрации ИУ, состав которых законом не установлен. Получается, что должностные и иные лица, находящиеся в прямом контакте с осужденными и обеспечивающие (сопровождаящие) процесс исполнения наказания в виде лишения свободы (сотрудники подразделений по конвоированию и специального назначения, прокуроры, уполномоченные по правам человека, священнослужители и т.д.), находятся вне установленных отношений [Там же, с. 136, 137]. Очевидно, что в нашем случае к представителям администрации ИУ следует относить всех работников учреждения, поскольку в соответствии с требованиями Минюста России надзор за осужденными является обязанностью всех работников ИУ. В свою очередь, надзор за осужденными включает в себя как постоянное наблюдение, так и контроль за изолированными лицами. Полагаем необходимым злостное нарушение «неповиновение представителям администрации исправительного учреждения» соотнести с обязанностью осужденного в виде выполнения им законных требований администрации учреждений и органов, исполняющих наказания (ч. 3 ст. 11 УИК РФ). Путем внесения соответствующих изменений в ч. 1 ст. 116 УИК РФ предлагаем представить данный вид злостного нарушения как «неповиновение работникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы».

Возможно ли существующий вид нарушения режима осужденным в ИУ вновь криминализировать и включить соответствующей нормой в УК РФ?

В настоящий момент неповиновение представителям администрации ИУ является злостным нарушением режима отбывания наказания в виде лишения свободы. Среди других злостных нарушений режима доля данного вида нарушения остается стабильной и за 17 лет (с 2001 по 2017 г.) в среднем составляет от 7 до 13% [5, с. 132; 6, с. 265]. Аналогичная стабильность отмечается в целом по количеству злостных нарушений режима отбывания. За три года (2015–2017) уровень злостных нарушений в структуре нарушений, совершаемых осужденными, в среднем составляет около 3–4%.

Уголовно-исполнительное законодательство РФ и практика исполнения наказаний в виде лишения свободы выработали ответ неповиновущимся законным требованиям представителей ИУ. Во-первых, этот механизм включает в себя юридический факт – признание осужденного злостным нарушителем режима. Во-вторых, существуют весьма широкие возможности по сокращению объема прав и законных интересов осужденных и увеличению степени изоляции как в границах одного учреждения, так и в системе ИУ территориальных органов ФСИН России. Для указанной категории осужденных предусмотрен пятиступенчатый прогрессивный механизм содержания в установленных местах. К таким местам относятся: 1) штрафные изоляторы (ШИЗО), 2) помещения камерного типа (ПКТ; одиночные камеры), 3) запираемые помещения (отряды со строгими условиями отбывания наказания – ОСУОН), 4) единые помещения камерного типа (ЕПКТ), 5) тюрьмы. Для осужденных колоний-поселений: ШИЗО, исправительные колонии общего (строгого) режима.

Аналогичный механизм в 80–90-х гг. XX в. (время применения ст. 188.3 УК РСФСР) фактически являлся половинчатым: в нормах исправительно-трудового законодательства РСФСР и, как следствие, в практике применения отсутствовала возможность помещения осужденных в запираемые помещения (отряды со строгими условиями отбывания наказания), а также ЕПКТ. Учитывая непростую оперативную обстановку в местах лишения свободы, дисциплинарная преюдиция не заставила себя долго ждать и была оформлена в виде дополнений в УК РСФСР (ст. 188.3).

Современный пятиступенчатый механизм изменения объема прав и законных интересов личности, а также увеличения степени ее изоляции (от ШИЗО до тюрьмы) ориентирован на нарушителей и злостных нарушителей режима отбывания наказаний. И если содержание осужденных в рамках одного учреждения (ШИЗО, ПКТ (одиночные камеры), ОСУОН), в принципе, не вызывает вопросов, то содержание осужденных из числа злостных нарушителей режима в ЕПКТ и тюрьме имеет с позиции нашей проблемы некоторые вопросы.

Анализ исполнения мер взыскания и иных мер за злостное нарушение порядка отбывания наказания в ЕПКТ и тюрьме показывает следующее. На 1 января 2018 г. в УИС России предусматривалось 139 ЕПКТ,

лимит наполнения которых составлял 4 098 человек. Получается, что ЕПКТ по всей стране более чем наполовину не задействованы. Они заполнены лишь на 45% (в 2015 г. – 51%, в 2016 г. – 50%). Фактически на эту дату в ЕПКТ содержались 1 862 человека [6, с. 31]. Аналогичная ситуация в тюрьмах. В течение 2017 г. из исправительных колоний в тюрьму в порядке ч. 4 ст. 78 УИК РФ были направлены только 330 осужденных злостных нарушителей режима отбывания наказания, в то время как число осужденных к отбыванию уголовного наказания в тюрьме составило 1 202 человека [Там же, с. 18, 276]. В целом же, если вообще соотнести лимит тюрем с фактической численностью осужденных в этих учреждениях, результат будет явно не в пользу численности осужденных. Так, лимит наполнения только одной тюрьмы (ФКУ Т № 2 УФСИН России по Владимирской области «Владимирский централ»), который составляет 1 180 человек, фактически перекрывает списочную численность осужденных, содержащихся во всех тюрьмах ФСИН России (на 01.01.2019 г. в восьми тюрьмах страны содержались 1 212 осужденных) [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что возможности ЕПКТ и тюрем в отношении злостных нарушителей режима отбывания наказания не используются в полной мере либо процесс перевода (направления) осужденных в ЕПКТ и тюрьмы забюрократизирован на уровне территориальных органов ФСИН России или ФСИН России. Как следствие, отсутствие наполненности ЕПКТ и тюрем более чем наполовину не является аргументом в пользу необходимости введения уголовной ответственности в отношении осужденных, не повинующихся законным требованиям работников учреждений и органов УИС.

Если гипотетически предположить, что к осужденному может быть применена уголовная ответственность по аналогии со ст. 188.3 УК РСФСР, то и здесь возникают вопросы. Объективная сторона преступления предполагает, что лицо за нарушение требований режима отбывания наказания ранее подвергалось в течение года взысканию в виде перевода в ПКТ (ЕПКТ), одиночную камеру или переводилось в тюрьму. По определению, перевод в ПКТ, ЕПКТ, одиночную камеру может быть следствием любого злостного нарушения режима отбывания наказания либо системы нарушений.

Современный перечень оснований признания осужденного злостным нарушителем режима отбывания наказания весьма широк: от разового злостного нарушения до системы нарушений. Причем как злостные, так и простые нарушения с формальной точки зрения бывают весьма разнообразными и противоречивыми. С формальной точки зрения единичным нарушением режима отбывания наказания, влекущим признание осужденного злостным нарушителем, является, к примеру, хранение осужденным при себе игральных карт, крема для кожи на спиртовой основе, электрокипятильника кустарного производства и т.д. Система простых нарушений (не менее двух в течение года, если за каждое из этих нарушений осужденный был подвергнут взысканию в виде водворения в ШИЗО) может

быть представлена, например, курением в неустановленном месте, нарушением ношения установленной формы одежды (расстегнутая верхняя пуговица куртки), дарением пачки сигарет другому осужденному и т.д.

Думается, что в таких условиях безопасность осужденного может быть под вопросом: любого «негодного» осужденного можно довести через дисциплинарную преюдицию к реальному (дополнительному) сроку лишения свободы. Возможны волонтаристские проявления со стороны работников учреждений и органов УИС по «работе» с такими осужденными. Видимо, в том числе и поэтому в исправительно-трудовом законодательстве РСФСР была определена норма, призванная минимизировать чрезмерную самостоятельность администрации учреждения в вопросах перевода осужденных в ПКТ. В такой процесс был включен независимый фильтр, поскольку свое решение по переводу осужденных в ПКТ первый руководитель учреждения должен был согласовывать с наблюдательными комиссиями (ст. 54 ИТК РСФСР). Действующим уголовно-исполнительным законодательством РФ такого согласования не требуется.

Судебная практика второй половины 80-х гг. XX в. показала, что к применению судами ст. 188.3 УК РФ были большие вопросы. Уже в то время постановления Пленума Верховного Суда СССР показывали сложность назначения наказания за данный состав преступления: многие суды недооценивали сложность дел, допускали односторонность в исследовании доказательств, предвзято относились к показаниям осужденных. Отмечалось необоснованное осуждение по ст. 188.3 УК РСФСР. Кроме того, Верховный Суд СССР делал акцент на том, что имелись факты злоупотреблений администрацией учреждений, ее бездействия, плохой организации труда и бытовой неустроенности осужденных, что в итоге становилось причиной совершения преступления [8].

Думаем, что сегодня включение нормы в УК РФ, предусматривающей ответственность за злостное не-

повиновение работникам учреждений и органов УИС, будет проблематичным. Широкое общественное и научное обсуждение и диспуты, позиции заинтересованных в разрешении вопроса государственных и общественных структур, должностных лиц, а также определенный в последние десятилетия тренд на гуманизацию уголовной и уголовно-исполнительной политики могут стать серьезным препятствием в продвижении законопроекта о введении рассматриваемого вида уголовной ответственности.

Полагаем введение нормы уголовного закона, предусматривающей ответственность за злостное неповиновение работникам учреждений и органов УИС, не только преждевременным, но и в целом необоснованным. Помимо приведенных доводов и анализа рассматриваемых общественных отношений стоит отметить еще и проблемность применения дисциплинарной (административной) преюдиции. Справедливо в связи с этим пишет Н.А. Лопашенко, что преступление с административной преюдицией – искусственно созданная законодателем конструкция, имеющая эффект с бессмысленным уничтожением границ преступного и непроступного [9, с. 71].

Действующий уголовный закон РФ обеспечивает безопасность человека (ст. 7). Эта безопасность является всеобъемлющей и имеет отношение в том числе к лицам, совершившим преступление и отбывающим наказание по приговору суда. Отказ от идеи возвращения к положениям ст. 188.3 УК РСФСР и введения уголовной ответственности за злостное неповиновение представителям учреждений и органов УИС, на наш взгляд, должно компенсироваться предупредительными возможностями уголовно-исполнительного законодательства РФ и сложившейся практики: общей и индивидуальной профилактикой правонарушений в ИУ, активизацией вопросов о направлении злостных нарушителей режима отбывания наказания в ЕПКТ и тюрьмы, а также мерами воспитательного воздействия в среде осужденных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационное письмо УФСИН России по Кировской области заместителю директора ФСИН России генерал-лейтенанту внутренней службы В.Г. Боярину от 20.12.2018, исх. 44/ТО/18/3-16016.
2. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 610 с.
3. Атарицкова Е.Н. Герменевтика в праве (историко-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. 400 с.
4. О практике применения судами законодательства об ответственности за злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 05.04.1985 № 4 (ред. от 02.03.1989) // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986). М., 1987.
5. Абатуров А.И. Профилактика злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях. М. : Междунар. юрид. ин-т, 2010. 212 с.
6. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2017 г.) : информационно-аналит. сб. Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2018. 393 с.
7. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // ФСИН России. Главная. Статистические данные : офиц. сайт. 13.01.2019. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 21.01.2019).
8. О судебной практике по делам о преступлениях, совершаемых в исправительно-трудовых учреждениях : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 2 марта 1989 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1989. № 3. С. 5.
9. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 64–71.

Malicious Disobedience to the Requirements of a Correctional Facility Administration: Problems of Interpretation, Liability and Security in Detention Facilities

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 117–121. DOI: 10.17223/23088451/13/23

Renat Z. Useev, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Samara, Russian Federation). E-mail: useev@rambler.ru

Keywords: malicious disobedience, legal requirements, correctional facility, malicious violation, convict.

Criminal legal relations in correctional facilities are characterized by a complex of means that deter crimes and offenses among convicts. Subjects providing for penal legal relations, i.e. territorial agencies of the Federal Penitentiary Service of Russia, suggest considering the issue of proposals for making amendments and addendums to the current Criminal Code of the Russian Federation. These proposals actually come down to the revival of Article 188.3 of the Criminal Code of the RSFSR, which provided criminal liability for malicious disobedience to the lawful demands of the prison administration by the convicted person, if during a year this person was subject to a transfer to a cell-type room (single cell), or was transferred to prison. The author analyzed Article 188.3 of the Criminal Code of the RSFSR, a number of norms of corrective work legislation and their application and noted the problems of lexical, legal and organizational nature. In the article, he expresses his position on the prospects for the application of criminal liability for malicious disobedience to the legal requirements of the prison administration.

References

1. Information letter of the Department of the Federal Penitentiary Service of Russia in Kirov Oblast to the deputy director of the Federal Penitentiary Service of Russia, Lieutenant General of the internal service V.G. Boyarinev of 20 December 2018 Ref. 44/TO/18/3-16016. (In Russian).
2. Uporov, I.V. (2004) *Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv. Istoriko-pravovoy analiz tendentsiy razvitiya* [Penitentiary policy of Russia in the 18th–20th centuries. Historical and legal analysis of development trends]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
3. Atarshchikova, E.N. (1999) *Germenevtika v prave (Istoriko-pravovoy analiz)* [Hermeneutics in law (Historical and legal analysis)]. Law Dr. Diss. St. Petersburg.
4. Smolentsev, E.A. (ed.) (1987) O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za zlostnoe nepovinoenie trebovaniyam administratsii ispravitel'no-trudovogo uchrezhdeniya: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 05.04.1985 № 4 (red. Ot 02.03.1989) [On the practice of application by courts of legislation on liability for malicious disobedience to the requirements of the administration of a correctional labor facility: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 4 of 04 April 1985 (as amended on 02 March 1989)]. In: *Sbornik postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR (1924–1986)* [Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR (1924–1986)]. Moscow.
5. Abaturov, A.I. (2010) *Profilaktika zlostnykh narusheniy ustanovlennoy poryadka otbyvaniya nakazaniya v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh* [Prevention of malicious violations of the established order of punishment in correctional facilities]. Moscow: Mezhdunarodnyy yuridicheskiy institut.
6. Research Institute of Information Technology of the Federal Penitentiary Service of Russia. (2018) *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy FSIN Rossii (yanvar' – dekabr' 2017 g.): informatsionno-analiticheskiy sbornik* [Main indicators of the activity of the penitentiary system of the Federal Penitentiary Service of Russia (January – December 2017): information and analytical collection]. Tver: Research Institute of Information Technology of the Federal Penitentiary Service.
7. Federal Penitentiary Service of Russia. (2019) *Kratkaya kharakteristika ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Brief description of the penitentiary system]. [Online] Available from: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>. (Accessed: 21.01.2019).
8. Byulleten' Verkhovnogo Suda SSSR. (1989) O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh, sovershaemykh v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 2 marta 1989 g. № 1 [On court practice in cases of crimes committed in corrective labor facilities: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 1 of 2 March 1989]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda SSSR*. 3. pp. 5.
9. Lopashenko, N.A. (2011) Administrativnoy preyuditsii v ugolovnom prave – net! [No to administrative prejudice in criminal law!]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 3(23). pp. 64–71.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

УДК 347.963

DOI: 10.17223/23088451/13/24

А.Ю. Мариничева

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

По своей правовой природе прокурорский надзор за законностью обеспечения предпринимательства и соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности носит комплексный универсальный характер, с одной стороны, безусловно являясь частью надзора за исполнением законов («общего надзора») – одним из его направлений, с другой, – неотъемлемой частью надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина – в сфере обеспечения реализации конституционного права граждан на предпринимательскую деятельность. В этой связи предмет прокурорского надзора определяется с учетом положения ст.ст. 1, 21 и 26 Закона о прокуратуре, а также иного законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность, и охватывает надзор за публичным (главным образом государственным и муниципальным) регулированием и охраной предпринимательской деятельности, а также обеспечение правового положения лиц, занятых предпринимательством. При этом правомерность самой предпринимательской деятельности в части ее непосредственной реализации остается за пределами прокурорского надзора, поскольку, согласно действующему законодательству, она относится к непосредственной экономической и хозяйственной деятельности, осуществляется гражданами и иными субъектами на свой страх и риск на диспозитивных началах.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности, прокурорский надзор за законностью обеспечения предпринимательской деятельности, соблюдение, защита и охрана прав предпринимателей, предмет надзора.

Статья 34 Конституции Российской Федерации закрепляет, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Право на использование своих способностей для предпринимательской деятельности (далее – право на предпринимательскую деятельность) относится к числу основных конституционных прав и свобод человека и гражданина. По своей правовой природе оно представляет собой социально-экономическое конституционное право гражданина Российской Федерации, реализация которого, помимо Конституции Российской Федерации, обеспечивается рядом федеральных законов, комплексом подзаконных и ведомственных актов, а также законодательством субъектов Российской Федерации.

Действующее законодательство устанавливает систему гарантий обеспечения реализации права на предпринимательскую деятельность граждан РФ, включающую в себя в том числе систему органов, учреждений и должностных лиц, призванных обеспечивать охрану, защиту и восстановление нарушенных прав субъектов предпринимательской деятельности. К их числу прежде всего относятся арбитражные суды, суды общей юрисдикции, Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, региональные уполномоченные в субъектах федерации, федеральные и прочие административные, контролирующие органы и должностные лица, а также органы и учреждения прокуратуры Российской Федерации. Каждый из них обладает самостоятельной компетенцией в реализации обязанностей, направленных на обеспечение правового положения субъектов предпринимательской деятельности.

В литературе справедливо подчеркивается, что органы и учреждения прокуратуры играют особую роль в механизме обеспечения реализации права на предпринимательскую деятельность. Так, А.В. Паламарчук указывает, что комплексное решение задачи по обеспечению свободы экономической деятельности возложено на многие органы государственной власти и местного самоуправления, а выявление правонарушений и устранение угроз свободе экономической безопасности – в основном на органы прокуратуры [1, с. 9]. Безусловно, это так, однако представляется, что роль прокуратуры едва ли исчерпывается охранительной деятельностью в данной сфере. Прежде всего, органы прокуратуры занимают особое положение в системе обеспечения правового положения субъектов предпринимательской деятельности, обладая функциональным и институциональным преимуществом по сравнению с иными органами, учреждениями и должностными лицами. Так, если роль судебных органов в силу их конституционно-правового положения ограничивается функциями арбитра и разрешения уже сложившейся конфликтной ситуации, то прокуратура, согласно действующему законодательству, может предотвращать возможные конфликтные ситуации, не допуская возникновения негативных последствий, а в случае все же их возникновения – оперативно восстанавливать нарушенное правомерное состояние, используя правовые средства, предоставленные ей Законом о прокуратуре и иным федеральным законодательством, исключая сложные восстановительные процедуры, характерные для судебной защиты. Аналогичные преимущества органы прокуратуры имеют и перед административными и контролирующими органами и должностными

лицами. Кроме того, в отличие от последних, прокуратура обладает более широким предметом надзора, что позволяет ей комплексно оценивать состояние законности в данной сфере, осуществляя надзор, в том числе и за законностью деятельности самих административных и контролирующих органов. Существуют также преимущества и по отношению к омбудсменам различных уровней, главное из которых – обязательность исполнения прокурорских предписаний, вынесенных в ходе надзорной деятельности и обеспечиваемых возможностью существенного государственного принуждения, включающего меры дисциплинарного, административно- и уголовно-правового воздействия на нарушителей. Таким образом, прокуратура Российской Федерации играет ключевую роль в механизме обеспечения правового положения субъектов предпринимательской деятельности и правомерного состояния предпринимательской среды в Российской Федерации, обеспечивая не только ее охрану, но также защиту и восстановление. Более того, такое положение позволяет органам прокуратуры осуществлять надзор за законностью деятельности подавляющего большинства органов и должностных лиц, осуществляющих функции публичного регулирования предпринимательской деятельности, а также выступать координатором деятельности прочих лиц, не охватываемых прокурорским надзором. Примером последнего служит совместная деятельность Генерального прокурора РФ и Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав субъектов предпринимательской деятельности в рамках имеющегося между ними Соглашения о взаимодействии в вопросах защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, предусматривающего не только обмен информацией, но и организацию и проведение совместных проверок.

По своей правовой природе прокурорский надзор в рассматриваемой сфере носит комплексный универсальный характер, с одной стороны, безусловно являясь частью надзора за исполнением законов («общего надзора») – одним из его направлений, с другой, – неотъемлемой частью надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина – в сфере обеспечения реализации конституционного права граждан на предпринимательскую деятельность. Сложный отраслевой характер надзора обуславливает его специфику: в части надзора за законностью обеспечения предпринимательской деятельности он осуществляется в общем порядке, в сфере обеспечения законности правового положения предпринимателей – в инициативном. В этой связи предмет прокурорского надзора определяется с учетом положений ст.ст. 1, 21 и 26 Закона о прокуратуре, а также иного законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность, и охватывает надзор за публичным (главным образом государственным и муниципальным) регулированием и охраной предпринимательской деятельности, а также обеспечение правового положения лиц, занятых предпринимательством. При этом важно подчеркнуть, что правомерность самой предпринимательской деятельности в части ее непосредственной реализации остается за пределами прокурорского надзора, поскольку, согласно

действующему законодательству, она относится к непосредственной экономической и хозяйственной деятельности, осуществляется гражданами и иными субъектами на свой страх и риск на диспозитивных началах [2, с. 181; 3, с. 66–70].

Универсальность прокурорского надзора за законностью обеспечения предпринимательской деятельности и соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности заключается в том, что прокурор использует весь спектр правовых возможностей прокуратуры, предоставляемый не только Законом о прокуратуре, но и иным законодательством. Конкретный инструментарий весьма широк и включает в себя надзорные, административные, процессуальные и прочие полномочия прокуроров [4, с. 76].

Прокурорский надзор за законностью обеспечения предпринимательства и соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности строится на общих принципах организации прокурорского надзора применительно к конкретным сферам государственной и иной социально значимой деятельности. В органах прокуратуры действует специальное подразделение по защите прав предпринимателей, формирующее ежегодный сводный план при проведении плановых проверок органами государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации, осуществляющее проверку проектов ежегодных планов и согласование проведения внеплановых выездных проверок, а также применяющее меры административного воздействия к виновным должностным лицам органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Нормативно-правовую основу прокурорского надзора составляет действующее законодательство, регулирующее предпринимательскую деятельность. Ключевой директивой Генеральной прокуратуры РФ служит приказ Генерального прокурора РФ от 31.03.2008 г. № 53 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности», в соответствии с которым Генеральный прокурор РФ ориентирует подчиненных прокуроров принимать весь комплекс мер для обеспечения законности и свободы экономической деятельности. С этой целью в органах прокуратуры ведется постоянный мониторинг в сфере соблюдения прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, определен график приема предпринимателей, налажено конструктивное информационное сотрудничество с органами власти, правоохранительными и контролирующими органами, объединениями предпринимателей, обеспечена межведомственная координация контрольной и надзорной работы органов власти. Прокурорам предписывается обеспечить надзор за законностью правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления, а также государственных контролирующих органов, включая своевременность принятия таких актов, осуществление разрешительных, лицензионных, регистрационных и иных процедур органов контроля, в том числе соблюдение заказчиками обязательств по исполненным предпринимателями государственным и муниципальным кон-

трактом, а также незаконному вовлечению органов правоохраны в хозяйственные споры между коммерческими структурами и применению к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям мер принуждения и ответственности. При этом особое внимание обращается на соблюдение законодательства об оперативно-розыскной деятельности, приеме, регистрации, проверке и разрешении сообщений о преступлениях, совершенных в отношении хозяйствующих субъектов.

Практика прокурорского надзора за законностью обеспечения предпринимательства и соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности в Томской области свидетельствует, что данному направлению уделяется достаточно внимания.

Так, в 2018 г. прокурорами региона выявлены нарушения при проведении регистрационных (разрешительных) процедур, оказании государственных и муниципальных услуг, осуществлении контрольно-надзорных полномочий в отношении субъектов предпринимательской деятельности. Помимо этого, органами прокуратуры Томской области выявлены нарушения, ограничивающие добросовестную конкуренцию и, как следствие этого, создающие препятствия законной предпринимательской деятельности. К примеру, по результатам проведенных прокурорских проверок выявлены факты нарушения при организации и проведении конкурсных процедур (проведение аукционов (конкурсов) ранее предусмотренных сроков, привлечение к работе конкурсной комиссии неуполномоченных лиц, осуществление выдачи лицензий при отсутствии обязательных документов и т.п.).

Положительным итогом прокурорского надзора в данной сфере служит погашение общей задолженности перед предпринимателями со стороны публичных заказчиков, допустивших несвоевременную оплату услуг предпринимателей по исполненным контрактам, на сумму более 500 млн рублей за период с 2015 по 2018 г. в результате прокурорского вмешательства. При этом за допущенные нарушения 73 должностных лица со стороны публичных заказчиков привлечены к дисциплинарной, а 23 человека – к административной ответственности.

Прокуратура Томской области активно пресекает случаи проведения необоснованных проверочных мероприятий в отношении хозяйствующих субъектов, способствуя значительному снижению административного давления со стороны контролирующих органов на субъекты предпринимательской деятельности. К примеру, при формировании регионального сегмента свободного плана проверок на 2019 г. из ежегодных планов проверок, предложенных контролирующими органами, исключено свыше 800 мероприятий. По результатам рассмотрения заявлений органов контроля в 2018 г. прокурорами отказано в проведении 171 внеплановой проверки. Кроме этого, прокурорами регулярно выявляются случаи нарушения порядка организации и проведения проверок (отсутствие законных оснований и необходимых распоряжений, нарушение установленных сроков и процедур, применение к предпринимателям незаконных и необоснованных мер ответственности).

Согласно статистическим данным [5], в 2018 г. органами прокуратуры Томской области удовлетворены 146 заявлений предпринимателей об оспаривании актов, решений, действий (бездействия) органов власти различных уровней, положительно разрешены 45 заявлений о признании незаконными действий, выразившихся в отказе в принятии налоговых деклараций по НДС, признаны незаконными 24 решения налоговых органов о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, признаны незаконными 23 решения пенсионного органа об отказе в возврате сумм излишне уплаченных (взысканных) страховых взносов, пеней индивидуальными предпринимателями, применяющими упрощенную систему налогообложения. В 2018 г. в Томской области судами по заявлению прокуроров удовлетворено 49 заявлений хозяйствующих субъектов о признании незаконными решений органов административной юрисдикции.

В 2018 г. органами прокуратуры Томской области неоднократно выявлялись нарушения при организации и проведении административных проверок деятельности хозяйствующих субъектов под видом различных рейдов и мониторингов.

Всего при осуществлении прокурорского надзора за законностью обеспечения предпринимательской деятельности и соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности прокуратурами Томской области за 2017–2018 гг. выявлено более 4 тыс. нарушений законов, опротестовано 678 незаконных правовых актов, внесено 577 представлений, по требованиям прокуроров 385 должностных лиц привлечены к дисциплинарной и 55 человек – к административной ответственности, предъявлено 22 иска, объявлено 4 предостережения, по материалам прокурорских проверок компетентными органами возбуждено два уголовных дела (таблица).

Обзор состояния законности в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в Томской области

№ п/п	Меры реагирования	Год	
		2017	2018
1	Выявлено нарушений закона	2 323	1 764
2	Принесено протестов	305	373
3	Направлено исков, заявлений в суд	7	15
4	Внесено представлений	192	385
5	К дисциплинарной ответственности привлечено лиц	124	261

Анализ приведенной практики прокурорского надзора за законностью обеспечения предпринимательства и соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности показывает, что, несмотря на отсутствие четкого нормативного определения предмета и пределов надзора, все еще существующие противоречия и пробелы в регулировании вопросов государственного и муниципального обеспечения предпринимательской деятельности, данное направление прокурорского надзора приобретает все большую значимость, что, в свою очередь, актуализирует проблему дальнейшей теоретической проработки данных вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паламарчук А.В. Прокурорский надзор за исполнением законов о защите прав предпринимателей : науч.-метод. пособие. М. : Генеральная прокуратура РФ, Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2014. 191 с.
2. Воронин О.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учеб. пособие / под ред. Ю.К. Якимовича. Томск : Изд-во НТЛ, 2008. 428 с.
3. Воронин О.В. Теоретические основы современной прокурорской деятельности / под ред. А.Г. Халиулина. Томск : Изд-во НТЛ, 2013. 164 с.
4. Казарина А.Х. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов (сфера предпринимательской и иной экономической деятельности) / Генеральная прокуратура РФ, Ин-т повышения квалификации руковод. кадров Генпрокуратуры РФ. М., 2005. 180 с.
5. Сводные статистические данные Арбитражного суда Томской области // Сайт Картотеки арбитражных дел – Федеральные арбитражные суды РФ. URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 14.04.2019).

Prosecutor's Supervision over the Legitimacy of Securing Entrepreneurship and Enforcement of the Rights of Entrepreneurs

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 122–125. DOI: 10.17223/23088451/13/24

Anna Yu. Marinicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision over enforcement of entrepreneurs' rights, prosecutor's supervision over legitimacy of securing entrepreneurial activities, enforcement, defense and protection of entrepreneurs' rights, subject of supervision.

By its legal nature, prosecutor's supervision over the legality of entrepreneurship and security of the rights of entrepreneurs has a comprehensive universal character. On the one hand, it is part of supervision over the implementation of laws ("general supervision"); on the other, it is an integral part of supervision over the observance of the rights and freedoms of a person and citizen in the sphere of ensuring the realization of the constitutional right of citizens to entrepreneurial activity. The complex sectoral nature of supervision determines its specificity: in terms of supervising over the legality of business support, it is carried out in a general manner; in terms of ensuring the legality of the legal status of entrepreneurs in an initiative one. In this regard, the subject of prosecutor's supervision is determined based on the provisions of Articles 1, 21 and 26 of the Law on the Prosecutor's Office and on other laws regulating entrepreneurial activity; it covers the supervision of public (mainly state and municipal) regulation and protection of entrepreneurial activity, as well as the security of the legal status of persons engaged in entrepreneurship. It is important to emphasize that the legitimacy of entrepreneurial activity itself in terms of its direct implementation remains outside of prosecutor's supervision since, according to the current laws, it relates to economic activity and is carried out by citizens and other entities at their own risk by the principles of disposition. The universality of prosecutor's supervision over the legitimacy of securing business activities and the observance of the rights of entrepreneurs lies in the fact that the prosecutor uses the full range of legal capabilities of the prosecutor's office provided not only by the Law on the Prosecutor's Office, but also by other laws. The specific toolkit is very wide and includes supervisory, administrative, procedural and other powers of the prosecutors. The prosecutor's supervision over the legitimacy of the security of entrepreneurship and the observance of the rights of entrepreneurs is based on the general principles of organizing prosecutor's supervision in relation to specific areas of state and other socially significant activities.

References

1. Palamarchuk, A.V. (2014) *Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov o zashchite prav predprinimateley* [Prosecutor's supervision over the implementation of laws on the protection of the rights of entrepreneurs]. Moscow: General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.
2. Voronin, O.V. (2008) *Prokurorskiy nadzor v Rossiyskoy Federatsii* [Prosecutor's Supervision in the Russian Federation]. Tomsk: Izd-vo NTL.
3. Voronin, O.V. (2013) *Teoreticheskie osnovy sovremennoy prokurorskoy deyatel'nosti* [Theoretical foundations of modern prosecutor's activities]. Tomsk: Izd-vo NTL.
4. Kazarina, A.Kh. (2005) *Predmet i predely prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov (sfera predprinimatel'skoy i inoy ekonomicheskoy deyatel'nosti)* [The subject and limits of the prosecutor's supervision over the implementation of laws (the field of entrepreneurial and other economic activities)]. Moscow: IPK RK General'noy prokuratury RF.
5. Elektronnoe pravosudie. (n.d.) *Svodnye statisticheskie dannye Arbitrazhnogo suda Tomskoy oblasti* [Summary statistical data of the Arbitration Court of Tomsk Oblast]. [Online] Available from: kad.arbitr.ru. (Accessed: 14.04.2019).

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9

DOI: 10.17223/23088451/13/25

И.С. Дроздов

СТРУКТУРА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО РЕЦИДИВА ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В результате анализа структуры криминологического рецидива лиц, осужденных к наказаниям и иным мерам, не связанным с лишением свободы, сделаны выводы о вероятностном влиянии характера предшествующего преступления виновного на новое его преступление, если оно совершено. Выявлены качественные особенности криминологического рецидива по сравнению с «первичной» преступностью.

Ключевые слова: альтернативные наказания, осужденные без лишения свободы, криминологический рецидив.

Статистика последних десяти лет свидетельствует о расширении назначения судами наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, имеет место стабильное, хотя и незначительное снижение удельного веса осужденных к реальному лишению свободы (с 32,8% в 2007 г. до 27,9% в 2017 г.)¹ [1, с. 120]. Таким образом, более 70% осужденных ныне не лишаются свободы.

Такая практика, в принципе, отвечает современной тенденции либерализации уголовной политики, направленной прежде всего на «экономия» уголовной репрессии путем сокращения реального лишения свободы. Это происходит посредством применения как условного осуждения, так и реальных наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

За последние восемь лет более чем на треть уменьшилась доля осужденных к лишению свободы условно (с 40% в 2009 г. до 25,3% в 2017 г.). Правоприменительная практика все более опирается на такие реальные альтернативные наказания, как исправительные работы (рост с 5,2% в 2009 г. до 7,8% в 2017 г.), обязательные работы (с 7,5% в 2009 г. до 18,3% в 2017 г.), ограничение свободы (с 0,95% в 2010 г. до 3,6% в 2017 г.) [Там же]. Следует также отметить некоторое сокращение на протяжении трех лет удельного веса осужденных к штрафу (с 15,7% в 2014 г. до 13% в 2017 г.) [Там же].

Таким образом, среди альтернативных мер ныне преобладают исправительные и обязательные работы, ограничение свободы, штраф и лишение свободы условно. Данное обстоятельство делает все более актуальной проблему повышения их эффективности.

Совершение нового преступления имеющим судимость лицом (криминологический рецидив)² свидетельствует не только о том, что цели наказания не были достигнуты, но и о сравнительно большей устойчивости криминальной направленности личности преступника. Поэтому показатели криминологического рецидива мо-

гут служить важным критерием как эффективности уголовного наказания, так и организации его исполнения.

К числу важных качественных характеристик упомянутого рецидива относится его структура. В одном ее значении структура рецидива – это соотношение между преступлениями, совершенными одним и тем же лицом. В ней отражается антиобщественная направленность или иные устойчивые дефекты личности упорного правонарушителя в различные годы его жизни [2, с. 65–68]. Здесь структура рецидива является отражением «криминальной биографии» рецидивиста [3, с. 179–180].

В другом значении структура рецидива может быть представлена как соотношение между отдельными частями всей совокупности повторных (рецидивных) преступлений, совершенных лицами, осужденными без реального лишения свободы. Выделение этих групп возможно по целому ряду признаков, отсюда в структуре рецидива можно выявить его разные виды по интенсивности, характеру, специализированности. В свою очередь, эта структура может быть выявлена применительно не ко всей совокупности совершенных новых преступлений, а в зависимости от видов наказаний, характера предыдущих преступных посягательств, возраста преступников.

Структура рецидива характеризуется типичными переходами от одних преступлений к другим, частотой повторения одних и тех же общественно опасных деяний в случае продолжения преступной деятельности, связями между преступлениями [2, с. 66]. Таким образом, изучение структуры криминологического рецидива при осуждении без лишения свободы предполагает качественный анализ преступлений, совершенных лицами, осужденными к наказаниям без изоляции от общества.

В целях анализа зависимости структуры криминологического рецидива от характера предшествующих преступных посягательств проведено выборочное исследование 2 560 лиц, отбывавших наказания и иные меры, не связанные с изоляцией от общества (штраф, обязательные и исправительные работы, ограничение свободы, условное осуждение) впервые и прошедших по учетам уголовно-исполнительных инспекций и службы судебных приставов (в случае исполнения наказания в виде штрафа) Томской, Новосибирской и Кемеровской областей в 2014–2016 гг. Выбор такого периода объясняется необходимостью изучения

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

² В соответствии со ст. 86 УК РФ лицо, осужденное условно считается судимым до истечения испытательного срока, лица, осужденные к более мягким видам наказаний, чем лишение свободы, – по истечении одного года после отбытия или исполнения наказания.

постпенального рецидива как минимум в течение года с момента снятия с учета в УИИ, прекращения исполнительного производства в ФССП.

На каждого осужденного, включенного в статистическую выборку, на основании его личного дела заполнялась статистическая анкета, включающая в себя социально-демографические, уголовно-правовые, уголовно-исполнительные характеристики осужденного.

Путем проверки полученных данных о каждом осужденном через ИЦ УВД, ГУВД субъектов, баз «ИБД-Ф» (ОСК) устанавливалось, кто из находившихся на учете или после отбытия наказания вновь совершил повторное преступление; в анкете фиксировались дата совершения рецидивного преступления, квалификация, дата осуждения и назначенное судом наказание.

В итоге формировались группы лиц, совершивших и не совершивших преступления после постановки на учет или снятия с учета в уголовно-исполнительной инспекции, возбуждения исполнительного производства в случае исполнения наказания в виде штрафа, а также изучены основные признаки, которыми преступники обладали при постановке на учет и в течение срока исполнения уголовного наказания, испытательного срока при условном осуждении.

По данным, полученным в результате применения такой методики, средний уровень криминологического рецидива лиц, осужденных условно и к наказаниям, не связанным с лишением свободы, с момента осуждения и после отбытия наказания (снятия с учета) в течение одного года составил 24,2%.

Лица, совершившие повторное преступление с момента осуждения, нахождения на учете и в течение года с момента отбытия наказания (повторно осужденные), явились базой для расчета частоты тех или иных преступлений в структуре криминологического рецидива в зависимости от характера их первых преступлений.

В литературе можно встретить различные критерии классификации преступлений, например по признаку идентичности мотивов и целей преступных посягательств. Так, К.Е. Игошев, анализируя личность несовершеннолетних преступников, различал группы лиц, совершивших определенные преступления: грабежи и разбои; кражи и хищения; хулиганство; изнасилования, тяжкие телесные повреждения и убийства [4, с. 38]. П.Ф. Гришанин выделял следующие виды преступлений: кражи личного имущества граждан, хулиганство, грабеж, разбой, изнасилование, умышленные тяжкие телесные повреждения, умышленные убийства, прочие преступления [5, с. 37], В.Н. Кудрявцев предлагал выделять лиц, совершающих корыстные преступления, и лиц, совершающих насильственные преступления [6, с. 106].

Однако приведенные выше классификации не содержат четких критериев разделения преступных посягательств. Например, П.Ф. Гришанин и К.Е. Игошев объединяли в одну группу хищения независимо от способов их совершения.

При классификации преступлений, совершаемых лицами, осужденными без изоляции от общества, недостаточно только уголовно-правовой классификации. Безусловно, она представляет практический интерес для криминологии, но не во всем учитывает ее потреб-

ности, поскольку не рассматривает ряд закономерностей, важных в криминологическом плане. Ведь многие криминологически сходные по своей природе виды преступлений помещены в разные главы УК РФ; данная квалификация также не всегда учитывает такие важные признаки, как мотивация деяния, способ совершения, без которых достаточно полный криминологический анализ невозможен [7, с. 41].

Сказанное приводит к необходимости дальнейшего структурирования полученных данных путем классификации совершаемых рецидивистами преступлений, исходя прежде всего из присущей преступникам преступной мотивации. Именно ее характер и содержание позволяют глубже уяснить причины не только первого преступления, но и повторных преступных посягательств.

Мотив – важный критерий классификации видов криминологически значимого поведения, поскольку он занимает важное место в понимании механизма человеческого поведения, дает возможность глубже раскрыть сущность и значение других факторов деятельности, в том числе преступной [Там же].

В этой связи более обоснованно определить однородные и схожие по своему характеру и направленности преступные посягательства не только по их типичным и наиболее распространенным мотивациям, но и исходя из степени их общественной опасности, способа совершения. Удачная попытка такого рода была предпринята В.В. Городнянской при исследовании постпенитенциарного рецидива¹. В итоге наиболее часто совершаемые рецидивистами преступления были разделены на следующие группы:

Группа А – ненасильственные тайные корыстные имущественные преступления (ст.ст. 158 и 159 УК РФ);

Группа Б – насильственные открытые корыстные имущественные преступления (ст.ст. 161, 162, 163 УК РФ);

Группа В – корыстные преступления, не являющиеся хищениями (ст.ст. 166, 175, 228.1 УК РФ);

Группа Г – умышленные насильственные посягательства на жизнь и здоровье (ст.ст. 111, 112, 115, 116, 117, 119 УК РФ);

Группа Д – половые преступления (ст.ст. 131, 132, 134, 135 УК РФ);

Группа Е – умышленные насильственные посягательства на общественную безопасность, общественный порядок и порядок управления (ст.ст. 213, 318 УК РФ);

Группа З – преступления против здоровья населения и общественной нравственности (ст.ст. 228, 231, 232, 234, 238 УК РФ);

Группа И – умышленные ненасильственные посягательства на общественную безопасность, общественный порядок и порядок управления / здоровье населения (ст.ст. 222, 222.1, 223, 306, 307, 319, 322.2, 322.3, 325, 327 УК РФ);

Группа К – неосторожные преступления (ст.ст. 107, 109, 118 УК РФ);

Группа Л – преступления против семьи и несовершеннолетних (ст.ст. 150, 151, 156, 157 УК РФ);

¹ Методика успешно была апробирована ранее также А.Ф. Зелинским, Л.М. Прокументовым, Л.В. Чуприной и другими авторами.

Группа М – экологические преступления (ст.ст. 256, 258, 258.1, 260 УК РФ);

Группа Н – преступления против безопасности движения (ст.ст. 264, 264.1 УК РФ).

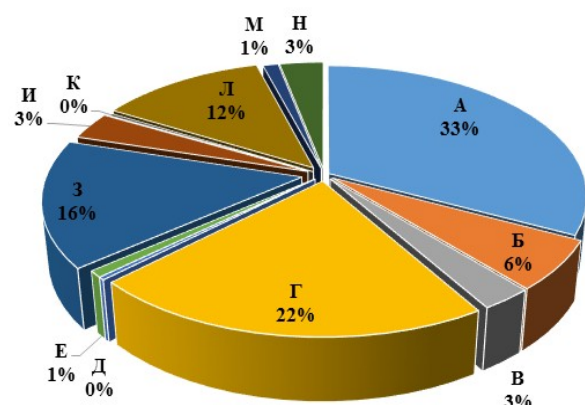

Рис. 1. Структура первичной преступности рецидивистов, ранее осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества

Можно предположить, что характер предшествующего преступления оказывает непосредственное влияние на тенденции развития будущего рецидива, т.е. структура криминологического рецидива зависит от характера предшествующих преступных посягательств. Данная гипотеза была проверена нами в ходе расчета соответствующих частот.

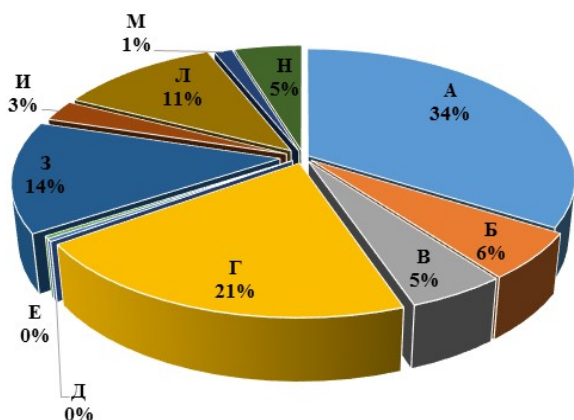

Рис. 2. Структура преступности рецидивистов, ранее осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, во второй судимости

Как видно из рис. 1, в структуре первичной преступности рецидивистов преобладают ненасильственные хищения (группа А). Их удельный вес составляет 33%. На втором месте находятся умышленные насильственные посягательства на жизнь и здоровье (22%), на третьем – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (16%), далее посягательства против семьи и несовершеннолетних (12%), преступления против безопасности движения (3%); на долю умышленных ненасильственных посягательств на общественную безопасность, общественный порядок и порядок управления приходится не более 3%, грабежей и разбоев – 6%, удельный вес экологических преступле-

ний и корыстных преступлений, не являющихся хищениями, составил 1% и 3% соответственно¹. Во второй судимости (рис. 2) незначительно возрастает доля краж (35%), грабежей и разбоев (6%), удельный вес насильственных посягательств на жизнь и здоровье (группа Г) уменьшился до 20%, а преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (группа З), остался неизменным (13%). Частота совершения умышленных ненасильственных посягательств на общественную безопасность, общественный порядок и порядок управления (группа И) сократилась в два раза (до 2%). При этом доля корыстных преступлений, не являющихся хищениями (группа В), напротив, кратно увеличилась (до 5%).

Таким образом, рассчитанные количественные показатели общественно опасных деяний свидетельствуют о том, что чем чаще встречается какое-либо преступление в структуре первичной преступности рецидивистов, тем больше при иных равных условиях его удельный вес в структуре криминологического рецидива, и наоборот.

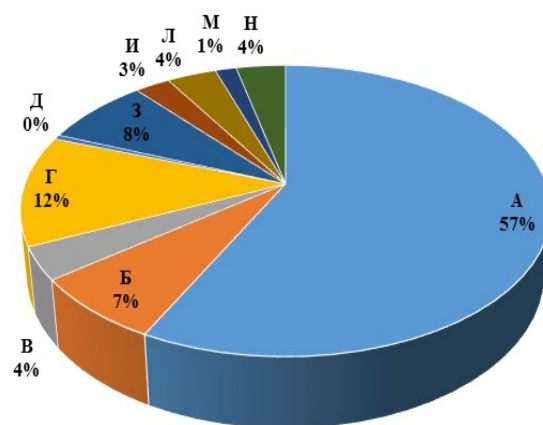

Рис. 3. Структура рецидива, начатого с ненасильственных хищений (кражи, мошенничество)

Небезынтересно проследить структуру криминологического рецидива в зависимости от характера ранее совершенных конкретных посягательств, за которые лица были осуждены впервые. Как видно из рис. 3, доля ненасильственных хищений во второй судимости воров составляет 57%, а грабежей и разбоев – 7%. Соответственно, совокупный коэффициент повторяемости хищений достигает 64%, что свидетельствует о большей степени устойчивости специального реци-

¹ Наши данные схожи с показателями, полученными ранее другими авторами. См., напр.: Ольховик Н.В. Режим испытания при условном осуждении : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. С. 49; Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных к ограничению свободы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 151; Пичугин С.А. Рецидив преступлений среди условно осужденных : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 150; Зайцева Д.Т. Криминологические проблемы условного осуждения : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 129; Рахмаев Э.С. Исправительные работы как вид уголовного наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 118; Тараленко К.Н. Рецидивная преступность несовершеннолетних, осужденных условно, и ее предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 15; Старков О.В. Криминология. М. : Экзамен, 2004. С. 203–267; Комарицкий С.И. Эффективность исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы (вопросы методики). М., 1991. С. 25–40.

ва, начатого с краж¹. Удельный вес умышленных насильственных посягательств на жизнь и здоровье у бывших воров составил во второй судимости 12%. На наш взгляд, появление в структуре криминологического рецидива, начатого с хищений, умышленных насильственных посягательств свидетельствует о формировании у рецидивистов стойких асоциальных привычек насильственного характера, являющихся следствием паразитического образа жизни, отягощенного алкоголизацией, влекущих моральное разложение и деградацию личности.

В структуре рецидива осужденных за кражу имеет место относительная стабильность совершения преступлений группы З (как правило, она представлена преступлениями, связанными с незаконным приобретением и хранением наркотических средств – ст. 228 УК РФ) – 8%. По-видимому это объясняется тем, что у значительной части рецидивистов имеются проблемы с социализацией. Сказывается и разложение их волевых качеств, обусловивших неспособность избавиться от пагубных привычек, в том числе к наркотическим средствам. Доля иных преступлений (группы В, Е, И, К, Л, М, Н) в повторной преступности бывших воров и мошенников невелика и не превышает уровня, обычно для иных категорий рецидивистов, что позволяет сделать вывод об отсутствии стохастической зависимости этих преступлений и краж.

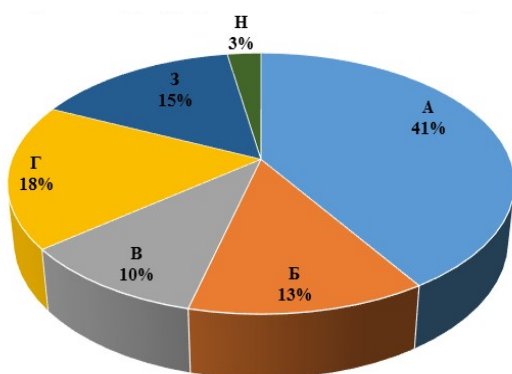

Рис. 4. Структура рецидива, начатого с грабежей и разбоев

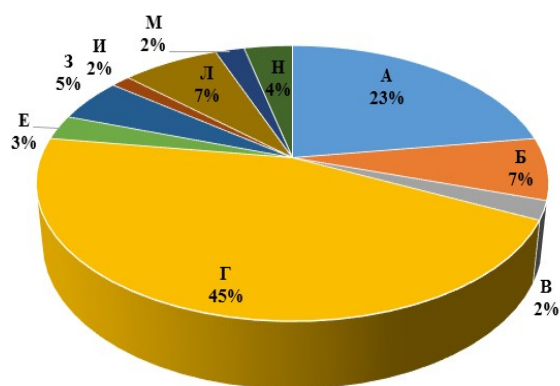

Рис. 5. Структура рецидива, начатого с насильственных преступлений против жизни и здоровья

Структура криминологического рецидива, начатого с грабежей и разбоев (рис. 4), подтверждает установленные выше тенденции частого повторения корыстных имущественных преступлений. Совокупный удельный вес преступников, совершивших впервые грабеж и разбой и вновь совершивших однородные преступления, составляет во второй судимости более половины (54%); из них 13% приходится на грабежи и разбои, 41% – на кражи и мошенничество. Совокупная доля иных разнородных с хищениями посягательств составляет 46%. Она представлена умышленными насильственными посягательствами на жизнь и здоровье (18%), умышленными посягательствами против здоровья населения и общественной нравственности (15%), корыстными преступлениями, не являющимися хищениями (10%), преступлениями против безопасности движения (6%)².

Как видно из рис. 5, рецидивист, осужденный ранее за умышленное насильственное посягательство на жизнь и здоровье, в случае повторного осуждения отвечает за аналогичное преступление в 45% случаях. Доля краж, грабежей в совокупности составляет во второй судимости 30%. Обращает на себя внимание и высокий уровень дифференциации рецидива, составившего во второй судимости 25%, который представлен практически всеми выделенными нами группами преступлений.

В криминологии под специальным рецидивом следует понимать совершение однотипных, тождественных преступлений, которые квалифицируются по какой-то одной статье УК РФ [8, с. 50–55]. В научной литературе он оценивается как наиболее опасная форма рецидива, поскольку зачастую свидетельствует о слиянии рецидивной и профессиональной преступности, являясь проявлением специализации преступной деятельности, является неким индикатором более устойчивой антисоциальной направленности личности преступника. Как указывал А.М. Яковлев, однородность совершаемых преступлений говорит о повышенной степени общественной опасности рецидивиста [9, с. 102].

Однако вряд ли можно судить об общественной опасности криминологического рецидива исходя исключительно из однородности преступлений, совершаемых лицами, осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Представляется правильной точка зрения В.В. Городнянской, полагающей, что необходимо учитывать характер самого преступного деяния, вред, причиняемый преступной деятельностью лица, иные показатели [7, с. 106].

Как показало исследование, структура криминологического рецидива осужденных, совершивших насильственные преступления против личности (группа Г), более многообразна по сравнению со структурой рецидива преступников, совершивших хищения. Так, доля разнородных с преступлениями группы Г посягательств во второй судимости составляет более половины (55%), из которых 23% приходится на кражи, 7% – грабежи и разбои, 7% – преступления против семьи и

¹ Ранее аналогичные данные получены С.И. Комарицким. См.: Комарицкий С.И. Эффективность исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы (вопросы методики). М., 1991. С. 34–35.

² Аналогичные выводы сделаны С.И. Комарицким. См.: Комарицкий С.И. Эффективность исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы (вопросы методики). М., 1991. С. 34–35.

несовершеннолетних, в оставшихся 14% представлены практически все выделенные нами группы иных преступлений. По-видимому, одной из причин перехода к общему рецидиву является ситуационный характер насильственных преступлений, которые, как правило, совершаются на бытовой почве, в результате ссор или скандалов, на почве личных неприязненных отношений вследствие злоупотребления алкоголем. По данным исследования, доля преступников, совершивших преступления группы Г в состоянии алкогольного опьянения, составляет 60,4%, 40,9% рецидивистов в период нахождения на учете злоупотребляли алкоголем в быту и имели отрицательную характеристику.

При этом частота совершения однородных преступлений, связанных прежде всего с причинением различной степени тяжести вреда здоровью, составляет без малого 44%. Причиной этому, как указывал О.В. Старков, может являться наличие устойчивой агрессивной криминогенной мотивации, свойственной насильственным преступникам и являющейся внутренней причиной преступного поведения [10, с. 268]. Подтверждением является и то, что среди указанной массы рецидивистов, вновь совершивших насильственные преступления, преобладают лица, ранее уже судимые за данные посягательства. Таковых оказалось более трети (32%), из них за тяжкие и особо тяжкие преступления 47,2%. По-видимому, для данной категории преступников отбытие наказания за первое преступление никак не способствовало их исправлению. Соответственно, наказания, не связанные с изоляцией от общества, за совершение указанных преступлений, особенно тяжких, должны применяться к таким преступникам с особой осторожностью.

В структуре криминологического рецидива лиц, осужденных за кражи, грабежи и разбои, более выражена преступная специализация, т.е. эти преступники-рецидивисты с большим постоянством совершают те же преступления, за которые они уже были осуждены. Так, частота совершения краж у преступников, осужденных за кражи, во второй судимости составляет 57%, на иные однородные по мотивации (корыстные) преступления приходится 11%, удельный вес иных разнородных с кражами посягательств во второй судимости составляет 32%. Объяснением этому может служить заслуживающая внимания точка зрения В.В. Городнянской, полагающей, что присутствие в структуре рецидива второй судимости преступников, совершивших хищения, иных по характеру деяний объясняется спецификой самих хищений, которые «прокладывают путь» для совершения других по направленности общественно опасных посягательств и тем самым выступают в роли особого криминогенного фактора [7, с. 58].

В структуре рецидива при осуждении за преступления против здоровья населения и общественной нравственности отсутствует относительное постоянство основных показателей. Так, наряду с высокой степенью специализации рецидива (48%) отмечается и устойчивая дифференциация последнего, которая составляет 52% и представлена в основной массе корыстными преступлениями (34%): кражами (23%), грабежами и разбоями (3%), корыстными преступлениями, не явля-

ющимися хищениями (8%). Думается, что высокий удельный вес корыстных преступлений в структуре рецидива объясняется прежде всего следствием пагубных привычек наркоманов, их зависимости от наркотиков, требующей значительных материальных затрат на их приобретение.

Небезынтересно проследить структуру криминологического рецидива применительно к отдельным наказаниям и мерам, не связанным с лишением свободы.

В структуре рецидива воров, осужденных к **штрафу**, доля специального рецидива составляет 55%. Однородные с кражами преступления, грабежи и разбои, во второй судимости составляют 16%. Таким образом, удельный вес специального рецидива при хищениях достигает 71%, что еще раз свидетельствует не только об устойчивых асоциальных взглядах рецидивистов, но и о преобладании корыстных мотивов в психологии преступников.

У осужденных к **обязательным работам**, начавшим свою преступную деятельность с ненасильственных хищений, в случае повторного осуждения частота краж и мошенничества (группа А) также составляет более половины (56%). Несмотря на отсутствие во второй судимости грабежей и разбоев, обращает на себя внимание немалый удельный вес насильственных преступлений против жизни и здоровья (20%). Структура криминологического рецидива осужденных к обязательным работам за насильственные преступления против жизни и здоровья является не менее разнообразной по сравнению со структурой рецидива бывших воров. Специальный рецидив здесь составляет 34%. Остальная часть приходится на иные преступления, где преобладают кражи и грабежи, совокупный удельный вес которых составляет 37%. Преобладание в психологии преступников, совершивших насильственные преступления против жизни и здоровья, корыстных мотивов можно объяснить их «паразитическим» образом жизни, поскольку, как показало исследование, 40,4% рецидивистов нигде не работают, соответственно, получение средств к существованию любым путем, пускай даже и преступным, становится для них нормой. Недаром многие криминологи еще три десятилетия назад отмечали, что нежелание трудиться представляет собой ярко проявляющееся свойство личности воров, объективно толкающее на совершение новых преступлений [11, с. 14].

У рецидивистов, ранее осужденных к **исправительным работам**, начавшим свою преступную карьеру с краж, в случае повторного осуждения частота хищений составляет 60%, удельный вес иных однородных с кражами и мошенничеством посягательств (грабежи и разбои) отмечен на уровне 15%. Таким образом, доля совокупного специального рецидива хищений составляет 75%. Для преступников, начавших свою преступную деятельность с посягательств против семьи и несовершеннолетних, характерна высокая специализация (63%), что говорит о недостаточной эффективности уголовного наказания в виде исправительных работ для указанной категории преступников.

Структура рецидива осужденных к **ограничению свободы** за насильственные преступления против жизни и здоровья характеризуется большей степенью

дифференциации. На долю общего рецидива приходится 47%, при этом внушительная доля представлена различными хищениями (19%; кражи, грабежи). Специальный рецидив – более половины (53%).

При новом осуждении преступники, **осужденные условно** за ненасильственные хищения, отвечают за кражу в 56% случаях. Частота осуждения за однородные с кражами преступления, грабежи и разбои, во второй судимости составляет 9%. Таким образом, совокупный удельный вес хищений составляет 65%.

Структура рецидива условно осужденных, совершивших впервые насильственные хищения, менее дифференцирована. Частота повторного осуждения преступников за грабежи и разбои составляет 12%, что не превышает среднего удельного веса (13%) лиц, начавших свою преступную деятельность с насильственных корыстных посягательств. Совокупная доля повторяемости хищений во второй судимости грабителей составляет более половины (52%), что еще раз подтверждает установленные выше тенденции повторения однородных с ними посягательств.

Для структуры рецидива осужденных условно за насильственные преступления против жизни и здоровья характерна высокая степень его дифференциации. Доля совершения ими иных преступлений при рецидиве составляет во второй судимости 61%, где значительное место принадлежит различного рода хищениям (39%). Специальный рецидив здесь – менее половины (39%). В структуре рецидива условно осужденных наркоманов удельный вес общего рецидива составляет

во второй судимости 54%, причем большая часть приходится на хищения (23%). Однако стоит отметить, что среди указанной группы преступников-рецидивистов более четверти (27%) на момент осуждения имели наркозависимость, и более половины (51,8%) были замечены в употреблении наркотиков в период нахождения на учете. Это не могло не отразиться на структуре их рецидивной преступности. В ней доля преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (специальный рецидив), составляет немногим менее половины – 46%, более трети из которых (37,4%) было учинено в течение полугода с момента осуждения.

Таким образом, рассчитанные статистические частоты тех или иных противоправных деяний явно свидетельствуют о том, что первые (предшествующие) преступления влияют на структуру рецидива, если таковой имеет место, порождают следующие основные закономерности исследуемого криминологического явления.

В структурах криминологического рецидива после осуждения за кражи, преступления против семьи и несовершеннолетних (как правило, представлены уклонением от уплаты алиментов) имеет место высокая доля специализации (от 57 до 63%), т.е. рецидивисты после осуждения с большим постоянством нарушают ту же норму уголовного закона. Структура рецидива, начатого с умышленных насильственных посягательств на жизнь и здоровье, отличается большей дифференциацией и, соответственно, переходом к общему рецидиву, что объясняется ситуационным характером таких преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 239 с.
2. Зелинский А.Ф. Структура рецидива // Правоведение. 1979. № 5. С. 65–68.
3. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М. : МГУ, 1969. 232 с.
4. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения : учеб. пособие. Горький : Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. 168 с.
5. Гришанин П.Ф. Ответственность преступников-рецидивистов по советскому уголовному праву : учеб. пособие. М. : РИО Акад. МВД СССР, 1974. 150 с.
6. Кудрявцев В.Н. Структура преступности и социальные изменения // Советское государство и право. 1971. № 6. С. 102–107.
7. Горюнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив / под науч. ред. В.А. Уткина. М. : Юрлитинформ, 2012. 165 с.
8. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) // Вестник Казанского института МВД России. 2014. № 4 (18). С. 50–55.
9. Яковлев А.М. Борьба с рецидивной преступностью. М. : Наука, 1964. 223 с.
10. Старков О.В. Криминология. М. : Экзамен, 2004. 480 с.
11. Бышевский Ю.В. Кражи и их предупреждение : лекция. Омск : Изд-во Омск. ВШМ МВД СССР, 1979. 26 с.
12. Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных к ограничению свободы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 151–154.

The Structure of Criminological Recidivism of Persons Convicted Without Imprisonment

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 126–132. DOI: 10.17223/23088451/13/25

Igor S. Drozdov, Shegarka District Prosecutor's Office (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: alternative sentences, persons convicted without imprisonment, criminological recidivism.

The statistics of the past ten years testify to the growing number of courts' sentences and other criminal law measures without isolation from society; more than 70% of convicts are not deprived of their liberty. This practice basically corresponds to the modern trend of criminal policy liberalization, aimed primarily at "saving" criminal repression by reducing real deprivation of liberty. This happens both through the use of probation and real punishment not related to isolation from society. This circumstance contributes to the urgency of the problem of increasing their effectiveness. The commission of a new crime by a convicted person (criminological recidivism) is an important criterion not only of the effectiveness of criminal punishment, but also of the organization of its execution. Among the important qualitative characteristics of this relapse to a criminal behavior is its structure. A sociological study of the nature of the crimes committed by "recidivists" was made. Its data were structured on the basis of the criminal motivation inherent to criminals, the degree of public danger of encroachment and the manner in which they were committed. As a result of analyzing the structure of criminological recidivism of persons sentenced to punishment and other measures not related to deprivation of liberty, conclusions were made about the

influence of the nature of the previous crime of perpetrators on their new crime if it had been committed. Criminological recidivism after conviction for theft, for crimes against the family and minors (usually represented by alimony evasion) has a high proportion of specialization from 57% to 63%, that is, after conviction, recidivists frequently violate the same rule of criminal law. Recidivism after deliberate violent encroachment on life and health is more differentiated and, consequently, tends to become general recidivism, which is explained by the situational nature of such crimes.

References

1. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugovolnykh nakazaniy: kurs lektsiy* [Problems of the theory of criminal penalties: a course of lectures]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Zelinskiy, A.F. (1979) Struktura retsidiva [The structure of recidivism]. *Pravovedenie*. 5. pp. 65–68.
3. Kuznetsova, N.F. (1969) *Prestuplenie i prestupnost'* [A crime and crime]. Moscow: Moscow State University.
4. Igoshev, K.E. (1974) *Tipologiya lichnosti prestupnika i motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Typology of the personality of the criminal and motivation of criminal behavior]. Gorkiy: Izd-vo GVSh MVD SSSR.
5. Grishanin, P.F. (1974) *Otvetstvennost' prestupnikov-retsidivistov po sovetskomu ugovolnomu pravu* [Responsibility of recidivists under the Soviet criminal law]. Moscow: RIO Akad. MVD SSSR.
6. Kudryavtsev, V.N. (1971) Struktura prestupnosti i sotsial'nye izmeneniya [The structure of crime and social change]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 102–107.
7. Gorodnyanskaya, V.V. (2012) *Postpenitentsiarnyy retsidiv* [Post-penitentiary recidivism]. Moscow: Yurlitinform.
8. Khisamutdinov, F.R. & Shalagin, A.E. (2014) Osobennosti preduprezhdeniya professional'noy i retsidivnoy prestupnosti (istoriya i sovremennost') [Features of the prevention of professional and recurrent crime (history and modernity)]. *Vestnik Kazanskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 4(18). pp. 50–55.
9. Yakovlev, A.M. (1964) *Bor'ba s retsidivnoy prestupnost'yu* [The fight against recidivism]. Moscow: Nauka.
10. Starkov, O.V. (2004) *Kriminopenologiya* [Criminopenology]. Moscow: Ekzamen.
11. Byshevskiy, Yu.V. (1979) *Krazhi i ikh preduprezhdenie. Lektsiya* [Thefts and their prevention. A lecture]. Omsk: Izd-vo Om. VShM MVD SSSR.
12. Ol'khovik, N.V. (2015) Recidivism of convicts sentenced to imprisonment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 395. pp. 151–154. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/395/25

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.985.2

DOI: 10.17223/23088451/13/26

Р.И. Седнев, Е.А. Шаталов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РЕАГЕНТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Статья посвящена производству допроса на стадии предварительного следствия с использованием тактических приемов и их комбинаций, в частности с применением психологического реагента как тактического средства, которое нашло широкое применение в правоохранительной деятельности органов США. В работе раскрываются понятие психологического реагента, приемы и способы его применения, тактическая целесообразность. Показаны различные способы реализации данного тактического приема в ходе допроса подозреваемого (обвиняемого), предложена наиболее действенная концепция его применения.

Ключевые слова: *психологический реагент, допрос подозреваемого, тактические приемы и комбинации, тактика допроса в США.*

Проблема психологического реагента в научной литературе традиционно рассматривается в контексте увязки данного понятия с тактикой допроса либо тактическими комбинациями. Справедливо подчеркивается, что важное значение имеет тактически грамотное использование психологических реагентов для оптимизации процесса и информационного взаимодействия следователя и допрашиваемого. Однако этим аспектом потенциальные возможности указанного феномена не исчерпываются [1. С. 523–529].

Эффект психологического реагента заключается не в процессуальных или тактических особенностях следственного действия, он детерминирован феноменом человеческой психологии. Дело в том, что в сознании человека психологический аспект играет одну из важнейших ролей социальной жизнедеятельности, он неподвластен физическому подавлению. Реагент работает по принципу полиграфа, выступая детерминантом для возбуждения в индивиде определенного эмоционального состояния, которое в стрессовой ситуации человек подавить не способен, и следовательно остается лишь «вычислить» психологические изменения, которые, как правило, выражаются в невербальных действиях допрашиваемого.

Реагент конструируется на основе психологической привязанности и ассоциативности нашего сознания с конкретными предметами материального мира. Современный человек отчасти зависим от своих вещей, у него в распоряжении есть одежда, бытовая техника, электронные гаджеты и многое другое, что повседневно его окружает, и он неизбежно психологически привязан к этим вещам. У людей зачастую имеются любимые рубашки, кофты, ручки и т.д., и чем привязанность к предмету выше, тем психологическая связь более выражена. Если представить, что у кого-либо из нас сломалась или испортилась вещь, будь это повседневная рубашка, к которой мы привыкли, или сотовый телефон, собственник испытает разочарование, досаду или огорчение, но в любом случае психологическая реакция будет неизбежной.

Кроме того, все предметы материальной действительности, окружающие нас, могут являться своего

рода ассоциативными связями с реальными событиями, с которыми подсознание связывает предмет. Следовательно, чем психологически интенсивнее событие, тем связь с предметом, с которым наше сознание будет ассоциировать данное событие, выше. То есть, являясь крайней формой человеческого поведения, преступление имеет настолько сильный эмоциональный окрас, что навсегда врезается в память, а предметы, которые неразрывно связаны с этим эмоциональным потрясением, являются сильнейшими реагентами для воспоминаний, особенно если такой предмет являлся орудием преступления. Получается, что, увидев некоторую вещь, с которой преступник или жертва были неразрывно связаны, преступник будет соотносить ее с событиями преступления. Как утверждает в своей работе В.А. Образцов, на основании подобного принципа ассоциативности и работает «психологический реагент» [2, с. 269].

Под реагентом принято понимать объект или предмет, который выступает своего рода триггером и приводит цепь психологических реакций в сознании человека в действие. Иначе говоря, психологический реагент включает в себя то, что в криминалистической науке принято обозначать «немыми свидетелями». Под этим термином понимаются самые различные объекты материального мира, тем или иным образом связанные с совершением преступления; ими могут являться следы-отпечатки, орудия преступления, документы, предметы посягательства и средства их транспортировки. Как отмечают психологи, человеческое сознание настолько уникально и в то же время парадоксально, что оно продолжает хранить в себе события, которые происходили с человеком, но тот по каким-либо причинам этих событий не помнит (в связи с действием алкоголя или психотропных веществ) [3, с. 19–21]. Следовательно, психологический реагент, действуя на бессознательное, способен пробудить глубоко в сознании определенные психологические чувства (эмоции), даже в условиях, если допрашиваемый не помнит события совершенного им или в его присутствии преступления.

При использовании реагента расчет таков: допрашиваемый, являющийся объектом тактического воздействия, восприняв указанный личностно значимый для него предмет, не останется безучастным наблюдателем, неизбежноотреагирует вербальным или иным способом на полученную информацию и внесет коррективы в демонстрируемую ранее психологическую установку, что будет отражено в его поведении.

К психологическому реагенту в обязательном порядке предъявляются следующие требования:

1. Предмет обязан быть индивидуализированным, допрашиваемый не должен спутать его с однородными объектами.

2. Предмет должен быть значимым для допрашиваемого и связан с преступлением.

3. Способ предъявления реагента иной, нежели при предъявлении доказательств.

4. Сценарий, который может быть реализован при этом, разрабатывается заранее с учетом психологических особенностей личности допрашиваемого.

Реагентом является предмет, который способен при его предъявлении кардинально повлиять на психику допрашиваемого, но центральное внимание уделяется не столько реагенту, сколько способу его предъявления.

Так, в распоряжении следователя имеется объект, отношение которого к исследуемому по делу событию не вызывает сомнений (например, это орудие преступления, обнаруженное на месте происшествия, или какой-то предмет, принадлежащий преступнику и утерянный последним во время бегства с места преступления). В то же время необходимо быть полностью уверенным в том, что к обнаруженному объекту подозреваемый (допрашиваемый) имеет непосредственное отношение и неожиданная «встреча» с предметом в ходе допроса не пройдет для него бесследно.

В классической теории психологического реагента, которая берет истоки в правоприменительной практике США, обозначено, что необходимо не предъявлять этот объект допрашиваемому, как положено предъявлять доказательства, а наоборот, положить предмет на видное место и не говорить о нем, т.е. искусственно не заострять внимание допрашиваемого [2, с. 269]. В таком случае при подготовке места предстоящего допроса в естественную среду внедряется «немой свидетель», и делается это таким образом, чтобы он (предмет-реагент) обязательно оказался в поле зрения допрашиваемого. При этом у допрашиваемого лица не должно сложиться впечатления о заведомой демонстрации объекта тактического воздействия. Объект, согласно криминалистической концепции Джона Эдварда Дугласа, должен находиться на том месте, где его нахождение логично и естественно, не будет привлекать особого внимания, но в то же время дает понять, что он среди других предметов находится явно не случайно [4].

Следователю не рекомендуется во время допроса обращать на реагент внимание и актуализировать на нем внимание допрашиваемого. Реагент должен «работать» сам по себе. Если допрашиваемый является в действительности тем, за кого его принимают, он, как бы ни старался, не сможет не среагировать на возму-

щающий его подсознание сильнейший раздражитель. Невербальные и вербальные проявления неизбежно выдадут допрашиваемого. Такова природа человеческой психологии, таковы особенности человеческого поведения в силу существующих между человеком и элементами окружающей его среды закономерных взаимозависимостей и взаимообусловленностей.

Классическим примером данного вида информационного взаимодействия и достигаемого при этом психологического эффекта может служить предъявление подозреваемому, отрицающему свою вину, изобличающих его во лжи вещественных доказательств. Это действие в конечном счете нередко приводит к разрушению ранее выработанной установки на отрицание вины и кардинальному изменению позиции в лучшую с точки зрения установления истины сторону.

Следовательно, реагент возможно использовать для сравнения реакции различных людей на один и тот же предмет. Допустим, если один из нескольких допрашиваемых проявляет к предмету заметно больший интерес, предмет его волнует и отвлекает, не дает сосредоточиться, то это весомый аргумент для следственных органов более пристально присмотреться к допрашиваемому.

Приведем пример из работы Виктора Образцова на основе практики знаменитого криминалиста Джона Эдварда Дугласа, начальника подразделения Федерального бюро расследований США: «Это случилось в пригородной зоне небольшого американского городка... Безжизненное тело Мэри Стоун, 12 лет, было обнаружено в шестнадцати километрах от ее дома в негустой лесополосе. Девочка пропала после того, как за несколько дней до обнаружения ее трупа вышла из школьного автобуса, остановившегося возле ее дома. Причиной смерти стал удар тяжелым камнем, расколовшим череп потерпевшей, причинив черепно-мозговую травму. Окровавленное орудие убийства обнаружили и изъяли сотрудники ФБР, производившие осмотр места преступления. Местная полиция сбилась с ног в тщетной попытке выйти на след преступника. В помощь сыщикам и следователям были выделены крупные специалисты из Федерального бюро расследований, среди них находился научный консультант Джон Дуглас, долгие годы посвятивший изучению насильственной преступности и практики раскрытия опаснейших преступлений» [2, с. 269]. Вскоре сотрудникам удалось заподозрить в совершении преступления нескольких местных жителей, но никаких фактов, подтверждающих предположение, установлено не было. Джон Дуглас пояснил полицейским, что теперь, когда один из подозреваемых понимает, что детектор лжи ему не страшен, остается лишь один путь уличить его повторным допросом, который следует провести ночью. Поначалу преступник будет ощущать себя более комфортно. Далее, советовал Джон Дуглас, оборудуйте комнату для допросов. Используйте нижнее освещение, создающее атмосферу таинственности, и сложите на виду стопку папок с именем подозреваемого. Самое главное, нужно положить на стол окровавленный камень с места преступления, но так, чтобы увидеть его подозреваемый мог, только повернув голову.

В ходе допроса детектив ничего не говорил подозреваемому об этом камне и не обращал на него внимания. Расчет был таков, что если допрашиваемый – Даррел Джин Девьер – и есть убийца, то он не сможет не обратить на реагент-камень внимания. Когда полицейские ввели Девьера в комнату, тот сразу же посмотрел на камень, покрылся испариной и начал тяжело дышать. Девьер вел себя нервно и настороженно и явно был подавлен при упоминании в разговоре о крови потерпевшей. В конце концов Девьер в сложившейся обстановке не смог остаться хладнокровным и признался не только в убийстве Мэри Френсис Стоун, но также и в совершении изнасилования. Даррел Джин Девьер был обвинен в изнасиловании и убийстве Мэри Френсис Стоун и приговорен судом к смерти. Он был казнен на электрическом стуле 17 мая 1995 г. [5].

В данном случае доказательства не предъявлялись привычным образом, камень играл роль психологического реагента, влияя на подсознание допрашиваемого. Даже если бы допрашиваемый не сознался в совершенном преступлении, поведение его на допросе было красноречивей многих доказательств.

То, как действовали в рассмотренной ситуации Джон Дуглас и его коллеги, полностью соответствует американскому законодательству и криминалистической практике США. Во всех деталях зарубежная схема подготовки и производства допроса подозреваемого не может быть механически перенесена в российскую следственную практику. Российское процессуальное законодательство более императивно регламентирует процессуальные аспекты следственного действия. В частности, оно запрещает производить допрос одного человека группой следователей, вводит серьезные ограничения в возможность допроса в ночное время. Однако то, что касается сути тактического замысла и технологии его воплощения в жизнь, представляется весьма поучительным и может быть взято на вооружение отечественными «пинкертонами».

Так, в 2018 г. следователем следственного отдела по г. Тогучин Следственного управления Следственного комитета РФ по Новосибирской области возбуждено уголовное дело по факту обнаружения трупа в с. Сурково Тогучинского района с видимыми признаками насильственной смерти. В совершении указанного преступления подозрение пало на жителя того же населенного пункта, на одежде которого были обнаружены следы крови потерпевшего. Следственная ситуация при расследовании дела осложнялась тем, что подозреваемый в день совершения инкриминируемого ему преступления распивал спиртные напитки с потерпевшим, но обстоятельств и событий всего дня не помнил ввиду сильнейшего алкогольного опьянения и употребления нелегально произведенных спиртосодержащих напитков. Следствие не исключало версию о том, что кроме установленных в ходе расследования фигурантов в совместном распитии спиртных напитков принимали участие и иные жители с. Сурково. В процессе дополнительного осмотра места происшествия во дворе дома, где был обнаружен труп, следователь обнаружил под снегом металлическую кочергу, при этом в ходе осмотра дома кочерги обнаружено не было, хотя свидетели

утверждали, что хозяин дома (подозреваемый) пользовался кочергой, сходной по описанию с находкой. Ввиду открывшихся обстоятельств следствие выдвигает версию, что кочерга является орудием преступления; кроме того, выводы судебно-медицинской экспертизы не исключали образования телесных повреждений предметом, сходными по свойствам с кочергой. В этот же день был произведен дополнительный допрос подозреваемого с участием защитника. Найденная кочерга в опечатанном полиэтиленовом (прозрачном) пакете лежала на стуле в кабинете, выложенная следователем для ее предъявления в качестве вещественного доказательства.

В приведенном примере кочерга непроизвольно стала выполнять роль «реагента». Еще до формального начала допроса подозреваемый всем своим видом демонстрировал крайнюю возбужденность, продолжительно не мог оторвать взгляда от пакета с кочергой, хватался руками за голову, пытался отвернуться от пакета, а разговор о кочерге начал сам. В ходе допроса определенно стало ясно, что кочерга принадлежит подозреваемому, различными невербальными проявлениями тот демонстрировал сильнейшее эмоциональное волнение, что при первоначальных допросах в его поведении не прослеживалось, в то же время объяснить такое поведение подозреваемый не мог. Когда ложь стала очевидной, подозреваемый признал, что, увидев кочергу, он вспомнил, что брал ее в момент конфликта с потерпевшим и предположительно наносил удары именно ею.

Указанная ситуация наглядно доказывает наличие психологических связей преступника и предметов, неразрывно связанных с преступлением, а также что формальное присутствие таковых объектов является сильнейшим психологическим раздражителем, обладающим ассоциативной связью с событием, благодаря чему допрашиваемый может вспомнить обстоятельства преступления. В связи с этим использование вещественных доказательств в качестве психологического реагента не требует особой подготовки, как это было сделано Джоном Дугласом, и не противоречит процессуальному законодательству, в то же время весьма действенно, в связи с чем может найти широкое распространение в правоприменительной практике.

Такой тактический прием, как психологический реагент, направлен на получение неформальных доказательств, которые будут положены в основу обвинения, так как поведение и невербальные проявления в протоколе не фиксируются, и на получение уверенности следствия в том, причастен ли допрашиваемый к совершенному преступлению или нет. Так как в условиях преобладания защитной доминанты и если подозреваемый допрашивается в присутствии адвоката по соглашению, то вероятность его признания ничтожна, так как такой фигурант заранее подготовлен к допросу. Но даже в таких обстоятельствах он не способен подавить эмоции при виде предмета-реагента. Также данный тактический прием способствует ответу на вопрос: «Видел ли допрашиваемый этот предмет ранее или нет?», – что позволит сузить круг подозреваемых. В совокупности данный метод позволяет сконцентрировать внимание из числа нескольких подозреваемых

на одном, который более активно отреагировал на предмет, и провести проверку в отношении данного фигуранта более детально: использовать оперативную разработку, запросить детализацию телефонных соеди-

нений, провести обыск, организовать допрос с использованием видеосъемки с последующей демонстрацией записи судебному психологу, при возможности провести экспертизу с использованием полиграфа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Образцов В.А., Самсонова Н.Д. Психологический реагент как объект теории криминалистики, оперативно-розыскной и следственной практики // LEX RUSSICA (научные труды МГЮА). 2005. № 3. С. 523–529.
2. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2002. 448 с.
3. Першин А.Н., Ефимкина Н.В. Практика определения лжи следователем // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 1 (28). С. 19–21.
4. John E. Reid and Associates. 1995. URL: https://www.reid.com/r_about.html (accessed: 15.02.2019).
5. Douglas John E. Guide to Careers in the FBI. New York : Simon and Schuster, 1998. URL: [https://everipedia.org/wiki/lang_en/John E. Douglas/](https://everipedia.org/wiki/lang_en/John_E._Douglas/) (accessed: 15.02.2019).
6. Абдулова В.Ф. Юридическая конфликтология, проблемы и перспективы преодоления конфликта // Юридическое образование и наука. 2007. № 1. С. 19–24.

The Use of a Psychological Reagent in the Interrogation During the Preliminary Investigation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 133–136. DOI: 10.17223/23088451/13/26

Ruslan I. Sednev, Siberian Main Administration of the Bank of Russia (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ruslan.sednev@mail.ru

Evgeniy A. Shatalov, Novosibirsk Law Institute, Branch of Tomsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: penalize@rambler.ru

Keywords: psychological reagent, interrogation of suspect, tactical techniques and combinations, interrogation techniques in the United States.

The study is aimed at analyzing the use of the psychological reagent tactical tool during interrogation at the preliminary investigation stage and the rules, procedure and conditions for its use in order to achieve the greatest efficiency and obtain true information during interrogation. The novelty of this work lies in the development of the most effective methodology for the use of a psychological reagent based on the investigative practice of the United States and of options for applying this tactical technique by the Russian criminal procedure law enforcement agencies. The work defines the concept of a psychological reagent, techniques and methods of its use, tactical expediency. The various ways of implementing this tactical technique are shown during the interrogation of the suspect (the accused), the most effective concept of its use is proposed. An investigative situation created by an investigator of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in Novosibirsk Oblast using evidence as a reagent is demonstrated and analyzed. During the study, an in-depth study of the tactical technique with a demonstration of its effectiveness in the course of law enforcement has been made. This technique is used not only for obtaining formal evidence that will form the basis of the prosecution, but also for identifying non-verbal manifestations that are not recorded in the protocol of the investigative action yet they show the investigator whether the interrogated person is involved in the crime or not.

References

1. Obratsov, V.A. & Samsonova, N.D. (2005) Psikhologicheskii reagent kak ob'ekt teorii kriminalistiki, operativno-rozysknoy i sledstvennoy praktiki [Psychological reagent as an object of the theory of criminology, operation search and investigative practices]. *LEX RUSSICA*. 3. pp. 523–529.
2. Obratsov, V.A. & Bogomolova, S.N. (2002) *Kriminalisticheskaya psikhologiya* [Forensic psychology]. Moscow: Yuniti-Dana, Zakon i pravo.
3. Pershin, A.N. & Efimkina, N.V. (2007) Praktika opredeleniya lzhi sledovatelem [Determining a lie by the investigator]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*. 1 (28). pp. 19–21.
4. John E. Reid and Associates, Inc. (1995) *Company information*. [Online] Available from: https://www.reid.com/r_about.html. (Accessed: 15.02.2019).
5. Douglas, J.E. (1998) *Guide to Careers in the FBI*. New York: Simon and Schuster. [Online] Available from: [https://everipedia.org/wiki/lang_en/John E. Douglas/](https://everipedia.org/wiki/lang_en/John_E._Douglas/). (Accessed: 15.02.2019).
6. Abdulova, V.F. (2007) Yuridicheskaya konfliktologiya, problemy i perspektivy preodoleniya konflikta [Legal conflictology, problems and prospects for overcoming the conflict]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*. 1. pp. 19–24.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АДАМЧИК Яна Дмитриевна – студент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург. E-mail: a.tuzov@spbu.ru

АНИСИМОВ Андрей Геннадиевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск. E-mail: 7821@mail.ru

АСМАРЯН Олег Григорьевич – кандидат биологических наук, доцент Российского государственного аграрного заочного университета, г. Балашиха. E-mail: draul1@yandex.ru

БАРАНОВ Александр Михайлович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск. E-mail: baranowam@list.ru

ВАЛЕЕВ Марат Тагирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: mtv666@yandex.ru

ВАСЕЛОВСКАЯ Александра Викторовна – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: vaselovskaya.a@mail.ru

ГУДЖАБИДЗЕ Георгий Автандилович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права Байкальского государственного университета, г. Иркутск. E-mail: gg@gio.ru

ГУЛИЕВА Натаван Байрам кызы – доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета, г. Кемерово. E-mail: natavan-1212@mail.ru

ДАРХАНОВА Арюна Баировна – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ. E-mail: sanaryuna@yandex.ru

ДЖИНДЖОЛИЯ Рауль Сергеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры интеллектуальных прав Института экономики и права МИРЭА – Российского технологического университета, г. Москва. E-mail: draul1@yandex.ru

ДРОЗДОВ Игорь Сергеевич – заместитель Шегарского районного прокурора Томской области, младший советник юстиции, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

ЖЕЛЕВА Ольга Викторовна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: zheleva.olga@gmail.com

КАЗАРИНА Марина Игоревна – ассистент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права Байкальского государственного университета, г. Иркутск. E-mail: kazarinami@yandex.ru

КОСЕНКО Андрей Михайлович – старший следователь Няганского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре; аспирант Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Нягань. E-mail: Kosenko_am@mail.ru

КРАСНОПЕЕВ Илья Сергеевич – аспирант кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск. E-mail: krasnopeevis@yandex.ru

КУДРАТОВ Некруз Абдунабиевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Таджикского государственного университета коммерции, г. Душанбе. E-mail: nek-kudratov@mail.ru

ЛАКЕХИН Михаил Александрович – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары. E-mail: lakehin@rambler.ru

ЛОЗИНСКИЙ Игорь Владиславович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

МАРИНИЧЕВА Анна Юрьевна – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

НИКИТИН Дмитрий Алексеевич – доцент, кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России, г. Псков. E-mail: dima60-62@yandex.ru

НОВИКОВ Егор Евгеньевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, г. Новокузнецк. E-mail: mavt-85@mail.ru

НОСКОВА Елена Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

ОРЕШКИН Максим Иванович – кандидат юридических наук, руководитель коллегии адвокатов «Оптимум» Иркутской области, г. Иркутск. E-mail: morebaik@yandex.ru

ПОПОВА Елена Ильинична – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ. E-mail: popovaelena03@yandex.ru

РУКАВИШНИКОВА Анастасия Анатольевна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

СЕДНЕВ Руслан Игоревич – эксперт первой категории Отдела временных администраций финансовых организаций Сибирского Главного управления Банка России, г. Новосибирск. E-mail: ruslan.sednev@mail.ru

СМИРНОВА Ирина Георгиевна – доцент, доктор юридических наук, заведующая кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права Байкальского государственного университета, г. Иркутск. E-mail: smirnova-ig@mail.ru

СПИРИДОНОВ Михаил Сергеевич – судья Ставропольского краевого суда, г. Ставрополь. E-mail: mishok84@mail.ru

СУТУРИН Михаил Александрович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск. E-mail: mialsu@yandex.ru

ТУЗОВ Андрей Геннадьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург. E-mail: a.tuzov@spbu.ru

УВАРОВ Олег Николаевич – кандидат юридических наук, профессор кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

УСЕЕВ Ренат Зинурович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России, г. Самара. E-mail: useev@rambler.ru

ХАЧИДОГОВА Мадина Муаедовна – магистрант кафедры уголовного права и криминологии Института права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик. E-mail: draul1@yandex.ru

ЦЫРЕТОВ Алексей Иванович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск. E-mail: Alex.tsi@mail.ru

ШАТАЛОВ Евгений Анатольевич – доцент, кандидат юридических наук, преподаватель Новосибирского юридического института – филиала Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Новосибирск. E-mail: penalize@rambler.ru

ШЕЛГАЧЕВ Егор Михайлович – магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru